

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Отделение теоретической и прикладной лингвистики

Малые языки в большой лингвистике

Сборник трудов конференции 2017

Москва
Буки Веди
2018

УДК 811
ББК 81.411.2-02

Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017 /
Ред. Кс. П. Семёнова. – М.: «Буки Веди», 2018. – 216 с. – ISBN 978-5-4465-
2096-1

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук В. И. Беликов
доктор филологических наук Н. Р. Сумбатова

В сборник вошли статьи, написанные участниками конференции «Малые языки в большой лингвистике», состоявшейся на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 2-3 ноября 2017 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

ISBN 978-5-4465-2096-1

© Авторы, 2018

Оглавление

От редактора.....	7
<i>П. М. Аркадьев</i> Частные вопросы без вопросительных слов: интеррогативные глагольные формы в абазинском языке	9
<i>А. В. Архипов</i> Изменения в селькупском вокализме: частное акустическое исследование	16
<i>И. С. Бурукина</i> Формальная характеристика рефлексива <i>-i'</i> в языке какчикель	23
<i>И. С. Бурукина</i> Семантика и синтаксис интенсификатора <i>ške</i> в горномарийском языке.....	29
<i>О. С. Волков, Д. И. Игнатенко</i> Комплетив и терминатив в амгуэмском говоре чукотского языка	35
<i>Е. В. Деликанова</i> Некоторые наблюдения над порядком слов в баргузинском диалекте бурятского языка.....	42
<i>Д. О. Жорник, С. В. Покровская</i> Документация верхнелозьвинского диалекта мансийского языка	49
<i>Т. С. Зевахина</i> Редупликативы дунганского языка в словаре и тексте	57
<i>Д. М. Зеленский, П. О. Россяйкин</i> Асимметрия по полярности системы причастий возможности баргузинского диалекта бурятского языка	63
<i>И. А. Зибер</i> О консонантизме амгуэмского говора чукотского языка	70
<i>О. Н. Иконникова</i> Номинализованные предикатные комплексы в салишском языке кёр-д'ален в синхронно-диахронном аспекте	77

<i>Е. В. Кашкин, М. А. Сидорова, А. Р. Гарейшина, Д. Д. Мордашова, И. К. Учитель</i>	
Всё =ok: о семантике одной горномарийской энклитики	83
<i>А. А. Кибрик</i>	
Опыт создания списка Сводеша для экзотического языка	91
<i>А. А. Козлов</i>	
Инкорпорация именных зависимых в имя в амгуэмском чукотском	94
<i>Ю. Б. Коряков</i>	
Амшенский армянский: история изучения и современное состояние	100
<i>Ю. В. Мазурова</i>	
Индия – новый ареал на карте полевых исследований	107
<i>Т. А. Майсак</i>	
«Презенс нарушенного ожидания» в андийском языке	112
<i>Н. В. Макеева, А. Б. Шлуинский</i>	
Фактатив в языке акебу	119
<i>А. Е. Маньков</i>	
Диалект села Старошведское: некоторые итоги и перспективы изучения	125
<i>Е. К. Молчанова</i>	
Бесписьменный язык зороастрийский дари в рамках большой иранистики	132
<i>Е. В. Моргунова</i>	
Эллиптическая конструкция с глаголом <i>ti:xə</i> в бурятском языке	138
<i>Г. А. Мороз, С. Ферхеес</i>	
Классы в Зило: экспериментальные данные андийского языка	145
<i>М. А. Овсянникова, О. В. Ханина</i>	
Что происходит с языком, когда на нем перестают говорить? (данные нефинитных форм лесного диалекта энецкого языка)	151
<i>Svetlana V. Orlova</i>	
Semantics of evidential particles in Northern Selkup	159

А. Б. Панова

Сложные предикаты с элементом *-дзыцца-* в абазинском языке:
между морфологией и синтаксисом 167

П. С. Плешак, Т. И. Давидюк

Структура именной и послеложной групп
в горномарийском языке 174

М. Ю. Привизенцева

Множественное падежное маркирование
при эллипсисе существительного:
словоизменение vs. словообразование 181

Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова

Маркирование прямого дополнения и его линейная позиция
в коми-зырянском языке (печорский диалект) 188

Н. М. Стойнова

Система глагольной деривации в ульчском языке:
зона глагольной множественности 196

А. И. Федоренко

Рутульский и цахурский атрибутивизаторы:
гипотеза о встречном развитии показателей 203

И. А. Хомченкова

Частица *=at* в горномарийском языке: синтаксис и семантика 210

От редактора

В настоящий сборник вошли статьи участников конференции «Малые языки в большой лингвистике», состоявшейся на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 2–3 ноября 2017 года. Конференция была приурочена к 50-летию школы полевой лингвистики, основы которой заложили А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов и А. И. Кузнецова.

Языки, ставшие объектом исследования, представляют 13 языковых семей и групп из разных частей света — абхазо-адыгскую, атабаскскую, индоевропейскую, ква, майя, монгольскую, нахско-дагестанскую, салишскую, самодийскую, сино-тибетскую, тунгусо-маньчжурскую, финно-угорскую, чукотско-камчатскую.

Не менее разнообразна и проблематика статей — отражение нашли не только явления различных уровней языка, начиная с фонетики (статьи А. В. Архипова и И. А. Зибер) и заканчивая синтаксисом (П. М. Аркадьев, Е. В. Деликанова, Е. В. Моргунова и мн. др.), но и проблемы, непосредственно связанные с процессом изучения и документации малоописанных языков, как практического, так и теоретического характера (статьи Д. О. Жорник и С. В. Покровской, А. Е. Манькова, Е. К. Молчановой, А. А. Кибрика).

Основообразующий элемент сборника (что, впрочем, прямо следует из тематики конференции) — это то, что все работы представляют результаты полевых исследований. В большинстве случаев, речь идёт о языках с малым числом носителей, о языках, находящихся под угрозой исчезновения. В этом отношении невозможно переоценить вклад авторов статей в описание и сохранение языкового многообразия современного мира. Прошедшая конференция, как нам кажется, предоставила столь важную для этих целей площадку, где полевые исследователи — как совсем молодые студенты бакалавриата, так и уже состоявшиеся профессионалы — могли поделиться друг с другом важным опытом и знаниями. Отрадно видеть, что традиция, заложенная полвека назад нашими учителями, живёт и развивается, и очень хочется надеяться, что эта конференция станет регулярной.

Кс. П. Семёнова

Частные вопросы без вопросительных слов: интеррогативные глагольные формы в абазинском языке*

Пётр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН, РГГУ
alpgurev@gmail.com

1. Введение

Частные (специальные) вопросы вроде *Кто пришёл?*, требующие от адресата сообщить значение неизвестной говорящему переменной, имеют расчленённую коммуникативную структуру, где переменная является фокусом, а остальная часть высказывания — пресуппозицией [Lambrecht 1994: 282; Idiatov & van der Auwera 2004] (исходным предположением вопроса [Падучева 1985: 238–240]), ср. (1):

(1) [*Кто* (x)]_{фокус} [*пришёл* (x)]_{пресуппозиция}?

В подавляющем большинстве языков мира частные вопросы строятся с использованием специальных лексических единиц, выражающих фокус вопроса, — так называемых вопросительных местоимений [Ultan 1978: 53; Siemund 2001: 1018].

Во многих языках, в том числе в языках Северного Кавказа, частные вопросы используют фокусную конструкцию типа (псевдо)клефта, где вопросительная группа является сказуемым, а пресуппозитивная часть — безвершинной релятивизацией, см. [Sumbatova 2009, Сумбатова 2009], ср. французский пример (2a) и его адыгейский эквивалент (3a). В примерах (2b) и (3b) показано, что та же конструкция используется в обычных относительных предложениях.

(2) французский (индоевропейские > романские)

a. [*Qu'est-ce*] [*que tu lis*]?

‘Что ты читаешь?’ букв. «Что есть то, что ты читаешь?»

b. *Tu es très triste à la fin de chaque roman* [*que tu lis*].

‘Ты грустишь в конце каждого романа, который ты читаешь.’¹

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых языках».

¹ <http://www.welovebuzz.com/12-signes-que-tu-es-un-accro-a-la-lecture/>, просмотрено 24.04.2018.

(3) адыгейский (западнокавказские > адыгские, полевые данные автора)

- a. [səd-a] [wə-z-a-ʒ'e-re-r]?
 что-Q 2SG.ABS-REL.IO-DAT-читать-DYN-ABS
 '(2a)'
- b. txəλ-ew wə-z-a-ʒ'e-re-r
 книга-ADV 2SG.ABS-REL.IO-DAT-читать-DYN-ABS
 'книга, которую ты читаешь'

Абхазский и абазинский языки, не являясь исключением из этой тенденции, особенно интересны для типологии частных вопросов, поскольку в них фокус и пресуппозиция вопроса могут быть выражены морфологически в одной глагольной словоформе, что в типологических исследованиях ранее практически не отмечалось (см., впрочем, [Idiatov 2007: 271–278]). В данной работе описывается морфология частных вопросов в абазинском языке на основе материала, собранного в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун Абазинского района Республики Карачаево-Черкесия в июле 2017 г.

2. Необходимые сведения об абазинском языке

Абазинский язык характеризуется полисинтетизмом и последовательным вершинным маркированием: роли всех актантов выражаются морфологически в составе сказуемого с помощью префиксов лица-числа-класса (4).

- (4) j-šə-z-j-a-s-h^m-p
 3SG.N.ABS-2PL.IO-BEN-3SG.M.IO-DAT-1SG.ERG-говорить-NPST.DCL
 'Я скажу ему (это) о вас.' (пример из текста)

Кроме того, морфологически кодируются пространственные, аспектуальные, модальные и временные значения, а также независимый или подчинённый статус предикации. Последнее отражается в противопоставлении так называемых «финитного» и «нефинитного» рядов видовременных форм, ср. [Чкадуа 1970], см. таблицу 1.

Таблица 1. «Финитные» и «нефинитные» видовременные показатели

		«финитные»	«нефинитные»
статические глаголы	настоящее	-p/-b	-əw
	прошедшее	-n	-z
динамические глаголы	настоящее	-əj-t/-əj-d	-wa
	имперфект	-wa-n	-wa-z
	аорист	-t/-d	(-z)
	будущее	-wa-š-t/-wa-š-d	-wa-š

На основе «нефинитных» форм образуются, среди прочего, отрицательные и вопросительные формы, использующиеся в качестве независимого сказуемого.

Релятивные клаузы в абазинском языке строятся на основе нефинитных глагольных форм, в составе которых показатель релятивизуемого актанта заменяется на префиксы релятивизации *jə-* (абсолютив) или *zə-* (прочие позиции), см. [Hewitt 1979a; Kibrik 1992; Россиус 2017; Сорокина 2017], ср. примеры (5) и (6).

- (5) a. *pxəz-ta bə-z-ba-d*
 сон-ADV 2SG.F.ABS-1SG.ERG-видеть-(AOR)DCL
 ‘Я увидел тебя во сне.’ [Сорокина 2017: 3]
- b. *pxəz-ta jə-z-ba-z bara*
 сон-ADV REL.ABS-1SG.ERG-видеть-PST.NFIN ты.F
b-aḱ^w-b
 2SG.F.ABS-COP-NPST.DCL
 ‘Кого я увидел во сне — это ты.’ [там же]
- (6) a. *sə-nbž’aḱ^w-ča-k^{wa} j-g’ə-r-dər-wa-m*
 1SG.IO-друг-PL.H-PL 3SG.N.ABS-NEG-3PL.ERG-знать-IPF-NEG
 ‘Мои друзья не знали этого.’
- b. *sə-nbž’aḱ^w-ča-k^{wa} jə-z-dər-k^w-wə-z*
 1SG.IO-друг-PL.H-PL 3SG.N.ABS-REL.ERG-знать-PL-IPF-PST.NFIN
 ‘мои друзья, которые знали это’ (пример из текста)

По сходной модели строятся и некоторые обстоятельственные нефинитные формы, ср. темпоральную релятивизацию в примере (7).

- (7) *č-an-hə-r-pχá* *ámš’taχ’* *a-zə*
 RFL.ABS-REL.TEMP-1PL.ERG-CAUS-греться после DEF-вода
č-atá-ta-h-psa-χə-n
 RFL.ABS-RE-LOC-1PL.ERG-сыпать-RE-PST
 ‘После того, как согрелись, мы опять пошли в воду.’ (пример из текста)

3. Частновопросительные глагольные формы в абазинском языке

При анализе вопросительных глагольных форм абазинского языка следует различать вопросы к актантам предиката и к сирконстантам, строящиеся, соответственно, на базе актантной и обстоятельственной релятивизации.

Актантные вопросительные формы содержат релятивный префикс в позиции, соответствующей синтаксической роли фокуса вопроса, и один из двух вопросительных суффиксов, выступающих аналогом вопросительного слова и указывающих на личность (*-da*) и неличность (*-ja*) переменной вопроса. Нижеследующие примеры иллюстрируют

вопросы к абсолютиву субъекта (8) и прямого объекта (9), к эргативу (10), к непрямому объекту (11) и к объекту, вводимому аппликативным превербом (12).

- (8) а. *j-ʕa-ka-ʂá-ja?*
REL.ABS-DIR-LOC-падать-QN
‘Что упало?’
- б. *j-ʕa-ka-ʂá-da?*
REL.ABS-DIR-LOC-падать-QH
‘Кто упал?’
- (9) а. *jə-b-bá-da?*
REL.ABS-2SG.F.ERG-видеть-QH
‘Кого ты видела?’
- б. *j-ʕá-b-g-ja?*
REL.ABS-DIR-2SG.F.ERG-нести-QN
‘Что ты принесла?’
- (10) *w-ʕa-z-rə-há-ja?*
2SG.M.ABS-DIR-REL.ERG-CAUS-бояться-QN
‘Что тебя напугало?’
- (11) *wə-z-pš-wá-da?*
2SG.M.ABS-REL.IO-смотреть-IPF-QH
‘На кого ты смотришь?’
- (12) *swəp z-la-rá-ē-wa-ja?*
суп REL.IO-INS-3PL.ERG-пить-IPF-QN
‘Чем едят суп?’

Поскольку приименной посессор в абазинском языке кодируется как не прямой объект (13а), вопрос к посессору оформляется аналогичным образом, ср. (13б) с обладаемым в позиции предиката.

- (13) а. *s-ra*
1SG.IO-сын
‘мой сын’
- б. *də-z-p-əw-da?*
3SG.H.ABS-REL.IO-сын-PRS.NFIN-QH
‘Чей это сын?’ (букв. «Кто есть тот, чей это сын?»)

Рефлексивизация непрямого объекта в абазинском обычно выражается дублированием соответствующего личного префикса (14а), и при образовании вопроса к субъекту такого глагола релятивный префикс также повторяется (14б).

- (14) а. *hara ʕac-ra š'arda h-hə-r-dər-d*
мы новый-MSD много (3SG.N.ABS)IPL.IO-IPL.ERG-CAUS-знать-DCL
‘Мы изучили (букв. каузировали себя знать) много нового.’
- б. *awəj z-zə-r-dər-wa-z-da?*
то REL.IO-REL.ERG-CAUS-знать-IPF-PST.NFIN-QH
‘Кто это изучал?’

Это является следствием более общей закономерности: при релятивизации на релятивный префикс заменяются все личные префиксы с тем же референтом (см. [O'Herin 2002: 264–265]; ср. также [Ландер 2009] об аналогичном явлении в адыгейском). Ср. пример (15), где фокус вопроса совпадает с посессором актанта, и (16) с полипредикативной конструкцией с совпадением субъектов.

- (15) *z-pájš' ja-ŕ^wna-ĉ^w-áw-da?*
 REL.IO-комната REL.ABS-LOC-сидеть-PRS.NFIN-QH
 'Кто сидит у себя в комнате?' (букв. «кто есть сидящий в чьей комнате?»)

- (16) *ba ʒa-s-á-z-h^wa-rnəs*
 поцелуй DIR-1SG.IO-DAT-REL.ERG-сказать-PURP
jə-z-taq-áw-da?
 3SG.N.ABS-REL.IO-надо-PRS.NFIN-QH
 'Кто хочет меня поцеловать?'

Вопросительные формы, как и вообще релятивные формы, могут присоединять именной показатель множественного числа *-k^wa*, ср. (17).

- (17) *já-w-c-k^wa-z-da?*
 REL.ABS-2SG.M.IO-быть.вместе-PL-PST.NFIN-QH
 'С кем (мн.) ты был?' (пример из текста)

Обстоятельственные вопросы содержат префиксы обстоятельного подчинения, за которыми непосредственно следует префикс обстоятельного вопроса *-ba/-pa*, ср. пример (18) с вопросом о времени (ср. также пример (7) выше), (19) с вопросом о месте и (20) с вопросом о способе.

- (18) *h-an-ba-də-r-ĉ'-wə-š?*
 1PL.ABS-REL.TEMP-QADV-3PL.ERG-CAUS-есть-IPF-FUT
 'Когда нас покормят?'

- (19) a. *h-ʒa-nxa-wá ápχ'arta*
 1PL.ABS-REL.LOC-работать-IPF школа
 'школа, в которой мы работаем'

- b. *w-ʒa-bá-nxa-wa?*
 2SG.M.ABS-REL.LOC-QADV-работать-IPF
 'Где ты работаешь?'

- (20) *r-wəs š-pa-c-wə-š?*
 3PL.IO-дело REL.MNR-QADV-идти-IPF-FUT
 'Как пойдут их дела?' (пример из текста)

Вопросы о причине и цели, однако, строятся по актантной модели и неотличимы от вопросов к неличному непрямому объекту, ср. (21). С типологической точки зрения в этом нет ничего удивительного, ср. русское разговорное *чего* ‘почему’ или литовское стандартное *kam* ‘кому / чему, зачем’.

- (21) *wə-nbžʹafʷ-ča-kʷa* *z-šá-wə-m-d-ja?*
 2SG.M.IO-друг-PL.H-PL REL.IO-DIR-2SG.M.ERG-NEG-вести-QN
 ‘Почему ты своих друзей не привел?’ (пример из текста)

Логичным следствием такой стратегии оформления частных вопросов является запрет на множественные вопросы (отсутствующий в адыгских языках, см. [Касьянова 2017]; о других языках с подобным запретом см. [Stoyanova 2008]), ср. утверждение Б. Хьюита об абхазском [Hewitt 1979b: 21]: “Is it possible to question more than one thing in a sentence? No.”

4. Заключение

Морфологический способ образования частных вопросов в абазинском и абхазском [Hewitt 1979b: 10–23] — исключительная типологическая редкость. Тем не менее, за этой уникальной чертой стоят вполне определённые и логичные факторы:

- 1) типологически распространённая стратегия образования частных вопросов с помощью фокусной конструкции с релятивизацией;
- 2) характерная для всей западнокавказской семьи морфологическая стратегия образования релятивных форм, опирающая в свою очередь на
- 3) свойственное полисинтетическим языкам эксплицитное кодирование ролевой информации в глагольных формах.

Не находят очевидного объяснения лишь вопросительные морфемы. Несмотря на то, что в симметричной структуре абазинских суффиксов актантных вопросов соблазнительно усмотреть личный (*d-*) и неличный (*j-*) показатели абсолютива и на этом основании счесть источником суффиксов энклитизированные вопросительные слова с обобщённым корнем, данные других западнокавказских языков говорят о том, что абазинская ситуация диахронически скорее вторична. В абхазском неличные и обстоятельственные частные вопросы оформляются суффиксом *-j* [Hewitt 1979b: 12–15], и тот же суффикс используется в частных вопросах в уبخском [Fenwick 2011: 133–134], где они строятся без релятивизации.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; COM — комитатив; DAT — дативный аппликатив; DCL — декларатив; DEF — определённый; DIR — директивный преверб; DYN — динамичность; ERG — эргатив; F — женский род; FUT — будущее время; H — класс людей; INS — инструменталис; IO — не прямой объект; IPF — имперфектив; LOC — локативный преверб; M — мужской род; MNR — способ; MSD — масдар; N — класс не-людей;

NEG — отрицание; NFIN — нефинтность; NPST — непростое время; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PURP — целевая форма; Q — вопросительность; RE — рефактив; REL — релятивизация; RFL — рефлексив; SG — единственное число; TEMP — темпоральное подчинение.

Литература

- Касьянова П.А. 2017. Кто кому что о чем говорит? Вопросительные предложения в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка. Рукопись.
- Ландер Ю.А. 2009. Множественная релятивизация: подлинная и мнимая // Я.Г. Тестелец (ред.), *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 612–651.
- Падучева Е.В. 1985. *Высказывание и его соотносённость с действительностью*. М.: Наука.
- Россиус А.А. 2017. Стратегии релятивизации в абазинском языке. Экспедиционный отчет.
- Сорокина А.Д. 2017. Относительные конструкции в абазинском языке. Экспедиционный отчет.
- Сумбатова Н.Р. 2009. Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус // Я.Г. Тестелец (ред.), *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 559–611.
- Чакуда Л.П. 1970. Система времён и модальных образований в абхазо-абазинских диалектах. Тбилиси: «Мецниереба».
- Hewitt B.G. 1979a. The relative clause in Abkhaz (Abzui dialect) // *Lingua* 47, 151–188.
- Hewitt B.G. 1979b. *Abkhaz*. Amsterdam: North Holland.
- Idiatov D. 2007. A Typology of Non-Selective Interrogative Pronominals. PhD Dissertation, Universiteit Antwerpen.
- Idiatov D. & J. van der Auwera 2004. On interrogative pro-verbs // I. Comorovski & M. Krifka (eds.), *Proceedings of the Workshop on the Syntax, Semantics and Pragmatics of Questions*, ESSLLI 16, 17–23.
- Kibrik A.A. 1992. Relativization in polysynthetic languages // *International Journal of American Linguistics* 58(2), 135–157.
- Lambrecht K. 1994. *Information Structure and Sentence Form*. Cambridge: CUP.
- O’Herin B. 2002. Case and Agreement in Abaza. Arlington: SIL International.
- Siemund P. 2001. Interrogative constructions // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher & W. Raible (eds.), *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. Vol. 2. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1010–1028.
- Stoyanova M. 2008. Unique Focus. Languages without Multiple Wh-Questions. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Sumbatova N. 2009. Constituent questions and argument-focus constructions: some data from the North-Caucasian languages // J. Helmbrecht, Y. Nishima, Yong-Min Shin, S. Skopeteas, E. Verhoeven (eds.), *Form and Function in Language Research. A Festschrift for Christian Lehmann*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 313–328.
- Ullian R. 1978. Some general characteristics of interrogative systems // *Universals of Human Language*. № 4. P. 211–248.

Изменения в селькупском вокализме: частное акустическое исследование*

Александр Владимирович Архипов
Гамбургский университет, МГУ имени М. В. Ломоносова
alexandre.arkhipov@uni-hamburg.de, sarkipo@mail.ru

1. Введение

Представляемая работа является частным акустическим исследованием формантной структуры гласных в северном (тазовском) диалекте селькупского языка. Материалом послужили записи, сделанные во время работы с двумя селькупскими информантами в Москве в апреле 2017 г. в рамках проекта INEL (Arkhipov, Däbritz 2018). Основная работа заключалась в разборе магнитофонных записей, сделанных в 1960-х гг. А. И. Кузьминой. Сеансы работы записывались на диктофон, чтобы иметь возможность впоследствии уточнить фонетическую запись и переводы. Дополнительно были сделаны аудиозаписи отдельных слов, которые могут служить образцами при анализе произношения информантов. В настоящем исследовании эти аудиозаписи были использованы для оценки формантной структуры гласных в идиолектах информантов.

2. Диалектная характеристика дикторов

Селькупский язык находится, как и многие другие языки коренных народов Сибири, на грани исчезновения. Носителей центральных и южных диалектов в живых осталось не более двух-трёх человек. Среди северных селькупов ситуация чуть менее трагична, однако уже в 2010 г. общее количество говорящих, по оценке О. А. Казакевич, составляло не более 500 человек (из них считанные единицы детей). Диалектологическая картина селькупского языка достаточно сложна, и консенсуса в классификации селькупских диалектов не достигнуто. В «Диалектологическом словаре» под ред. О. А. Казакевич в северном (тазовско-туруханском) *наречии* выделяются следующие *говоры*: среднетазовский, верхнетазовский, верхнетолькинский (ларьякский), баишенский, елогуйский (Казакевич, Будянская, 2010, 3). Описание в «Очерках по селькупскому языку» (Кузнецова и др., 1980) основано на данных среднетазовского и верхнетазовского говоров.

* Публикация подготовлена в рамках исследовательской Программы Академий, совместно финансируемой Федеральным правительством Германии и Федеральными землями, при участии Федерального министерства образования и научных исследований и Вольного и ганзейского города Гамбурга. Программа Академий координируется Союзом Академий наук Германии.

Дикторы, участвовавшие в исследовании, являются носителями двух говоров северного наречия. Диктор S — женщина, 1962 г. р., родилась в с. Толька Пуровского района (ЯНАО), живёт в г. Тарко-Сале. Диктор Т — женщина, 1953 г. р., родилась и живёт в с. Красноселькуп (ЯНАО). Обе они в повседневной жизни селькупским языком не пользуются, но владеют им достаточно хорошо, явных следов русского влияния в их произношении не отмечается. В то же время, некоторые фонологические оппозиции на осознанном уровне не проявлялись, а объём активного словарного запаса дикторов накладывал существенные ограничения на возможности записи звучащих примеров.

Говор диктора Т — среднетазовский, лёгший в основу «Очерков...»; таким образом, отличия системы диктора Т от системы, описанной в «Очерках...», можно с достаточно небольшим приближением считать изменениями, обусловленными языковым сдвигом и постепенной утратой языковой компетенции. Говор диктора S — верхнетолькинский. Для этого говора, описанного сравнительно недавно (Кузьмина, 1976), в литературе отмечены некоторые фонетические отличия от среднетазовского. В частности, ср.-таз. *l' ~ в.-тольк. l' /j* (*pōl' ~ pōl' /pōj* 'деревянный'); ср.-таз. *q ~ в.-тольк. χ* (*qapš̄in ~ χapš̄in* 'колотушка'), ср.-таз. *p, k* (на конце слова) ~ в.-тольк. *f, x* (*nop ~ nof* 'бог, небо', *qok ~ χox* 'начальник'), и др. (Казакевич, Будянская, 2010, 349).

3. Вокалическая система среднетазовского говора

Согласно «Очеркам...», в тазовском диалекте различается 25 гласных фонем, противопоставленных по ряду, подъёму, огубленности, напряжённости-ненапряжённости и долготе (Кузнецова и др., 1980, 120).

В данном исследовании нас в первую очередь интересовали оппозиции между гласными верхнего подъёма /i ī u/ (в использованной нами транскрипции — /i ī ī/), а также между гласными среднего ряда /y ə/ (/ī ə/) и заднего ряда /u o ə/ (выделены полужирным в табл. 1; в скобках указаны обозначения, использованные в материалах данного исследования).

Таблица 1. Вокализм среднетазовского говора по данным (Кузнецова и др., 1980, 120)

Ряд	Передний		Средний	Задний	
	Неллабиализ.	Ллабиализ.		Неллабиализ.	Ллабиализ.
Подъём	Напряж.	Ненапряж.		Напряж.	Ненапряж.
Верхний	i ī	ī ī (i)*	y ŷ (i)*	u ū	
Средний	e ē	ε ē	ə ɛ	o ɔ	ɔ
Нижний	ä ǟ		a ā		

Нашей целью было оценить сохранность (наличие) контрастов между указанными гласными на основе сравнения формантной картины соответствующих звуков в словах, где по данным описаний представлена

та или иная фонема. (Проведение перцептивного эксперимента для верификации наличия контрастов в имеющихся условиях не представлялось возможным.) Суждений о долготе-краткости гласных в том или ином слове информанты, за редким исключением, не давали, а в изолированном произнесении длительность гласных варьировала в широких пределах, поэтому в дальнейшем изложении различия по долготе систематически не рассматриваются.

4. Материал

Материалом послужили записи изолированных слов (реже словосочетаний), полученных переводом русских стимулов, по 2 и более произнесений на слово. Следует подчеркнуть ограниченный объём и несбалансированность материала. Использован небольшой набор слов, причём разный для дикторов Т и S (не все слова были опознаны и воспроизведены обоими дикторами). Выборка слов не сбалансирована по числу примеров на фонемы и по типам фонетических контекстов (например, в рассмотренный материал не вошли примеры на фонему /ö/); оппозиция по долготе не учитывается. Для измерений были взяты ударные гласные первого слога (главным образом в произнесении диктора Т).

В описанной выше системе многие гласные имеют ограниченную дистрибуцию. Кроме того, не все лексемы из словаря были опознаны информантами, а для некоторых лексем произнесённые варианты имели другой фонемный состав. Так, ненапряжённое /i/ в абсолютном начале, согласно «Словарю», представлено в немногих словах, включая *innä* 'вверх' и *illä* 'вниз'; однако они имеют также диалектные варианты с начальным *i*. Слово 'вниз' у диктора Т представлено в варианте *illa*, а слово 'вверх' — с гласным переднего ряда, но акустически совпадающим с напряжённым /i/ у того же диктора. У диктора S, наоборот, слово *illä* представлено с гласным переднего ряда, а слово 'муж' — с начальным *i* (*irra*, ср.-таз. *ira*). Для противопоставления в паре /i/ i/ важную роль играет контекст после палатальных, в т. ч. после /č'/. Предполагается, что именно в этой позиции развилось противопоставление по напряжённости, причём первоначально ненапряжённый /i/ здесь возник как вариант /i/, не встречающегося после палатальных (Helimsky, 1998, 553). В ряде других контекстов, в т. ч. после твёрдых переднеязычных и вулярного /q/, в переднем ряду представлены только ненапряжённые.

Ниже приведён частичный список слов диктора Т, использованных для измерений, с указанием целевой фонемы, типа контекста и количества произнесений для каждого слова (словосочетания), а также записи соответствующего слова по «Словарю».

Таблица 2. Фрагмент списка примеров для диктора Т

№	Целевая фонема	Контекст слева	Селькупское слово	Запись по «Словарю»	Перевод	Кол-во произн.
1	ä	q_	qäli	ǰäлы	ненец	2
2	ä	q_	qättipat	ǰätты-ǰо	(он) ударил	2
3	ä	q_	qä	ǰä	берёза	2
4	a	q_	qajka	ǰaǰa	почему?	2
5	a	q_	(mot) qanqit	ǰанǰын	возле дома	3
6	ə	q_	qətsam	ǰət-ǰо	я добыл (зверя)	2
7	ə	q_	qəli	ǰəлы	рыба	2
8	ɪ	q_	qiqimpa	ǰıтымпы-ǰо	скрипит	2
9	ɪ	q_	qišqa	ǰışǰä	звезда	4
10	i	q_	qili	ǰыл	яма	3
11	i	q_	qiti	ǰыт	мох	3
12	o	q_	qosam	ǰо-ǰо	я нашёл	2
13	o	q_	qompi	ǰомпы	волна	2
14	o	q_	(təsil') qolti	тəс-ǰолты	река Таз	2
15	ɔ	q_	qəli	ǰəльынь	подмышка	3
16	ɔ	q_	qəmi	ǰəмы	чешуя	2
17	ɔ	q_	quntiq ɔl' ɛ' äš	(ǰонтыǰо) əльчы-ǰо	ложись спать	4
18	u	q_	qum	ǰум	человек	3
19	u	q_	qut	ǰыт	мох	2
20	ü	q_	qüti	ǰyты	болезнь	3
21	ü	q_	qümi	ǰyмы	мозг	3
22	ɪ	ɛ'_	ɛ'imi	чıмы	клей	9
23	ɪ	ɛ'_	ɛ'ıŋki	чıŋкы	лебедь	4
24	i	ɛ'_	ɛ'ipi	чıпы	конец	11
25	i	ɛ'_	ɛ'ippa	чıппо	тренога	8
26	i	ɛ'_	ɛ'il'a	чıля	сирота	6
27	i	ɛ'_	ɛ'i	чи	ведро	2
28	ə	ɛ'_	ɛ'əsi	чəсы	узкий	8
29	ə	ɛ'_	ɛ'əssa	чəссä	навстречу	14
30	e	ɛ'_	tap-ɛ'eli	тап-чəлы	сегодня	2
31	e	s'_	s'el'ɛ'i	сельчы	семь	3
32	i	#_	illa	ıллä, ыллä	вниз	6
33	i	#_	inti	ынты	лук	1
34	ɪ	#_	mna	ıнnä	вверх	6
35	i	#_	ira	ıра	муж	8
36	i	#_	irät	ıрäты	месяц	3
37	i	#_	ija	ıя	ребёнок	4

5. Результаты измерений

Измерения частот формант F1, F2, F3 производились в программе Praat с помощью специального скрипта для автоматической оптимизации настроек измерения, выполняемого стандартной функцией Praat. Скрипт подбирает индивидуально для каждого анализируемого произнесения такое максимальное значение («потолок») F5, при котором измеренные формантные треки F1–F3 содержат меньше всего резких изменений (свидетельствующих обычно об неподходящих настройках). Затем при заданной настройке сохраняются медианные значения формант F1–F3 на центральных 40% длительности гласного. При необходимости использовалась ручная коррекция измерений. Результаты измерений формант представлены на рис. 1–4; эллипсы на рис. 1 показывают отклонение в 1σ , на рис. 2–4 — отклонение в 2σ . В каждой паре на верхнем графике изображено пространство F2x F1, на нижнем — F2x F3.

1. Огубленный узкий гласный переднего ряда [ü] по сравнению с неогубленными [i i] имеет более низкую F3. Значение F2 намного ниже, чем у гласных переднего ряда, причём в ряде примеров даже ниже, чем у неогубленных среднего ряда — порядка 1600–1700 Гц (см. рис. 1). Г. Н. Прокофьев (1935, 20) отмечал, что [ü] после увулярного [q] «артикулируется несколько глубже»; однако значение F2 после переднеязычного [t] остаётся ниже, чем у [i] (см. рис. 2), что не может быть объяснено влиянием увулярного.

2. Гласные на месте /о о/ имеют в значительной степени пересекающиеся диапазоны значений всех трёх формант (см. рис. 1). Сами дикторы эти гласные в предложенных лексических единицах не противопоставляли. Скорее всего, можно утверждать, что в их идиолектах фонемы /о/ и /о/ совпали. Гласный [u] последовательно отличается от /о о/ более низким значением F1.

3. Информанты не различали в рассмотренном материале напряжённый /i/ и ненапряжённый /i/, при этом последовательно отличая их от гласного среднего ряда /i/. В контексте после палатального [ç'] диапазоны значений их формант пересекаются только частично (Рис. 3). Ненапряжённый [i] имеет более низкие F2 и F3. В то же время в прочих контекстах, напр., в абсолютном начале, последовательных различий между гласными на месте /i/ и /i/ не выявлено (Рис. 4). Можно заключить, что у диктора Т оппозиция между ними маргинально сохраняется в произнесении в ограниченном контексте, но утрачена в большинстве других позиций, а также в восприятии.

Рисунок 1.
Диктор Т. Общая картина гласных
без различения контекстов

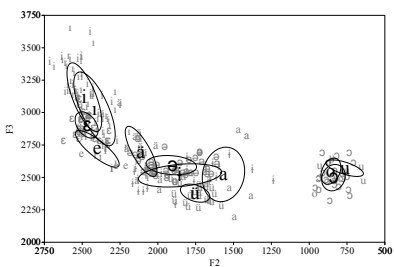
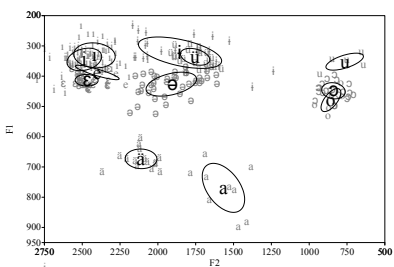

Рисунок 2.
Диктор Т. Гласные переднего
и среднего ряда после [t]

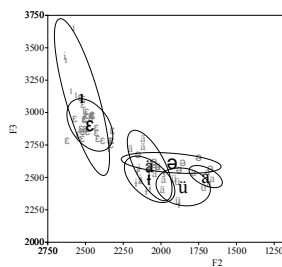
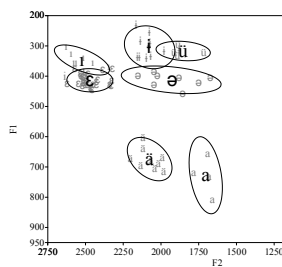

Рисунок 3.
Гласные [i i e э] в контексте после [čʼ]

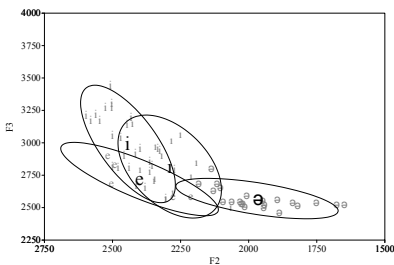
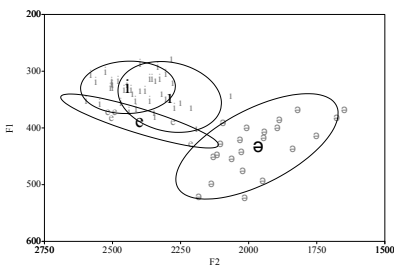
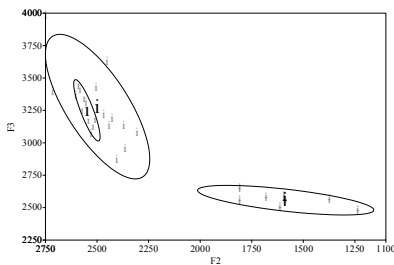
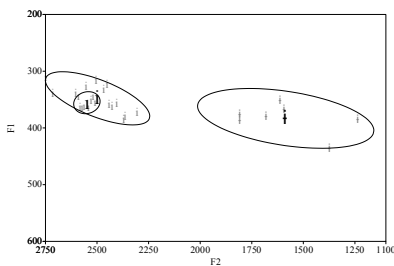

Рисунок 4.
Гласные [i i i] в начале слова

6. Заключение

Таким образом, вокалическая система в рассмотренных идиолектах сохранилась частично. Утрачивается оппозиция по долготе, а также оппозиция между /o/ и /ɔ/. Изначально дистрибутивно ограниченный контраст по напряжённости между /i/ и /i/ маргинально сохраняется в произношении диктора Т в контексте после палатальных, однако не обнаруживается в прочих позициях и на осознанном уровне не сохраняется. Огубленный узкий гласный [ū] акустически следует отнести к среднему ряду.

Благодарности

Автор выражает благодарность Валентине Владимировне Тамелькиной (Т) и Светлане Никитичне Санкевич (S), а также О. А. Казакевич за помощь в установлении контактов с информантами и Л. М. Захарову за помощь в проведении звукозаписи.

Литература

- Казакевич О. А., Будянская Е. М. (2010) Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Под редакцией О. А. Казакевич. Екатеринбург: Баско.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. (1980) Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М.: Издательство МГУ.
- Кузьмина А. И. О некоторых особенностях языка ларьякских селькупов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции. Томск, 1976. С. 107–111.
- Прокофьев Г. Н. (1935) Селькупская грамматика. Л.: Издательство Института народов Севера.
- Arkhipov A. V., Däbritz C. L. (2018) Hamburg corpora for indigenous Northern Eurasian languages // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2018. Issue 3 (21). P. 9–18. https://ling.tspu.edu.ru/en/archive.html?year=2018&issue=3&article_id=7130
- Helimski E. (1998) Selkup // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London: Routledge. P. 480–515.

Формальная характеристика рефлексива *-i'*^{*} в языке какчикель

Ирина Сергеевна Бурукина
Eötvös Loránd University
isbms27@gmail.com

1. Введение

Настоящая работа посвящена описанию морфосинтаксических свойств лексического рефлексива *-i'* и попытке анализа синтаксической структуры рефлексивных конструкций в языке какчикель (майяские языки). В то время как классические учебники майяских языков, как правило, дают лишь несколько примеров предложений с рефлексивом (McKenna, Brown, 2006; и др.), единственным лингвистическим описанием данных единиц остаётся работа (Ayres, 1980), также не предлагающая формального анализа. Мы полагаем, что изучение какчикельского рефлексива *-i'* представляет интерес как с точки зрения майяистики, так и для разработки универсальной типологии рефлексива в различных языках мира. На протяжении долгого времени лингвистика оставалась европоцентричной и большинство исследователей занималось изучением индоевропейских языков. Мы считаем, что данные какчикеля, как эргативного языка с богатой глагольной морфологией и V1 порядком слов, помогут по-новому взглянуть на уже известные факты.

Основным источником данных для данного исследования стала полевая работа автора во время экспедиции в Пацун, Гватемала, в 2017 году.

2. Свойства рефлексивов в языке какчикель

Какчикель принадлежит к группе майяских языков, распространённых на территории Гватемалы, и относится к классу эргативных языков с базовым V1 порядком слов и вершинным маркированием. В современном какчикеле порядок SVO также не является маркированным и традиционно анализируется как результат топикализации подлежащего.

С точки зрения морфологии, рефлексивы в какчикеле образуются при помощи основы *-i'* и маркера согласования с антецедентом (1).

* Автор благодарит аудиторию конференции «Малые языки в большой лингвистике», Марию Полинскую и участников летней полевой школы в Гватемале, 2017, за ценные комментарии и замечания, а также выражает отдельную благодарность языковым консультантам. Все ошибки и неточности допущены автором.

Отметим, что парадигма маркеров согласования с антецедентом совпадает с парадигмой маркеров притяжательности и глагольных показателей эргатива. В рамках данной работы мы следуем точке зрения (Preminger, 2014) и считаем маркеры эргатива/притяжательности настоящими морфемами в противоположность абсолютным клитикам.

(1) Показатели согласования, клитики и местоимения в какчикеле

	Эргатив / притяжательность		Рефлексив	Абсолютив	Личные местоимения
	перед С	перед V			
1S	<i>nu/in/n</i>	<i>w/inw/nw</i>	<i>w-i'</i>	<i>in</i>	<i>rīn</i>
2S	<i>a</i>	<i>aw</i>	<i>aw-i'</i>	<i>at</i>	<i>rat</i>
3S	<i>ru/u</i>	<i>r</i>	<i>r-i'</i>	\emptyset	<i>rija'</i>
1P	<i>qa</i>	<i>q</i>	<i>q-i'</i>	<i>oj</i>	<i>rōj</i>
2P	<i>i</i>	<i>iw</i>	<i>iw-i'</i>	<i>ix</i>	<i>rīx</i>
3P	<i>ki</i>	<i>k</i>	<i>k-i'</i>	<i>e</i>	<i>rije'</i>

Одним из наиболее важных свойств рефлексивов в какчикеле является неспособность изменять валентность предиката. Глагол с рефлексивным объектом остаётся транзитивным. С синтаксической точки зрения, подлежащему по-прежнему соответствует эргативный маркер согласования (2). С точки зрения семантики, рефлексивы могут получать реципрокальную и «прокси» интерпретации (3), кореферентность субъекта и объекта действия может быть нестрогой.

(2) a. *Rīn x-at-in-tz'ēt rat.*
 1S PST-ABS.2S-ERG.1S-видеть 2S
 'Я видел тебя.'

b. *Rīn x-in-tz'ēt w-i'.*
 1S PST-ERG.1S-видеть 1S-REFL
 'Я видел себя (в зеркале).'

(3) a. Реципрокальная интерпретация рефлексива

Rōj x-qa-tz'ēt q-i'.
 2P PST-ERG.1P-видеть 1P-REFL
 1. 'Мы видели себя.'
 2. 'Мы видели друг друга.'

b. Прокси интерпретация рефлексива

Ri político x-u-nīm r-i' pa museo.
 DET политик PST-ERG.3S-уронить 3S-REFL в музей
 (о скульптуре) 'Политик уронил самого себя в музей.'

По своей морфологической структуре рефлексивы в какчикеле напоминают вершины притяжательных конструкций (4).

- (4) a. *w-i'* / *aw-i'* b. *w-ochoch* / *aw-ochoch*
 1S-REFL 2S-REFL 1S-дом 2S-дом
 '(я) себя' / '(ты) себя' 'мой дом' / 'твой дом'

Для того чтобы определить, являются ли рефлексивы в какчикеле обычными аргументными именными группами (ИГ), подобно, например, *-self* рефлексивам английского языка, необходимо сравнить дистрибуцию рефлексивов и референтных именных групп. Ниже представлены основные различия между рефлексивами и референтными ИГ.

- Рефлексивы могут занимать только позицию прямого объекта и не могут употребляться в составе предложных групп (5) или в качестве предикатов эквативных конструкций (6):

- (5) a. **Achike x-Ø-loq-ö ri q'anatz'ub'*
 кто PST-ABS.3S-купить-AF DET манго
chi (r-e) r-i'?
 для POSS.3S-REL 3S-REFL
 'Кто купил себе манго?'

- b. *Achike x-Ø-loq-ö ri q'anatz'ub'*
 кто PST-ABS.3S-купить-AF DET манго
chi r-e rija'?
 для POSS.3S-REL 3S
 'Кто купил ему манго?'

- (6) **Rin in-w-i'*
 1S ABS.1S-1S-REFL
 Ожидается: 'Я не я сам.' (= Я то, что я есть)

- Соположение рефлексива с предикатом является обязательным; ни наречные адьюнкты, ни подлежащее не могут стоять между рефлексивом и глаголом (7):

- (7) a. *Rat x-a-tz'ët (*iwir) aw-i' (iwir).*
 2S PST-ERG.2S-видеть вчера 2S-REFL вчера
 'Ты видел вчера себя (в зеркале).'

- b. *Rat x-Ø-a-tz'ët (iwir) ri Pedro (iwir).*
 2S PST-ABS.3S-ERG.2S-видеть вчера DET Педро вчера
 'Ты видел Педро вчера.'

- Рефлексивные объекты не могут быть отделены от остальной клаузы при отрицании или фокусе (8):

- (8) a. **Ja r-i' x-u-ch'äy ri Pedro.*
 FOC 3S-REFL PST-ERG.3S-бить DET Педро
 {Кого Педро ударил?} Ожидается: 'Педро ударил СЕБЯ.'

- b. *Ja ri Juan x-Ø-u-ch'äy ri Pedro.*
 FOC DET Хуан PST-ABS.3S-ERG.3S-бить DET Педро
 {Кого Педро ударил?} 'Педро ударил ХУАНА.'

• Сочинение рефлексива и референтной ИГ запрещено, что может свидетельствовать о различном статусе данных составляющих (9):

- (9) a. **Rat x-Ø-a-ch'äy aw-i' y ri Pedro.*
 2S PST-ABS.3S-ERG.2S-бить 2S-REFL и DET Педро
- b. **Rat x-ix-a-ch'äy aw-i' y ri Pedro.*
 2S PST-ABS.2P-ERG.2S-бить 2S-REFL и DET Педро
- c. *Rat x-Ø-a-ch'äy aw-i'*
 2S PST-ABS.3S-ERG.2S-бить 2S-REFL
y x-Ø-a-ch'äy ri Pedro.
 и PST-ABS.3S-ERG.2S-бить DET Педро
 'Ты ударил себя и Педро.' {a=b=c}
- d. *Rat x-Ø-a-ch'äy ri Juan y ri Pedro.*
 2S PST-ABS.3S-ERG.2S-бить DET Хуан и DET Педро
 'Ты ударил Хуана и Педро.'

• Рефлексивные объекты не согласуются с предикатом — абсолютивная клитика отсутствует (10):

- (10) a. *Rin x-in-tz'ët w-i'*
 1S PST-ERG.1S-видеть 1S-REFL
 'Я увидел себя (в зеркале).'
- b. *Rin x-at-in-tz'ët rat*
 1S PST-ABS.2S-ERG.1S-видеть 2S
 'Я увидел тебя.'

В последнем случае можно возразить, что все рефлексивы в какчикеле маркированы третьим лицом единственным числом, поэтому им соответствует нулевой показатель абсолютива. Однако примеры с рефлексивом и согласуемым вложенным зависимым, допустимые благодаря возможности прокси интерпретации (11), демонстрируют, что, вероятнее всего, рефлексив «копирует» лицо и число своего antecedenta.

- (11) a. *(Chpan re wachib'äl) rat x-a-tz'ët aw-i'*
 на фотографии 2S PST-ERG.2S-видеть 2S-REFL
y-a-kikot.
 PRS-ABS.2S-радостный
- b. **(Chpan re wachib'äl) rat x-a-tz'ët aw-i'*
 на фотографии 2S PST-ERG.2S-видеть 2S-REFL

ni-Ø-kikot.

PRS-ABS.3S-радостный

‘На фотографии ты увидел себя радостным.’ (= Ты радостный на этой фотографии) {a=b}

Основываясь на выявленных свойствах и следуя типологии рефлексива, предложенной в (Déchaine, Wiltschko, 2002), мы утверждаем, что *-i'* рефлексив в какчикеле не является полной ИГ с DP проекцией и внутренним обладателем (в отличие от, к примеру, рефлексива в английском). Несмотря на наличие маркера притяжательности, рефлексив отличается от притяжательной референтной ИГ. Кроме того, в пользу структурной «неполноты» говорит неспособность рефлексива употребляться в эквативных конструкциях и отсутствие дополнительной функции логофора или интенсификатора. Мы полагаем, что наилучшим анализом рефлексивов в какчикеле является подход рефлексивной функциональной вершины, предложенный (Labelle, 2008). Мы доработали данный подход с учётом особенностей *-i'* рефлексивов и представим итоговый анализ в следующей главе.

3. Анализ: рефлексив как функциональная вершина

В основе анализа рефлексива, предложенного (Labelle, 2008), лежит идея о том, что рефлексив является разновидностью функциональной залоговой вершины (Voice), выполняющей две функции: 1) введение внешнего аргумента, 2) семантическое связывание (установление кореференции) внешнего аргумента с внутренним объектом (фонетически невыраженной переменной). (Labelle, 2008) рассматривает данные французского языка в качестве примера и приходит к выводу, что переменная, соответствующая объекту, присутствует лишь на уровне семантики, и синтаксически предикат с рефлексивом становится интранзитивным. Мы полагаем, что изменение валентности предиката может являться параметром, и что в какчикеле глагол остаётся переходным на уровне синтаксической структуры.

Мы также дополнили анализ (Labelle, 2008), предположив, что рефлексивный Voice в какчикеле согласуется с внутренним объектом, получая соответствующую морфему и препятствуя дальнейшей клитицизации объекта абсолютивом. Такой подход объясняет появление маркера согласования на рефлексивной основе *-i'*, а также отсутствие абсолютивной клитики.

Схема в (12) иллюстрирует структуру, которую мы предлагаем для описания рефлексивных конструкций в какчикеле. Мы принимаем точку зрения, представленную в (Coon, Mateo Pedro, Preminger, 2014), согласно которой в (некоторых) майяских языках Voice расположен ниже vP. В (13) представлено семантическое описание рефлексивной Voice вершины, разработанное (Labelle, 2008).

- (12) [_{VP} V⁰[_{VoiceP} субъект[_{Voice}рефлексив[_{VP}[_VV[объектная переменная]]]]]]]
- (13) Семантическое описание рефлексивной залоговой вершины (Labelle 2008): λPλxλyλe[P(e, y) and Agent(e, x) and y = f(x)]

4. Заключение

В данной статье мы рассмотрели основные семантические и синтаксические свойства рефлексивов в языке какчикель и предложили формальный анализ для их описания. Мы продемонстрировали, что дистрибуция рефлексива значительно отличается от дистрибуции референтных именных групп, и предположили, что многочисленные ограничения, накладываемые на рефлексивы, являются следствием их структурной «неполноты» и статуса клитики.

В основу нашего анализа лёг подход, предложенный (Labelle, 2008), согласно которому рефлексив является одной из функциональных залоговых вершин (Voice). Мы доработали данный подход с учётом особенностей майяских языков. Дальнейшим направлением нашего исследования является более подробное изучение залоговой системы майяских языков.

Список условных сокращений

ABS — показатель абсолютива; AF — агентивный фокус; DET — определитель; ERG — показатель эргатива; FOC — фокус; P — множественное число; POSS — показатель притяжательности; PST — прошедшее время; REFL — основа рефлексива; REL — реляционное имя; S — единственное число.

Литература

- Ayres G. (1980) A note on Mayan reflexive // *Journal of Mayan Linguistics*. 1 (2).
- Coon J., Mateo Pedro P., Preminger O. (2014) The Role of Case in A-Bar Extraction Asymmetries: Evidence from Mayan // *Linguistic Variation*. 14 (2).
- Déchaine R-M., Wiltschko M. (2002) Decomposing pronouns // *Linguistic Inquiry*. 33 (3).
- Labelle M. (2008) The French reflexive and reciprocal se // *Natural Language and Linguistic Theory*. 26.
- McKenna Brown R. (2006) *Introduction to Kaqchikel Maya Language*. Austin.
- Preminger O. (2014) *Agreement and its failures*. *Linguistic Inquiry Monographs* 68. Cambridge: MIT Press.

Семантика и синтаксис интенсификатора *ške* в горномарийском языке*

Ирина Сергеевна Бурукина
Eötvös Loránd University
isbms27@gmail.com

1. Введение

Настоящая работа посвящена семантико-синтаксическому описанию горномарийского интенсификатора *ške*. Интерес данной задачи обусловлен, во-первых, малой изученностью рассматриваемой единицы, во-вторых, недостатком описаний дистрибуции интенсификаторов в целом. Труды по марийским языкам лишь кратко упоминают употребление *ške* в значении «самостоятельно» (1), не рассматривая другие возможные контексты (Майгинская, 1964; Саваткова, 2002; Volkova, 2014). Большинство типологических работ посвящены семантике интенсификаторов, но не их синтаксическому поведению. (Лютикова, 2002; König, 2003) Наша цель — описать и классифицировать возможные случаи употребления горномарийского интенсификатора *ške* и предложить возможный анализ.

- (1) *Maša dokument-vlä-m ške(=ok) podpisäj-ä*
Маша документ-PL-ACC CAM=PTCL подписывать-NPST.3S
'Маша сама подписывает документы.' (Ей уже исполнилось 18 лет)

Исследование опирается на материал, собранный автором во время экспедиции в с. Кузнецово, Горномарийский р-н, респ. Марий Эл, в 2017 году.

2. Общая классификация интенсификаторов

Одной из задач данного исследования является рассмотрение употребления интенсификатора *ške* в рамках уже существующих типологических классификаций. Наиболее известная типология интенсификаторов, предложенная (König, 2003), выделяет приименные (*adnominal*), инклюзивные наречные (*inclusive adverbial*) и эксклюзивные наречные (*exclusive adverbial*) интенсификаторы (2). Все три типа требуют, чтобы антецедент (именная группа, определяющая референцию интенсификатора) воспринимался как центральный элемент в данном контексте.

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536. Автор благодарит аудиторию конференции «Малые языки в большой лингвистике», Егора Кашкина и участников горномарийской экспедиции МГУ за ценные комментарии и замечания, а также выражает отдельную благодарность языковым консультантам. Все ошибки и неточности допущены автором.

- (2) а. Сама королева приедет на праздник! (приименной)
 б. Я сам починю машину, не мешай мне. (наречный эксклюзивный)
 с. Я и сам чинил машины. (наречный инклюзивный)

Идея Э. Кёнига об обязательной «центральной» антецедента частично оспаривается в (Лютикова, 2002). Она утверждает, что ключевым компонентом семантики интенсификаторов является «настройка» ожиданий адресата. Е. А. Лютикова предлагает более дробную классификацию интенсификаторов (по их роли в интерпретации предложения): (i) приименные: неожиданный, дискурсивный; (ii) адвербиальные: аддитивный, контрастивный, самостоятельный.

- (3) а. Зря ты меня спрашиваешь. Я сам ничего не знаю. (аддитивный)
 б. Петя зря обвиняет Юру. Петя сам сломал забор. (контрастивный)
 с. Петя может сам починить машину. (самостоятельный)
 д. Сам президент поздравил меня с днём рождения. (неожиданный)
 е. Петя женат. Его жена — учитель. Сам Петя — врач. (дискурсивный)

В рамках настоящей работы при исследовании семантики горномарийского интенсификатора мы опираемся на классификацию, предложенную в (Лютикова, 2002), как на более подробную.

3. Лексический интенсификатор и его свойства

Горномарийский интенсификатор *ške* встречается во всех эмфатических контекстах, перечисленных в (Лютикова, 2002): аддитивном, контрастивном, самостоятельном, неожиданном и дискурсивном. При этом *ške* может отсылать не только к подлежащему, но и к прямому объекту или к непрямому объекту — каузируемому участнику (*causee*).

С морфологической точки зрения, допустимо употребление неизменяемой формы *ške* и согласуемой формы *škä-*, к которой присоединяются possessивный и падежный маркеры, соответствующие антецеденту. В разделе 3.1. мы приведём примеры и обсудим свойства интенсификатора при антецеденте — подлежащем¹; в разделе 3.2. рассматривается употребление *ške / škä-* при антецеденте — прямом объекте.

3.1. Лексический интенсификатор при подлежащем

В горномарийском языке при подлежащем допустимо употребление только неизменяемой формы *ške*, в то время как употребление согласуемой формы *škä-* с маркером притяжательности, соответствующим антецеденту, запрещено. С точки зрения семантики неизменяемый *ške* встречается во всех возможных контекстах.

¹ В данной статье мы употребляем термин *антецедент* для обозначения референтной именной группы, к которой отсылает (которую характеризует) интенсификатор. Мы оставляем вопрос о синтаксической и семантической природе связи между интенсификатором и антецедентом для дальнейшего исследования.

Приименное употребление *ške*:

- Неожиданный

(4) *Pet'a-m ške(=ok) načalnik-šë (*ške)*

Петя-ACC SAM=PTCL начальник-POSS.3S CAM

makt-en šënd-en²

хвалить-CVB ставить-PRET

‘Сам начальник похвалил Петю.’

- Дискурсивный

(5) *ške Pet'a âskal-vlä-m orol-a*

SAM Петя корова-PL-ACC пасти-NPST.3S

{Петя женат. Жена Пети работает врачом.} ‘Сам Петя пасёт коров.’

Адвербиальное употребление *ške*:

- Аддитивный

(6) *Maša škä-ž=ät (Maša) a-k pälä*

Маша SAM-POSS.3SG=ADD Маша NEG.NPST-3 знать

{Петя спросил Машу, что произошло.} ‘Маша и сама не знает.’

- Контрастивный

(7) *Jura zabor-âm ške(=ok) (zabor-âm) pädârt-en*

Юра забор-ACC SAM=PTCL забор-ACC ломать-PRET

{Юра зря обвиняет Петю.} ‘Юра сам сломал забор.’

- Самостоятельный

(8) *Maša ške(=ok) dokument-vlä-m (ške)*

Маша SAM=PTCL документ-PL-ACC CAM

podpisäj-en šënd-en kerd-eš

подписать-CVB ставить-CVB мочь-NPST.3S

{Маше уже 18 лет.} ‘Маша может сама подписывать документы.’

Приименной *ške* относится к именной группе — antecedенту, всегда располагается в препозиции и не может быть отделён от именной группы какими-либо элементами матричной клаузы. В противоположность этому, адвербиальный *ške* уточняет значение всего действия и может относительно свободно перемещаться в рамках клаузы.

3.2. Лексический интенсификатор при прямом объекте

При antecedенте — прямом объекте допустимо как употребление неизменяемой формы *ške*, так и согласуемой формы *škä-*. При этом неизменяемая форма допускается только в приименных контекстах: неожиданном и дискурсивном.

² Такая запись означает, что употребление *ške* обязательно и допустимо только в препозиции к antecedенту.

Как было упомянуто выше, изменяемая форма получает маркер приятельности, соответствующий лицу и числу antecedента, и маркируется таким же падежом.

Приименное употребление *ške / škä-*:

- Неожиданный

(9) a. *tengečä mән' ške načal'nik-äm (*ške) užd-än-am*
 вчера я САМ начальник-ACC САМ видеть-PRET-1S

b. *tengečä mән' (načal'nik-äm) škem-žä-m*
 вчера я начальник-ACC САМ-POSS.3S-ACC

(**načal'nik-äm*) *užd-än-am*
 начальник-ACC видеть- PRET-1S

‘Вчера я увидела самого начальника!’ {a=b}

- Дискурсивный

(10) a. *tengečä ške Pet'a-m uvoln'aj-en-ät*
 вчера САМ Петя-ACC уволить-PRET-3PL

b. (*Pet'a-m*) *škäm-žä-m (*Pet'a-m) tengečä uvoln'aj-en-ät*
 Петя-ACC САМ-POSS.3S-ACC Петя-ACC вчера уволить-PRET-3PL
 {Петя женат. Жена Пети работает врачом.} ‘Самого Петю
 вчера уволили.’ {a=b}

Адвербиальное употребление *škä*³:

- Аддитивный

(11) *mән' (Maša-m) škäm-žä-m (*Maša-m)*
 я Маша-ACC САМ-POSS.3S-ACC Маша-ACC

piš kogo-n jarat-em
 очень большой-ADV любить-NPST.1S

{Зря Маша думает, что я люблю всех, кроме неё.} ‘Я и саму Машу очень люблю.’

- Контрастивный

(12) *Mä (Pet'a-m) škäm-žä-m altal-enä*
 мы Петя-ACC САМ-POSS.3S-ACC обмануть-NPST.1PL

{Петя зря считает себя самым умным.} ‘Мы Петю самого обманем.’

Важно отметить, что изменяемая форма *škä*, как правило, ставится в постпозицию к antecedенту; между antecedентом и интенсификатором допустимо помещать другие члены предложения.

³ Нам не удалось подобрать примеры, в которых самостоятельный интенсификатор был бы ориентирован на antecedент — прямой объект.

Особым свойством изменяемого интенсификатора в горномарийском языке является способность употребляться при нулевом antecedente — объекте (13).

- (13) *škām-žā-m tengečā uvoln'aj-en-ät*
 САМ-POSS.3S-ACC вчера уволить-ПРЕТ-3PL
 {Петя женат. Жена Пети работает врачом.} '(Его) самого вчера уволили.'

4. Анализ

Поведение *ške* при antecedente-подлежащем соответствует теории о двойной природе интенсификаторов: приименном (неожиданный, дискурсивный контексты) и адвербиальном (самостоятельный контекст) употреблении. (Лютикова, 2002; Gast, 2006) В первом случае *ške* является непосредственным модификатором самого имени, входящим в состав именной группы; следствием этого являются линейная неразрывность и общее сходство в поведении интенсификатора и, например, указательных местоимений, прилагательных (14). Во втором случае *ške* уточняет значение всего действия и структурно является адьюнктом глагольной группы (отсюда сходство с наречиями).

- (14) а. *ške načal'nik-šā (*ške) Pet'a-m*
 САМ начальник-POSS.3S САМ Петя-ACC
makt-en šänd-en
 хвалить-CVB ставить-ПРЕТ
 'Сам начальник похвалил Петю!'

- б. *tī načal'nik-šā (*tī) Pet'a-m*
 этот начальник-POSS.3S этот Петя-ACC
makt-en šänd-en
 хвалить-CVB ставить-ПРЕТ
 'Этот начальник похвалил Петю!'

Поведение согласуемой формы *škā-* при antecedente-объекте не соответствует ни именному модификатору, ни наречию. Показатели possessивности и падежа, допустимость при нулевом antecedente свидетельствуют о наличии скрытой N вершины. Мы предполагаем, что маркированный *škā-* является именной группой на позиции аппозитива к antecedente. Свойства аппозитивных конструкций повторяют свойства *škā-*: среди прочего, строгая постпозиция к antecedente, согласование в падеже, допустимая разрывность (15).

- (15) а. *mā tengečā tamara-m škol'nā povar-ām už-ān-am*
 мы вчера Тамара-ACC школьный повар-ACC видеть-ПРЕТ-1PL

- b. *mă tamara-m tengečă skol'nă povar-âm uŷ-ân-am*
 мы Тамара-ACC вчера школьный повар-ACC видеть-PRET-1PL
 'Мы вчера увидели Тамару, школьного повара.' {a=b}

5. Заключение

В данной статье были рассмотрены основные дистрибуционные свойства горномарийского рефлексива *ške* и его согласуемой формы *škă*. Проанализировав различия между употреблением неизменяемой и согласуемой форм с различными типами антецедентов, мы предложили, что для приименного *ške* доступны две структурные позиции: позиция модификатора и позиция в составе аппозитива с нулевой вершиной; выбор одной из них, вероятно, обуславливается прагматически. Неизменяемая форма *ške* может также употребляться в составе адвербиального модификатора всей глагольной группы, возможно, функционируя подобно депиктиву.

Дальнейшее исследование будет направлено на более подробное изучение дистрибуции адвербиального *ške* и депиктивов, а также сопоставление данных горномарийского языка с материалами других языков.

Список условных сокращений

CAM — интенсификатор; ACC — винительный падеж; ADD — аддитив; ADV — адвербиализатор; CVB — конверб; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — маркер притяжательности; PRET — претерит; PTCL — частица; S — единственное число.

Литература

- Лютикова Е.А. (2002) Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М., Наследие.
- Майтинская К.Е. (1964) Местоимения в мордовских и марийских языках. М.
- Саваткова А.А. (2002) Горное наречие марийского языка. Savariae.
- Gast V. (2002) The grammar of identity. Intensifiers and reflexives in Germanic languages. New York: Routledge.
- König E. (2003) Intensification and Reflexivity in the languages of Europe: Parameters of Variation and Areal Features // Zeitschrift der Società Italiana di Glottologia. P. 1-17.
- Volkova A.A. (2014) Licensing Reflexivity: Unity and variation among selected Uralic languages. Utrecht: LOT.

Комплетив и терминатив в амгуэмском говоре чукотского языка *

Олег Сергеевич Волков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
МГУ имени М. В. Ломоносова
volkovolek@gmail.com

Дарья Игоревна Игнатенко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ignadash@gmail.com

1. Введение

В данном исследовании комплетив понимается как граммема, показатели которой выражают достижение логического предела ситуации, а терминатив — как прекращение процесса в какой-то неспецифицированной точке. Ожидается, что показатели комплетива в языках мира могут сочетаться только с предельными процессами, а показатели терминатива — с любыми процессами.

Комплетивная интерпретация регулярно возникает у показателей аориста. У специализированных же показателей комплетива в языках мира могут возникать дополнительные оттенки семантики: полная вовлечённость субъекта или объекта, эмфаза и т. п. (см. подробнее [Bybee et al., 1994: 57]).

Чукотский — один из языков чукотско-камчатской семьи; по данным переписи 2010 года им владеют 5095 человек. В чукотском языке есть сингармонизм; падежное кодирование эргативно; характерна регулярная глагольная и именная инкорпорация. Видовременную систему составляют четыре формы: аорист (немаркированный), презенс-прогрессив, хабиуталис, перфект. Материал данного исследования собран авторами в ходе совместной экспедиции Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ в село Амгуэма Чукотского АО летом 2016 и 2017 года.

2. Инкорпорация или аффикс?

Значения комплетива и терминатива в амгуэмском чукотском могут быть выражены лексически. Глагол *plətukuk* — комплетив, может быть

* Исследование поддержано грантом РНФ №16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства», который выполняется в МГУ имени М. В. Ломоносова.

переведён на русский глаголом *закончить* или приставкой *до-*; глагол *paak* — терминатив, может быть переведён как *перестать*. Первый из этих глаголов лабильный (1), второй непереходный, в сочетании с переходными глаголами оформляется показателем повышающей актантной деривации (2):

- (1) a. *jəlqetə-k płatku-γʔ-i*
 спать-INF закончить-TH-2/3SG.S
 ‘закончил спать’
- b. *jəpə-k płatku-ni-n*
 надевать-INF закончить-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘закончил надевать’
- (2) a. *jəlqetə-k pa-a-γʔ-e*
 спать-INF перестать-TH-2/3SG.S
 ‘перестал спать’
- b. *jəpə-k r-pa-a-w-ne-n*
 надевать-INF TR-перестать-CS-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘перестал надевать’

Оба глагола могут занимать слот инкорпорирующего корня / аффикса; при этом для *płatkuk* это обычно первая реакция носителя при элицитации, но отдельно стоящий глагол носители не запрещают; для *paak* наоборот: первая реакция — отдельный глагол, но и в одно слово не запрещают:

- (3) a. *jəlqetə-płatku-γʔ-i*
 спать-COMPL-TH-2/3SG.S
 ‘закончил спать’
- b. ^{ok}*jəlqetə-k płatku-γʔ-i*
 спать-INF закончить-TH-2/3SG.S
 ‘закончил спать’
- (4) a. *jəlqetə-k pa-a-γʔ-e*
 спать-INF перестать-TH-2/3SG.S
 ‘перестал спать’
- b. ^{ok}*jəlqatə-pa-a-γʔ-e*
 спать-перестать-TH-2/3SG.S
 ‘перестал спать’

В чукотском языке есть глагольно-глагольная инкорпорация с некоторыми глаголами перемещения (см. подробнее [Виняр, 2016], [Dunn, 1999: 233-238]), но переходность композита при этом определяется инкорпорирующим корнем; инкорпорированный корень не может иметь деривационную морфологию, — оба эти условия нарушаются с комплетивом и терминативом. Во многом выбор между тем, чтобы признать примеры (3а) и (4b) инкорпорацией или аффиксацией, — вопрос определения: если это инкорпорация, то с особыми свойствами. Существенно, что глагол *płatkuk* участвует в большем числе грамматикализованных конструкций, чем *paak*.

3. Семантика и сочетаемость

Из данных во введении определений ожидается, что *plətʃuk* сочетается с предельными процессами, а *paak* — с любыми процессами. На самом же деле их сочетаемость шире. С предельными процессами обычно *plətʃuk* выражает достижение предела, а *paak* — прекращение процесса до достижения предела. У форм комплетива появляется дополнительная семантика типа «совсем», она особенно хорошо прослеживается при сравнении с формами аориста:

- (5) a. *pep-joʃʉə-n* *piŋku-ʉʔ-i*
 пепел-CONT-NOM.SG гаснуть-TH-2/3SG.S
 ‘Печка потухла.’
- b. *pep-joʃʉə-n* *piŋku-plətʃu-ʉʔ-i*
 пепел-CONT-NOM.SG гаснуть-COMPL-TH-2/3SG.S
 ‘Печка совсем потухла.’
- c. *eeek-∅* *piŋku-k* *paə-ʉʔ-e*
 жирник-NOM.SG гаснуть-INF прекращать-TH-2/3SG.S
 ‘Жирник перестал тухнуть.’
- (6) a. *əm-ʔəʃo-ŋet* *təni-ni-n* *təni-plətʃu-ni-n*
 ТОТ-день-TIME штопать-3SG.A.3.O-3SG.O штопать-COMPL-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Он весь день зашивал, наконец зашил.’
- b. *əm-ʔəʃo-ŋet* *təni-ni-n* *təni-k*
 ТОТ-день-TIME штопать-3SG.A.3.O-3SG.O штопать-INF
r-paə-w-ne-n
 TR-прекращать-CS-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Весь день зашивал, но бросил (слишком много дырок было).’

В амгуэмском говоре чрезвычайно мало глаголов, допускающих в аористе только событийную интерпретацию, — для абсолютного большинства глаголов в определённом контексте возможна также процессная интерпретация. С предикатами, выражающими моментальные ситуации, у некоторых информантов *plətʃuk* может отличаться от простого аориста тем, что событие представляется как имеющее бóльшую длительность, а результат как более окончательно бесповоротный; *paak* с такими глаголами обычно вызывает хабитуальную интерпретацию:

- (7) a. *qepəl-∅* *təni-ni-n* *pətkəntetə-plətʃu-ʉʔ-i*
 мяч-NOM.SG штопать-3SG.A.3.O-3SG.O лопаться-COMPL-TH-2/3SG.S
 ‘Мяч зашили, а он лопнул.’

- b. *qepəl-∅ təni-ni-n*
мяч-NOM.SG штопать-3SG.A.3.O-3SG.O

pətkəntetə-k paə-γʔ-e
лопаться-INF прекращать-ТН-2/3SG.S
'Мяч зашили, он лопаться перестал.'

Хабитуальная интерпретация может появляться и с предельными процессами:

- (8) a. *pet-orwoor-∅ simetə-ɸlətku-γʔ-i*
старый-нарта-NOM.SG ломаться-COMPL-ТН-2/3SG.S
'Старая нарта окончательно сломалась.'

- b. *pet-orwoor-∅ tejkə-ni-n simetə-k*
старый-нарта-NOM.SG делать-3SG.A.3.O-3SG.O ломаться-INF
paə-γʔ-e
прекращать-ТН-2/3SG.S
'Он старую нарту починил, ломаться перестала.'

С предикатами, выражающими моментальные ситуации без результирующего состояния, *ɸlətku* и *paak* не употребляются; такое сочетание становится возможным, если добавить показатель итератива:

- (9) a. **kəɸlət-ɸlətku-γʔ-e*
ударить-COMPL-ТН-2/3SG.S
Ожид: 'ударил'
- b. *kəɸlət-tko-k paə-γʔ-e*
ударить-ITER-INF прекращать-ТН-2/3SG.S
'перестал ударять'
- c. *kəɸlət-tko-ɸlətku-γʔ-e*
ударить-ITER-COMPL-ТН-2/3SG.S
'перестал ударять, завязал драться'

С неопредельными процессами могут сочетаться и *ɸlətku*, и *paak*. Значение либо одно и то же (10), либо *ɸlətku* вводит в ситуацию логический предел (11):

- (10) a. *əmmetə tipʔejjə-γʔ-i teryatə-ɸlətku-γʔ-e*
мама.NOM.SG петь-ТН-2/3SG.S плакать-COMPL-ТН-2/3SG.S
- b. *əmmetə tipʔejjə-γʔ-i paə-γʔ-e teryatə-k*
мама.NOM.SG петь-ТН-2/3SG.S прекращать-ТН-2/3SG.S плакать-INF
'[Мальчик плакал,] мама [ему] спела, и он плакать перестал.'

- (11) a. *yite-k* *r-paa-w-ne-n* *ŋetwəl-∅*
 смотреть-INF TR-прекращать-CS-3SG.A.3.O-3SG.O стадо-NOM.SG
 ‘Он перестал смотреть на стадо.’
- b. *yite-pl̥atku-ni-n*
 смотреть-COMPL-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘(Доктор) закончил осмотр (кого-то).’

4. Комплетив: особые употребления

Показатель комплетива, наряду с показателем инхоатива *-ŋŋo*, может сочетаться с показателем таксисного конверба предшествования *-k*. Показатели комплетива и инхоатива могут определять, предшествование главной клаузе или следование за ней выражает словоформа. С глаголами, имеющими комплетивную интерпретацию в аористе, с показателем комплетива получается композиционное употребление, а с инхоативом *-ŋŋo* может появляться интерпретация следования:

- (12) a. *puran-∅* *simet̥ə-pl̥atku-k... / simet̥ə-k...*
 буран-NOM.SG ломаться-COMPL-CVБ / ломаться-CVБ
 ‘После того, как буран сломался...’
- b. *puran-∅* *semat̥ə-ŋŋo-k ...*
 буран-NOM.SG ломаться-INCH-CVБ
 ‘Когда буран начал ломаться’ /
 ‘Перед тем, как буран сломался...’

С глаголами, которые не имеют комплетивной интерпретации в аористе, сочетание с *pl̥atku-k* — единственный способ выразить семантику «после Р»; *-ŋŋo* же либо композиционное, либо «перед Р». Возможно, интерпретация предшествования развивается из проспективных употреблений инхоатива:

- (13) a. *teryat̥ə-k...* b. *teryat̥ə-pl̥atku-k...*
 плакать-CVБ плакать-COMPL-CVБ
 ‘заплакав’ ‘закончив плакать’
- c. *teryat̥ə-ŋŋo-k...*
 плакать-INCH-CVБ
 ‘заплакав’ / ‘перед тем как заплакать’

С конвербом на *-k* показатели комплетива и инхоатива, по нашей субъективной оценке, появляются очень часто; по-видимому, несмотря на то, что большинство таких употреблений — композиционные, их стоит считать особой конструкцией.

С инициальной отрицательного циркумфикса *e-* может употребляться приставка *pl-* с комплетивной семантикой. При этом в словоформе может также присутствовать *pl̥tku*:

- (14) a. *e-pl̥-itit-kə-l̥-in* *relqəpat-∅*
 CAR-FIN-кипеть-CAR-ATTR-POSS каша-NOM.SG
- b. *e-pl̥-ititə-pl̥tku-kə-l̥-in* *relqəpat-∅*
 CAR-FIN-кипеть-COMPL-CAR-ATTR-POSS каша-NOM.SG
 ‘недоваренная каша’ {a=b}

В текстах, собранных В. Г. Богоразом в начале XX века (см. [Muravova et al. Ms.]), находится несколько употреблений глагола *pl̥ək* ‘закончить’; в основном в конце нарративов. *-tku* — суффикс итератива; глагол *pl̥tkuk* кажется диахронически производным. Префикс *pl̥-* мог исторически быть суффиксом, присоединяющимся к автономному отрицанию, которое затем само грамматикализовалось в префикс.

Префикс *pl̥-* встречается также с показателем предикативного обладания (омонимичным финали перфектного циркумфикса); в таком контексте он выражает семантику ‘запасной X’:

- (15) *ya-pl̥-wala-l̥en*
 COM-DUPL-нож-PF.3SG
 ‘с запасным ножом’

5. Заключение

Комплетив в амгуэмском чукотском сочетается, помимо предельных процессов, с непредельными процессами и с моментальными событиями. У комплетива выделяется семантический компонент «совсем».

Кажется, что комплетив в амгуэмском чукотском прошёл больше этапов грамматикализации, чем терминатив. Глагол *pl̥tkuk* обладает меньшим количеством категориальных свойств, чем *paak* (лабильность чукотским глаголам не свойственна); его сочетаемость выше; он чаще выступает в виде суффикса, а также засвидетельствован в двух особых конструкциях: с таксисным конвербом и с отрицанием.

Глагол *tuok* ‘начинать’ практически не имеет ограничений на сочетаемость и допускает среди фазовых глаголов наибольшее количество семантических сдвигов, в амгуэмском говоре этот глагол обычно выступает только в виде суффикса, часто в специальном варианте *-ŋŋo*. Таким образом, фазовые глаголы чукотского языка составляют шкалу по степени грамматикализованности, которая в целом соответствует общетипологическим наблюдениям: инхоатив в языках мира грамматикализуется чаще, чем комплетив, а комплетив — чаще, чем терминатив (см. [Plungian, 1999]).

Список условных сокращений

2 — второе лицо; 3 — третье лицо; А — А-участник; ATTR — атрибутивизатор; CAR — каритив; COM — комитатив; CONT — контейнер; CS — изменение состояния; CVB — конверб; DUPL — дубликатив; FIN — комплетив при отрицании; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LOC — локатив; NOM — номинатив; O — объект; PF — перфект; POSS — показатель притяжательных прилагательных; S — S-участник; SG — единственное число; ST — статив; TIME — период времени; TH — тематический показатель; TOT — тоталитатив; TR — транзитивизатор.

Литература

- Виняр 2016 — Виняр, А. И. Чукотские глагольно-глагольные компаунды: к противопоставлению инкорпорации и сериализации глагольных основ. // Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. — Москва, МПГУ, 2016. 66-88.
- Bybee et al. 1994 — Bybee, J. L.; Perkins, R. & Pagliuca, W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The U. of Chicago Press. 1994.
- Dunn 1999 — Dunn M. A Grammar of Chukchi. Ph. D. Diss., Australian National University, 1999.
- Muravyova et al. Ms. — Muravyova I. A., Daniel M. A., Zhdanova T. Ju. Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz. M, 2001. (Unpublished).
- Plungian 1999 — Plungian, V. A. A typology of phasal meanings // Abraham W., Kulikov L. (eds.) Tense-aspect, transitivity, and causativity: Essays in honor of Vladimir Nedjalkov. Amsterdam: John Benjamins, 1999.

Некоторые наблюдения над порядком слов в баргузинском диалекте бурятского языка*

Елена Викторовна Деликанова
МГУ имени М. В. Ломоносова
elena_delikanova@yahoo.com

1. Введение

Бурятский¹ язык (< монгольские < алтайские), как и большинство других алтайских, проявляет свойства, характерные для языков с левым ветвлением и финальной позицией вершины в составляющей. Приведем некоторые примеры:

(1) NPost

stol dərə:
стол на
'на столе'

(2) StAdj

xuhan-ha: ɯndər
сосна-ABL высокий
'выше сосны'

(3) GenN

badm-i:-n gər
Бадма-GA2-GEN дом
'дом Бадмы'

(4) PredCop

ənə ɯnjə:ən səsən bai-ga:
этот корова умный быть-PST I
'Эта корова была умной.'

(5) ClauseComp

badma dugar jər-ə: gəʒə mədə-nə
Бадма Дугар приходит-PST I COMP знать-PRS
'Бадма знает, что Дугар пришел.'

(6) VAux

Aldar turgə:r aja:ga uga:-dag bai-na
Алдар часто посуда мыть-HAB быть-PRS
'Алдар часто моет посуду.'

* Исследование поддержано грантом РНФ №16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства», который выполняется в МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ Данная статья опирается на материал баргузинского диалекта бурятского языка, собранный автором в ходе полевых экспедиций кафедры ТиПЛ филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в с. Барагхан Курумканского района республики Бурятия в 2015-2017 гг. Автор глубоко признателен всем носителям, с которыми ему довелось работать.

Такие порядки, как в конструкциях (1)–(6), коррелируют со следующим взаиморасположением объекта и предиката: OV. Это согласуется с тем, что базовым порядком составляющих для бурятского языка считается SOV (см., например, [Санжеев 1962]).

SOV — наиболее частотный и нейтральный порядок в баргузинском бурятском. Как правило, он используется в том случае, если в фокусе находится вся ситуация:

(7) *хьви.п* *fono*² *хар-а:*
 мальчик волк видеть-PS1
 ‘(Что случилось?) Мальчик увидел волка.’

Тем не менее, SOV — это не единственный возможный порядок составляющих. В [Санжеев 1962: 99] отмечается, что «в зависимости от цели высказывания, от стилистических грамматических или иных условий возможен не прямой (обычный), а обратный (инверсированный) порядок слов в предложении». В данной работе мы кратко опишем, какие другие порядки составляющих возможны в баргузинском бурятском, а также рассмотрим их связь с информационной структурой.

В разделе 1 настоящей статьи мы сформулировали поставленную цель. В разделе 2 мы опишем возможные и невозможные порядки составляющих в простой предикации. В разделе 3 рассмотрим косвенные вопросы с финитной зависимой клаузой. В разделе 4 сделаем некоторые выводы.

2. Порядок составляющих в простой предикации

Как уже было отмечено, SOV — это не единственно возможный порядок составляющих в простой предикации. Если из клаузы с базовым порядком вынести прямое дополнение налево, линейный порядок изменится в OSV:

(8) *fono* / *fon-i:-jə* *хьви.п* *хар-а:*
 волк / волк-GA2-ACC мальчик видеть-PS1
 ‘Мальчик увидел волка.’

Такой порядок составляющих возникает как правило в том случае, если субъект находится в фокусе:

² В баргузинском диалекте бурятского языка прямое дополнение может выступать как оформленным, так и неоформленным, причем существует несколько способов оформления прямого объекта. Однако в отношении порядка составляющих оформленные и неоформленные прямые дополнения ведут себя одинаково, поэтому во всех случаях, где используется неоформленное прямое дополнение, оно может быть заменено на оформленное и наоборот, если это не запрещено другими правилами бурятского языка.

- (9) *xən mafina zaha-na?*
кто машина чинить-PRS
'Кто чинит машину?'
- mafina aba-mni zaha-na*
машина отец-1SGn чинить-PRS
'Машину чинит мой отец.'

В простой глагольной предикации большинство носителей строго запрещают помещать любой из аргументов справа от глагола. Ни субъект, ни объект в общем случае (при ответе на вопрос типа *что случилось?*) не могут занимать заглагольную позицию:

- (10) а. **xngfən əzi: fana-na lapfa:-jə*
старый мать варить-PRS лапша-ACC
- б. **lapfa:-jə fana-na xngfən əzi:*
лапша-ACC варить-PRS старый мать
Ожидаемое значение: 'Бабушка варит лапшу.' {a=b}

Однако для некоторой части носителей порядок SVO допустим, если субъект находится в фокусе:

- (11) *xən mafina jab-u:l-na?*
кто машина идти-CAUS-PRS
'Кто ведет машину?'
- ? *zolo:fon jab-u:l-na mafina*
водитель идти-CAUS-PRS машина
'Машину ведет ВОДИТЕЛЬ.'

То же самое касается порядка OVS при ответе на вопрос к объекту:

- (12) *ju: zolo:fon zaha-na?*
что водитель чинить-PRS
'Что чинит водитель?'
- ? *mafina zaha-na zolo:fon*
машина чинить-PRS водитель
'Водитель чинит МАШИНУ.'

Из примеров (9)–(12) видно, что порядок составляющих меняется под влиянием информационной структуры. Однако если про (9) можно с определенной степенью уверенности сказать, что фокусной является именно предглагольная позиция, то для (11) и (12) это лишь одно из возможных объяснений. Другой вариант: фокусной позиция здесь располагается в начале клаузы, как следствие — в баргузинском бурятском есть по крайней мере две фокусных позиции.

Одним из косвенных аргументов против второго варианта может быть тот факт, что предикат, даже если он находится в фокусе, не может находиться в начале клаузы:

- (13) а. **fana-na* *xɨgʃɨn* *ɣzi:* *lapfa:-jɣ*
 варить-PRS старый мать лапша-ACC
 б. **fana-na* *lapfa:-jɣ* *xɨgʃɨn* *ɣzi:*
 варить-PRS лапша-ACC старый мать
 Ожидаемое значение: ‘Бабушка лапшу ВАРИТ (а не жарит).’
 {a=b}

С другой стороны, для части опрошенных носителей дативный участник в простой предикации может занимать самую левую позицию в клаузе только в том случае, если он находится в фокусе:

- (14) *xɨn-dɣ* *axa-fni* *jabloko* *ɨg-θ:?*
 кто-DAT брат-2SGn яблоко дать-PST1
 ‘Кому твой брат дал яблоко?’
sajana-da *axa-mni* *jabloko* *ɨg-θ:*
 Саяна-DAT брат-1SGn яблоко дать-PST1
 ‘Твой брат дал яблоко Саяне.’

Этот факт, как нам кажется, не позволяет отказаться от гипотезы о том, что позиция в начале клаузы — фокусная, поскольку в (14) фокусная составляющая максимально удалена от другой потенциальной фокусной позиции (перед глаголом).

Отметим, что при нейтральном порядке составляющих дативный участник обычно расположен либо между субъектом и объектом, либо между объектом и предикатом:

- (15) а. *xɨvɨ:n* *bʃhʃlig* *basagan-da* *ɨg-θ:*
 мальчик кольцо девочка-DAT дать-PST1
 б. *xɨvɨ:n* *basagan-da* *bʃhʃlig* *ɨg-θ:*
 мальчик девочка-DAT кольцо дать-PST1
 в. ^{??}*basagan-da* *xɨvɨ:n* *bʃhʃlig* *ɨg-θ:*
 девочка-DAT мальчик кольцо дать-PST1
 ‘(Что случилось?) Мальчик дал девочке кольцо.’ {a=b=c}

3. Порядок составляющих в косвенных WH-вопросах

Косвенные вопросы в бурятском языке — это подгруппа предложений с сентенциальными актантами. В зависимости от того, как устроена вложенная клауза, они бывают двух типов: с номинализацией (16) и с комплементаризмом *gɣzɣ* (17)–(18):

- (16) *badma sajan-i:-n ədjə:l-x-i:-jə-nⁱ hura-ba*
 Бадма Саяна-GA2-GEN есть-POT-GA2-ACC-3п спросить-PST2
 ‘Бадма спросил, будет ли Саяна есть.’
- (17) *bi badma darim-i:-jə хар-а:*
 я Бадма Дарима-GA2-ACC видеть-PST1
гн гəзə hur-а:-b
 Q2 COMP спросить-PST1-1SG
 ‘Я спросил, видел ли Бадма Дариму.’
- (18) *bi хэн дарим-и:-jə хар-а:-b*
 я кто Дарима-GA2-ACC видеть-PST1-Q1
гəзə hur-а:-b
 COMP спросить-PST1-1SG
 ‘Я спросил, кто видел Дариму.’

В этой работе мы будем рассматривать только косвенные вопросы второго типа (с комплементаризатором *гəзə*)³.

Вопросительная частица (*гн* для общего вопроса (17) и *-b(ə)* для частного (18)) в них присоединяется к предикату зависимой клаузы. WH-местоимения в бурятских частных вопросах могут находиться *in situ*:

- (19) *dorzo jн: / хэнⁱ-i:-jə хар-а:-b*
 Доржо что / кто-GA2-ACC увидеть-PST1-Q1
гəзə bi мəдə-нə-b
 COMP я знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что/кого увидел Доржо.’
- (20) *dugar хэн-дə гэр аб-а:-b гəзə би мəдə-нə-b*
 Дугар кто-DAT дом купить-PST1-Q1 COMP я знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, кому Дугар купил дом.’

Однако, как и именные группы, которые они заменяют, WH-слова могут занимать любую позицию слева от глагола, в том числе подвергаться вопросительному выносу:

- (21) *dugar гэр хэн-дə аб-а:-b гəзə би мəдə-нə-b*
 Дугар дом кто-DAT купить-PST1-Q1 COMP я знать-PST-1SG
 ‘Я знаю, кому Дугар купил дом.’

³ Финитная вложенная клауза может занимать любую позицию по отношению к матричной клаузе (т.е. предшествовать ей, следовать за ней или быть в нее встроеной), если субъект и косвенный объект (при наличии) матричной клаузы предшествуют матричному предикату. В ином случае предложение будет неграмматичным. При этом позиция вложенной клаузы не влияет на порядок составляющих внутри нее, поэтому в приводимых примерах мы также подразумеваем, что зависимая предикация может занимать в матричной клаузе и другие возможные позиции без ущерба грамматичности всего предложения.

- (22) *xən-də dugar gər ab-a:-b gəzə bi mədə-nə-b*
 кто-DAT Дугар дом купить-PST1-Q1 COMP я знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, кому Дугар купил дом.’

При этом в случае, если WH-слово подвергается вопросительному выносу налево, вместе с ним может передвигаться и предикат. Аргументы, выраженные полными именными группами, окажутся тогда справа от него:

- (23) [?]*xən ɯg-ə:-b sajana-da jabloko gəzə bi mədə-nə-b*
 кто дать-PST1-Q1 Саяна-DAT яблоко COMP я знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, кто дал Саяне яблоко.’

- (24) [?]*xənⁱ-i:-jə xar-u:l-a:-b bajar sajana-da*
 кто-GA2-ACC видеть-CAUS-PST1-Q1 Баяр Саяна-DAT
gəzə bi mədə-nə-b
 COMP я знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, кого Баир показал Саяне.’

Такие примеры оцениваются носителями как менее приемлемые по сравнению с предложениями, где глагол занимает финальную позицию в зависимой клаузе, но допустимые.

При этом отметим, что в невопросительных зависимых клаузах запрет на размещение какой-либо составляющей справа от глагола действует строже, чем в простой предикации, и не может нарушаться под влиянием информационной структуры: даже если вложенный субъект находится в фокусе, объект не может занимать заглагольную позицию:

- (25) **badma ab-a: xapusta gəzə bi mədə-nə-b*
 Бадма купить-PST1 капуста COMP я знать-PRS-1SG
 Ожидаемое значение: 1. ‘Я знаю, что Бадма купил капусту.’
 Ожидаемое значение: 2. ‘Я знаю, что БАДМА купил капусту.’

Несмотря на это, в (23) и (24) фокусные составляющие (ведь вопросительные местоимения сами по себе являются фокусными элементами) оказываются в начале клаузы⁴. Более того, они при этом оказываются и в предглагольной позиции. Эти два факта делают такие примеры параллельными предложениям типа (11)–(12).

⁴ При такой конфигурации ни одна из составляющих, оставшихся *in situ* и линейно располагающихся в таком случае справа от глагола, не может быть носителем интонационного фокуса:

- (i) **xɑ:n:n ju: ab-a:-b baja:r gəzə bi xur-a:-b*
 где что купить-PST1-Q1 Баир COMP я спросить-PST1-1SG
 Ожидаемое значение: ‘Я спросил, где и что купил БАИР. (Зачем ты мне про Бадму рассказываешь?)’

4. Заключение

Опираясь на (11)–(12) и (23)–(24), мы предполагаем, что обе позиции — предглагольная и в начале клаузы — могут выступать в баргузинском бурятском в качестве фокусных. Если же считать фокусной только одну из них, открытым останется вопрос, чем вызван такой порядок составляющих, как в (23)–(24), где на левую периферию передвинулось не только вопросительное слово, но и предикат.

При этом может быть, что две эти позиции неравнозначны: возможно, предглагольная позиция является основной фокусной, тогда как позиция в начале клаузы — дополнительной и не всегда допустимой. Это могло бы объяснить неграмматичность примеров типа (13) и (25).

Список условных сокращений

1SG — глагольное 1 лицо единственного числа; 1SGn — именной посессив 1 лица; 2SGn — именной посессив 2 лица; 3n — именной посессив 3 лица; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; COMP — комплементаризер; DAT — датив; GA2 — второй генитив-аккузатив; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; PRS — настоящее время; POT — потенциалис; PST1 — первое прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; Q1 — частный вопрос; Q2 — общий вопрос.

Литература

Санжеев Г. Д. (отв. ред.) (1962) Грамматика бурятского языка: Синтаксис. М: Изд-во Восточной литературы.

Документация верхнелозьвинского диалекта мансийского языка*

Дарья Олеговна Жорник
МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН
daria.zhornik@yandex.ru

Софья Владимировна Покровская
МГУ имени М. В. Ломоносова
sofie.v.pokrovskaya@gmail.com

В данной статье мы представим наш проект по описанию и документации мансийского языка (в первую очередь верхнелозьвинского диалекта) — <http://digital-mansi.com/>. Две основные цели проекта: создание многодиалектного мультимедийного корпуса мансийского языка и максимально полное описание фонетической и грамматической системы верхнелозьвинского диалекта на основе соответствующего подкорпуса текстов и данных элицитации, полученных в поле. В статье мы кратко опишем социолингвистическую ситуацию и отличительные особенности верхнелозьвинского диалекта, а затем обозначим предпринимаемые шаги по выполнению замысла проекта.

Мансийский (вогульский) язык относится к финно-угорской группе уральской языковой семьи, входит в обско-угорскую ветвь, наряду с хантыйским. Носители мансийского языка (938 человек по переписи 2010 года) проживают на западе и юго-западе Ханты-Мансийского автономного округа и прилегающих территориях Свердловской области. В настоящий момент из четырёх групп мансийских говоров можно считать живыми лишь северные диалекты, распространённые по берегам рек Сосьва и Лозьва. Данные об остальных диалектах позволяют сделать вывод о значительных различиях и отсутствии взаимопонимания между носителями разных говоров. В этой статье речь пойдёт о северных мансийских диалектах.

В наши дни северные манси живут в тесном соседстве с русскоязычным населением, что приводит к вытеснению мансийского языка экспансии. Русский язык обслуживает не только государственную и социальную сферы мансийской жизни, но и служит языком повседневного общения, причиной тому — смешанные браки. Таким образом, дети редко

* Исследование поддержано грантом РФФИ №18-012-00833 «Динамика фонетических и грамматических систем обско-угорских языков».

становятся даже билингвами, не усваивая мансийский язык в семье. Попытки ревитализации предпринимаются в некоторых школах Ханты-Мансийского автономного округа путём преподавания мансийского языка на факультативных занятиях. Необязательность предмета оказывает негативное воздействие на престиж языка, помимо этого, преподаватели зачастую сами не являются носителями, что приводит к фатальным ошибкам не только в произнесении или грамматике, но и в лексической сочетаемости слов и выражений. Доступных преподавателям и лингвистам подробных описаний мансийского немного, это две грамматики: [Ромбандеева 1973] (и обновлённая версия [Ромбандеева 2017]), [Murphy 1968] и краткий очерк [Riese 2001]. Среди средств массовой информации можно выделить единственную активно работающую газету на мансийском языке — «Луима сэрипос», издающуюся в Ханты-Мансийске (<http://www.khanty-yasang.ru/luima-seripos>). Все доступные данные опираются на сосьвинский диалект, который лёг в основу литературного языка, таким образом, живой разговорный язык остаётся без внимания и находится в опасности.

Несмотря на плачевную социолингвистическую ситуацию, на севере Ивдельского района Свердловской области сохраняется верхнелозьвинский диалект, который является здесь основным языком бытового общения. Высокая степень сохранности языка, очевидно, обеспечивается труднодоступностью и обособленностью этих мест, а также традиционным укладом жизни ивдельских манси, промышляющих в основном охотой, рыболовством и рукоделием. Вдалеке от русских поселений проживает порядка сотни носителей, в частности, в деревнях Ушма, Тресколье и Лепля. Смешанные браки там исключены, поэтому общение происходит на мансийском языке — каждое новое поколение усваивает диалект в качестве родного языка. Русский язык дети начинают учить при поступлении в школу-интернат в посёлке Полуночное. Существуют и проблемы, ставящие дальнейшее сохранение и развитие языка под угрозу: отсутствие регулярного преподавания мансийского языка в школе-интернате и тяжёлая демографическая ситуация ивдельских манси. Население деревень в основном составляют потомки двух семей, что усложняет построение брачных союзов. Тем не менее, в настоящий момент в посёлках много представителей молодого поколения, являющихся полноценными носителями мансийского языка.

В результате полевой работы с носителями были выявлены отличительные особенности верхнелозьвинского диалекта. Следует отметить, что невозможно провести чёткую границу между диалектной вариативностью и результатами диахронических изменений. Нельзя утверждать, что те или иные процессы имели бы место в трёх других группах говоров, если бы те сохранились до наших дней. Но и объяснять сложив-

шиеся различия между мёртвыми диалектами и живым лишь региональными вариантами было бы ошибочно. С учётом данной поправки приведём отличительные черты верхнелозьвинского диалекта и начнём с фонетики.

Одним из важнейших вопросов является противопоставление гласных по долготе-краткости. В настоящий момент в речи некоторых носителей данная оппозиция не реализуется квантитативно, и длительность долгого и краткого гласного в соответствующих минимальных парах слабо отличается, а формантная картина в одном и том же контексте обладает существенными различиями. Это происходит не только для [a] vs. [ā] и [e] vs. [ē], что типологически естественно — достаточно обратить внимание на реализацию соответствующих фонем в венгерском языке (см. [Майтинская 1955]) — но и для реализаций долгих и кратких *u, o, i*, что уже не кажется столь тривиальным. Определить, происходит ли перестройка фонемного состава, на данный момент не представляется возможным, но такая акустическая картина отличается от описанного ранее, см. [Ромбандеева 1998].

Изменения, очевидно затрагивающие фонологию, наблюдаются в системе консонантизма. Реализация неустойчивой во многих языках фонемы <ɥ>, наблюдаемой, например, в словах *sayrap* ‘топор’, *pəʷ* ‘мальчик’, ослаблена у многих носителей в [j], что провоцирует слияние фонем <ɥ> и <j>. О влиянии на фонологию позволяет судить восприятие таких слов, как *saj* ‘коса’ и *saʷ* ‘гной’ носителями в качестве омонимов. Наблюдается неразличение [j] и [l'] в идиолектах: *l'il'pi* > *jil'pi* ‘новый’, но этот переход никогда не затрагивает подавляющее большинство лексических единиц. Регулярным изменением можно считать переход начального северномансийского [t'] > [k'] в верхнелозьвинском диалекте и в некоторых других, уже мёртвых: *kēr* ‘железо’, *kelp* ‘кровь’.

Диалектные отличия затрагивают не только звуковой состав языка. Личные местоимения верхнелозьвинского диалекта обнаруживают утрату инструментального падежа. Формы типа *ānum-təl* ‘1SG.OBL-INSTR’ (которые встречаются, например, в [Ромбандеева 1973]) не распознаются носителями, вместо них употребляются перифрастические конструкции. Например, следующая конструкция с комитативным значением невозможна с личными местоимениями, возможен лишь вариант без инструменталиса:

(1) *āe-e* *āji-tēn-təl* / *āji-te* *jot*
отец-POSS.3SG дочь-POSS.2PL-INSTR дочь-POSS.3SG с

wōr-n *min-as-əj*
лес-LAT идти-PST-2DU

‘Отец с дочерью пошли в лес.’

- (2) *āc-e* **taw-tēn-təl* / *taw-e* *jot*
 отец-POSS.3SG 3SG-POSS.2PL-INSTR 3SG.OBL с

wōr-n *min-as-aj*
 лес-LAT идти-PST-2DU

‘Отец с ней в лес пошли.’

В именной парадигме у части носителей обнаруживается совпадение показателей элатива (*-nəl > -əl*) и инструменталиса *-əl* в непоссесивном склонении: первый согласный показателя элатива в верхнелозьвинском мансийском, по-видимому, утрачивается, и различить формы соответствующих падежей становится возможным лишь при присоединении поссесивных показателей: в этом случае употребляется другой аллофон инструменталиса *-təl*, сравним примеры (3) и (4); (5) и (6).

- (3) *εan'um* *am* *sow-an-um-əl* / *sow-an-um-nəl*
 мать 1SG шкура-POSS.PL-POSS.1SG-EL шкура-POSS.PL-POSS.1SG-EL

saxi *jūnt-əs*
 шуба шить-PST.3SG

‘Мать из моих шкур шубу сшила.’

- (4) *am* *sow-an-um-təl* *xāp-um* *lap-pant-s-um*
 1SG шкура-PL-POSS.1SG-INS лодка-POSS.1SG PV-накрыть-PST-1SG

‘Я своими шкурами лодку накрыл.’

- (5) *taw* *xāp-əl* *min-as*
 3SG лодка-INS идти-PST.3SG

‘Он на лодке поехал.’

- (6) *taw* *xāp-əl* / *xāp-nəl* *kwāl-əs*
 3SG лодка-EL лодка-EL выйти-PST.3SG

‘Он из лодки вылез.’

Наблюдаются различия и в отношении форм латива и локатива: в то время как в северномансийских говорах ожидаются консонантные показатели, верхнелозьвинские диалекты обнаруживают более архаичные формы (см. [Ромбандеева 1973]), с сохранением гласных: *-t/-ta*, *-n/-na/-ne*.

- (7) *am* *xāp-ta* / *xāp-t* *ūnl-ej-um*
 1SG лодка-LOC лодка-LOC сидеть-NPST-1SG

‘Я в лодке сажу.’

- (8) *mān* *wōr-na* / *wōr-n* *min-as-uw*
 3.PL лес-LAT лес-LAT идти-PST-1PL

‘Мы в лес пошли.’

Вероятна связь с просодическим нормированием структуры слова в верхнелозьвинском диалекте, когда качественная реализация гласных зависит от фразовой просодии — стоит обратить внимание на протетическое вставление гласного [ə]: *xāpt* vs. *xāpət*, аппроксимантную либо фрикативную реализацию <j> и палатализованность сибилянта в минимальных парах с долгим и кратким гласным: *sūj* [sūj] ‘сопка’, *suj* [sui] ‘звук, шум’, фрикативную либо аппроксимантную реализацию [ɣ] > [j] > [i] в словах с фонемой <ɣ>, варьирующие в пределах речи одного носителя. Тенденция, вероятно, является общей и для финно-угорских языков в целом, и для мансийского диалектного пространства, но верхнелозьвинский диалект позволяет наблюдать это явление в наивысшей степени. Заметим только, что вокалические варианты показателей латива и локатива в других диалектах представлены лишь вариантами *-ən* / *-ət* (в некоторых говорах иногда наблюдаются варианты *-ne* для латива и *-te* для локатива), а вокалическое оформление соответствующих показателей в верхнелозьвинском диалекте представлено богаче: гласным переднего [e], среднего [ə] и заднего [a] рядов.

Немногочисленные тексты на верхнелозьвинском диалекте датируются преимущественно XIX, в меньшей степени XX веком, когда территория расселения верхнелозьвинских манси была значительно больше. Некоторые верхнелозьвинские тексты обнаруживаются в материалах таких исследователей, как А. Регули (1843-1844), Б. Мункачи (1888-1889), А. Каннисто (1903), Н. В. Чернецов (1938). Единственными существующими материалами, отражающими верхнелозьвинский мансийский в его современном состоянии (с аудиофайлами), являются данные, собранные венгерским исследователем Г. Секеем в ходе полевой работы по проекту ELAR SOAS с ивдельскими манси в 2005-2007 годах. Эта коллекция не находится в свободном доступе и состоит, в первую очередь, из элицитации списков бытовой лексики, что недостаточно для исследования естественной мансийской речи.

Таким образом, полной документации верхнелозьвинского диалекта на данный момент не существует. В работе [Секей 2012] обобщается вся известная информация о предыдущей полевой работе. В 2016 году Т. П. Бахтиярова, носитель данного диалекта и участник нашего проекта, опубликовала (в соавторстве с С. С. Динисламовой) словарь верхнелозьвинского мансийского. Эта работа [Бахтиярова, Динисламова 2016] представляет собой крайне ценный для нас ресурс.

В круг наших задач мы включаем создание мультимедийного корпуса, отражающего диалектное многообразие мансийского языка. Работа по созданию корпусов обско-угорских языков уже производилась (см. базу данных OUDB <http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de>), существует даже проект по созданию корпуса литературного мансийского языка на основе текстов газеты «Лўима Сэрипос» — FinUgRevita) в университете Сегеда,

о чём см. [Horvath et al 2017]. Наш корпус, в первую очередь, ориентирован на разговорный язык, вследствие чего основная масса ресурсов направлена на аккумуляцию диалектных данных, в том числе, собранных в ходе полевой работы.

На данный момент участниками проекта было осуществлено три экспедиции в дд. Ушма и Тресколье Ивдельского района Свердловского области (июль-август 2017 г., январь-февраль 2018 г., июль-август 2018 г., состав участников: Д. О. Жорник, С. В. Покровская). В ходе поездок производилась работа с 17 информантами (обоих полов, в возрасте примерно от 15 до 70 лет). Авторами было записано 5 часов текстов на мансийском языке (в основном, нарративы и диалоги), собраны анкеты по фонетике и базовым грамматическим категориям, записаны именные, местоименные и глагольные парадигмы для разных классов слов, минимальные пары и более 1000 целевых слов в различных контекстах для уточнения фонемного и лексического состава языка. Также было проведено социолингвистическое анкетирование консультантов по мансийскому языку. Записи, полученные в поле, транскрибируются и сегментируются на клаузы в программе ELAN. В итоге мы получаем разметку аудиофайлов для верхнелозьвинского мультимедийного подкорпуса, которая впоследствии синхронизируется с морфологической аннотацией.

Верхнелозьвинский подкорпус единственный снабжён мультимедийной дорожкой, поскольку ранее изучение большинства мансийских диалектов не сопровождалось записью звука. Остальные подкорпусы содержат письменные тексты и отражают либо литературный язык, либо вымершие мансийские диалекты — западные (вымерли в конце 19 века), южные (вымерли в начале 20 века), восточные (вымерли на рубеже 20 и 21 веков), некоторые другие северные говоры. Тексты XIX и первой половины XX века, представленные в корпусе, были записаны венгерскими, финскими и русскими исследователями (А. Регули, А. Каннисто, А. Альквистом, В. Н. Чернецовым и др.). Современные литературные тексты представляют собой печатные издания, опубликованные в советский и постсоветский период (отсканированные и распознанные при помощи программы Tesseract OCR), а также архивы газеты «Лўима Сэрипос». Таким образом, корпус включает многочисленные коллекции литературных и диалектных мансийских текстов (соответствующих определённым диалектным группам), на базе которых могут быть созданы корпусные словари. Тексты (кроме литературных) представлены в двух слоях записи — фонетическом и фонологическом, поскольку в мансийском языке при аллегровом произнесении слова́ и показатели подвергаются значительным фонетическим изменениям. Это касается не только текстов, снабжённых аудиофайлами (полевые верхнелозьвинские записи), но и материалов, записанных в фонетической транскрипции (например, архивы А. Каннисто и др.).

Основной проблемой, с которой приходится сталкиваться при создании такого корпуса, является диалектная вариативность и различие в системах записи, используемых каждым исследователем или автором. Программное обеспечение, используемое для разметки текстов и поиска по корпусу, должно максимально успешно справляться с этой проблемой, поэтому для унификации столь разнородных данных разрабатываются схемы перехода между разными орфографическими и транскрипционными системами.

На данный момент в рамках проекта были исследованы некоторые базовые особенности фонетики и грамматики верхнелозьвинского диалекта мансийского языка, создана пилотная версия корпуса, содержащая верхнелозьвинский и литературный подкорпусы, записано 5 часов текстов на верхнелозьвинском диалекте для дальнейшего их разбора.

В дальнейшем предполагается непрерывное дополнение корпуса различными текстами, в том числе, посредством автоматического распознавания текстов из собрания «Wogulische Volksdichtung (WV)» А. Каннисто. Разбор с последующей разметкой собранных верхнелозьвинских текстов позволит значительно пополнить мультимедийный корпус. Планируется также получить доступ к архиву Н. В. Чернецова (хранящемуся в Музее археологии и этнографии ТГУ в Томске, см. [Лукина 2008]), содержащему рукописные тексты на некоторых мансийских диалектах. Немаловажной задачей является масштабирование конвертации на весь массив диалектных данных. Для эффективной обработки текстов необходимо продолжать полевые исследования путём записи новых текстов и сбора анкет по фонетике и грамматике, дальнейшее обобщение и описание данных верхнелозьвинского диалекта мансийского языка.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — показатели лица; DU — двойственное число; EL — элатив; INS — инструменталис; LAT — латив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — possessивный показатель; PST — прошедшее время; PV — преверб; SG — единственное число.

Литература

- Баландин А., Вахрушева М. (1958) Мансийско-русский словарь. Ленинград: Учпедгиз.
Бахтиярова Т., Динисламова С. (2016) Мансийско-русский словарь. Тюмень: ООО «Формат».
Лукина Н. (2008) Записи обско-угорского фольклора в архивах томских университетов // Вестник Томского государственного университета. №3. С. 91–95.
Майгинская К. (1955) Венгерский язык. Том 1. Введение. Фонетика. Морфология. М.: Издательство АН СССР.
Ромбандеева Е. (1973) Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука.
Ромбандеева Е., Кузакова Е. (1982) Мансийско-русский и русско-мансийский словарь. Ленинград: Учпедгиз.

- Ромбандеева Е. (2017) Современный мансийский язык: лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование. Тюмень: ООО «Формат».
- Ромбандеева Е. (1998) Структура современного мансийского (вогульского) языка. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет.
- Секей Г. (2012) Экспедиции к ивдельским манси // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12). С. 95–101.
- Horvath C. et. al (2017) Language technology resources and tools for Mansi: an overview // The 3rd International Workshop for Computational Linguistics of Uralic languages. Pp. 56–65.
- Murphy L. (1968) *Sosva Vogul Grammar*. Indiana University, Ph.D.
- Riese, T. (2001) *Vogul*. Lincom Europa.
- Székely G. (2015) Upper-Lozva Mansi Words and Texts. Endangered Languages Archive at SOAS, University of London // <https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI931196#items>
Просмотрено 30.04.2018.

Редупликативы дунганского языка в словаре и тексте

Татьяна Сергеевна Зевахина
МГУ имени М. В. Ломоносова
tzev@mail.ru

1. Введение

Редупликация — это универсальное языковое явление (Луй Шу-сян, 1961; Имазов 1988, 114–118; Брейтер, Власова, 1993, 31–35; Имазов, 1994; Гилярова, 2010, 90–96). В дунганском языке, как и в китайском, в силу типологических особенностей этих языков редупликация получила самое широкое распространение.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы описать функции и определить количественные параметры редуплицированных форм в дунганском языке.

Материалом для исследования послужила картотека дунганско-русского семантического словаря, подготовленная сотрудниками и студентами кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ по результатам работы Среднеазиатских лингвистических экспедиций, которые проводились в 1977–1988 гг. под руководством Б.Ю. Городецкого и автора данной статьи. Описание словаря представлено в (Зевахина, 2002, 61–82). Для количественного анализа редуплицированных форм был привлечен «Краткий дунганско-русский словарь» (2009 [1968]. — Здесь в квадратных скобках указан год первой публикации словаря).

2. Редупликация в тексте

На отдельных примерах из нашей картотеки покажем способы образования редупликативов в дунганском языке и их функции. Сначала рассмотрим пример (1) из текста «О приготовлении рыбы». Этот и другие тексты были расписаны в картотеку. В нее же вошли предложения, полученные в ходе разных экспериментов с информантами. В примере (1) представлены две редуплицированные формы: *ян¹ян¹зы¹* дымок — от слова *ян¹* дым и *хуон¹хуор²ди¹* букв. жёлтенько от *хуон¹* жёлтый¹.

¹ В ганьсуйском диалекте дунганского языка имеется три тона: первый — восходящий, второй — нисходящий и третий — ровный, они обозначаются надстрочными знаками после каждого слога, а в учебной литературе — римскими или арабскими цифрами после всего слова.

Редупликативы-существительные осложняются суффиксом *-зы* или суффиксом *-р* (это так называемые эризованные формы) — см. примеры (3) и (4). *Хуон¹хуор²ди¹* осложнено суффиксом *-ди*, это стандартная форма редупликатива-наречия.

- (1) *Ба¹ ю¹ же¹гуа³ мо³кэ¹ хи¹ ян¹ян¹зы¹ли¹ ба¹ йу¹ гэ³хон¹ зан¹ зан¹ди¹ хуон¹хуор²ди¹.*

‘После того как масло нагрелось и пошёл чёрный **дымок**, начинаем жарить рыбу и жарим до **жёлтенького** цвета.’

Пример (2) из текста «Какой хлеб мы делаем», а также многие другие содержат похожий набор редупликативов, что говорит о частой их употребительности.

- (2) *Луэ²кэ¹ гуэ¹куй²ли¹ ба¹ мян³ жи²жи¹зы¹ жи²шон¹ ган² ба¹бар¹ди¹ ган²хон¹, бу¹ гэ¹ ю¹, бу¹ гэ¹ сы²са³, гэ³до¹ гуэ¹ни¹ луэ²хон¹.*

‘Если лепим хлеб на дне казана, то, тесто на **кусочки** разобрав, раскатываем **тоненько**, раскатав, не кладем масла, не кладем ничего, в котёл прилепляем.’

- (3) *Суй³сур¹шон¹ нэ²нэ¹ ги² сун¹нур¹ дуан¹ли¹гэ² хун¹ мо³мор¹.*

‘На **именины бабушка** подарила внучке красную **шапочку**.’

- (4) *Сун¹зы¹ ба¹ е¹е² на¹шон²лэ¹ди¹ га¹ сон¹фу³ на¹ бан²бар² гү¹ли¹.*

‘Внук обнёс деревянными **дощечками** принесённое дедом маленькое тутовое дерево.’

Редупликативы *суй³сур¹шон¹* от *суй³* год (о возрасте) и *бан²бар²* от *бан²* доска, имеющие в исходных лексемах финали *-й* и *-н*, во втором слоге получают эризацию. Это мы можем наблюдать также в примерах (5) и (6).

- (5) *Я¹ту¹зы¹ ба¹ бан²ди³ гуа²ди¹ жин¹жир¹ди¹.*

‘Девочка пол **чисто-чисто** отскребла.’

- (6) *Ни² ба¹ йу¹ гуа³до¹ шын¹шыр²шон³.*

‘Повесь рыбу на **шпагат**.’

Другие примеры редупликации с эризацией второго *-н* или *-й*: *йүан¹* — круглый → *йүан¹йүарди* — круглый-прекруглый; *пин¹* — ровный, равный → *пин¹пир¹ди¹* — гладко, ровно (о поверхности); *чин¹* — легкий → *чин¹чир¹ди¹* — легонько; *мин¹* — блистать, ясно, ясный → *мин¹мир¹ди¹* — блестящий. Однако в этом случае эризация не всегда является обязательной. Например, в следующих наречиях она отсутствует: *жян³* — дешёвый → *жян³жян³ди¹* — задешево; *нин³* — твердый → *нин³нин³ди¹* — на-сильно; *хуон¹* — торопиться → *хуон¹хуон¹ди¹* — второпях; *хын³* — ненавидеть, ненависть, злоба → *хын³хын³ди¹* — со злобой.

В примерах (1)–(6), а также (7) и (8) реализуется функция уменьшительности.

(7) *Жы³гэ¹ чү¹чү²зы¹ни¹ ма² ба¹ фи² хэ¹бу¹гу³.*
‘В этом **арычке** лошадям воды недостаточно.’

(8) *Ва¹ва² ба¹ мэ¹мэ² гэ³до¹ де¹де²зы¹ ли²ту¹ли¹.*
‘Ребёнок хлеб положил на **блюдце**.’ (от *де¹зы¹* — ‘тарелка’)

Другая функция редупликативов — выразить значение интенсивности проявления признака (*хэ³па³ла¹ла¹ди²* — страшный-престрашный; *зуй³зур²ди¹* — мертвецки пьяный).

(9) *Та²ди¹ нэ³гэ¹ хэ³па³ла¹ла¹ди² гуон¹йин² ги² лин¹жү²му¹ бу¹ ги² нан¹вын¹, та²му¹ цён² ба¹ я¹йи² чин²ди¹ лэ¹ни¹.*
‘Его **страшная-престрашная** жизнь соседям не даёт покоя, они хотят милиционера позвать.’

(10) *Щи¹ бон³гэ¹ди¹ хи¹ фын¹ гуа²ли¹гэ¹ лан¹дун¹дун¹.*
‘С запада дует **порывами** сильный ветер.’

(11) *Ва¹ва² хо¹ди¹ гун²дан²дан²ди¹ни¹.*
‘Ребёнок плачет, **капризничает** [катается по полу].’

(12) *Ва¹ва² хо¹ди¹ те¹ди¹те¹ди¹.*
‘Ребёнок плачет, **прыгает, дёргает** ручками и ножками.’

Кроме того, редупликативами в дунганском языке являются термины родства, свойства и некоторые обозначения людей по их национальности и т.п. Примеры из картотеки (13)–(15) — лишь небольшая иллюстрация этой распространенной модели. Причем данные слова не употребляются в виде однословов. Таким образом, здесь мы имеем дело с функцией словообразования, а не формообразования.

(13) *Нэ³гэ¹ нү²жын¹ го³ди¹ фэ¹сы¹ та²ди¹ нэ¹нэ² ло¹до²ди¹хын².*
‘Та женщина жалуется, говорит, что её **свекровь** очень злая.’

(14) *Жы³гэ¹ хуэй¹хуэй² ба¹ жы³гэ¹ чян¹ ги² дан¹лин¹ди¹ жын¹ гуэ³ди¹ни¹.*
‘Этот **дунганин** обвиняет другого человека в том, что тот не возвращает ему деньги.’

(15) *Жё¹ жын¹му¹ ба¹ су²су¹гуй² ма³ди¹, ви¹ди¹ни¹.*
‘Люди ругают **скупого**, и он не знает, куда деться [букв. вертится].’

Наконец, отдельная группа редупликативов представлена лексемами типа *нян¹нян²* — каждый год, *нян¹нян²ди¹* — ежегодный от *нян¹* — год; *йүэ¹йүэ¹* — каждый месяц, *йүэ¹йүэ¹ди¹* — ежемесячный от *йүэ¹* — месяц.

Что касается количества удвоенных форм в картотеке, то подсчет на небольшой выборке показал результат, равный 5%, наверное, этот результат можно экстраполировать на всю картотеку целиком. Речь здесь идет о частоте употребления редупликативов в речи. А как обстоит дело с представленностью редупликативов в словаре?

3. Редупликация в словаре

Краткий дунганско-русский словарь содержит около 12 тысяч слов. Путем сплошной выборки были выявлены все случаи редупликации. Следует отметить, что при размещении редупликативов в словаре в него включались как словообразовательные, так и формообразовательные модели, причем принцип отбора последних не совсем ясен. Небольшой фрагмент словаря (см. таблицу 1) может дать некоторое представление об отборе редупликативов. В первом столбце приведены редупликативная форма (или формы), во втором — слово, от которого она образована, в третьем — суффикс или суффиксы.

Таблица 1. Редупликативы в «Кратком дунганско-русском словаре» (фрагмент)

Редупликатив	Производящее слово	Суффикс
чечезы 3-1-1 пеленка	чезы 3-1 пеленка	-зы
чёнчёнзы 1-2-1 чёнчёр 1-2 стенка	чён 1 стена	-зы -р
чёчёзы 2-1-1 птицы, пташка	чёр 2 птицы, пташка	-зы
чёчёзы 1-2-1 чёчёр 1-2 мостик	чё 1 мост	-зы -р
чончонзы 2-1-1 чончор 2-1 площадь	чонзы 2-1 площадь, арена	-зы -р
чунчунзы 1-2-1 чунчур 1-2 червь, насекомое	чун 1 червь, насекомое	-зы -р
чуончуонзы 1-1-2 чуончуор 1-1 окошечко, оконце	чуонзы 1-1 окно	-зы -р
чуончуонзы 1-2-1 чуончуор 1-2 кровать	чуон 1 кровать	-зы -р
чүанчүанзы 1-2-1 родничок	чүан 1 источник, ключ, родник	-зы
чүанчүанзы 1-1-2 чүанчүар 1-1 кружок	чүанзы 1-1 круг	-зы -р
чүчүзы 1-2-1 чүчүр 1-2 канавка, ручей	чү 1 канава, арык	-зы -р
цинцинзы 1-1-2 сердцевинка	цин 1 сердце	-зы
цинцирди 1-1-1 совершенно новый; новенький	цин 1 новый	-рди
щицирди 3-2-1 тоненький	щи 3 тонкий, изящный; мелкий; частый	-рди

Редупликатив	Производящее слово	Суффикс
щянщянзы 3-1-1 щянщяр 3-1 ниточка	щян 3 нитка; линия	-зы -р
эрэрзы 1-2-1 детёныш	эр 1 дитя, сын, мальчик	-зы
ююрди 1-1-1 жирный- жирный	ю 1 масло, сало, жир; мазать (жиром)	-рди
ян-янзы 1-1-2 ян-яр 1-2 дымок, неболь- шой клуб дыма	ян 1 дым; дымить; табак	-зы -р
ян-янзы 1-2-1 ян-яр 1-2 край, краешек	янзы 1-2 край	-зы -р
яязы 1-2-1 яяр 1-2 росток; зубок, зубчик	я 1 зуб я 1 почка, росток	-зы -р

Результаты количественного распределения редупликативов в словаре представим в виде таблицы 2.

Таблица 2. Количественное распределение редупликативов по частям речи в «Кратком дунганско-русском словаре»

Часть речи	Количество	Пример
существительные	271	чун ¹ чун ² зы ¹ — червячок
прилагательные	106	шы ¹ шы ² р ¹ ди ¹ — совершенно мокрый
наречия	110	куэ ³ куэ ² ди ¹ — очень быстро
глаголы	17	бя ¹ жи ¹ -бя ¹ жи ¹ — шамкать
Итого:	504	

Таким образом, редупликаты составляют 4,2% от общего числа заглавных слов. Оказалось, что количественное распределение редупликативов в текстах и словаре примерно одинаковое.

4. Заключение

Эксперименты с информантами показали, как реально функционируют редуплицированные формы в дунганском языке. Особую группу таких слов составляют термины родства, свойства и некоторые обозначения людей по их национальности и т.п. (*мый²мый¹* — младшая сестра, *пэ¹пэ²* — свекровь, *хуэй¹хуэй²* — дунганин). Двусложные слова этой группы не употребляются в виде однословов. К этой группе примыкают слова с удвоенными морфемами, в которых редупликация служит средством словообразования (*ва¹ва²-дан³дан³* — дети одной семьи, ребятишки; *лю³лю¹* — вереница, полоса; *го²го¹* — материнская грудь в детском языке). Слова следующей группы выражают значение интенсивности проявления признака (*хэ³па³ла¹ла¹ди²* — страшный-престрашный; *зуй³зур²ди¹* — мертвецки пьяный). Третья группа редупликативов — слова с семантикой уменьшительности, ласкательности (*шу²шур¹* — ручонка; *чун¹чун²зы¹* — червячок; *мын¹мын¹зы²* — дверца).

Литература

- Брейтер М.А., Власова А.Е. (1993) Специфика лексической и грамматической редупликации в китайском языке // Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы VI Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. М.: Институт языкознания РАН. С. 31–35.
- Гилярова К.А. (2010) Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке Интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ. С. 90–96.
- Городецкий Б.Ю., Зевахина Т.С. (2016) Полевые методы в семантике и лексикографии. М.: МАКС-Пресс.
- Зевахина Т.С. (2002) От параметров слова к параметрам текста. М.: МАКС Пресс.
- Имазов М.Х. (1988) Об удвоенных формах прилагательных в дунганском и китайском языках // Актуальные проблемы китайского языка: Материалы IV Всесоюзной конференции. М.: Наука. С. 114–118.
- Имазов М.Х. (1994) Грамматика дунганского языка. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Бишкек.
- Краткий дунганско-русский словарь / Сост. Ю. Яншансин. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИПБ, 2009.
- Луи Шу-сян. (1961) Очерк грамматики китайского языка: Слово и предложение. М.: Изд-во восточной литературы.

Асимметрия по полярности системы причастий возможности баргузинского диалекта бурятского языка

Дмитрий Максимович Зеленский
МГУ имени М. В. Ломоносова
dz-zd@mail.ru

Пётр Олегович Россыйкин
МГУ имени М. В. Ломоносова
petrossyaykin@gmail.com

1. Введение

Под парадигматической асимметрией глагольной парадигмы по полярности понимается отсутствие взаимно-однозначного соответствия между формами в утвердительной и отрицательной парадигмах, связанное с зависимостью других грамматических категорий от отрицания. В (1) показан пример нейтрализации различия между реалисом и ирреалисом при отрицании.

(1) маунг (Capell & Hinch, 1970, 67)

a. <i>ni-udba</i>	b. <i>ni-udba-ji</i>
1SG.3-ставить	1SG.3-ставить-IRR.NPST
‘Я ставлю.’	‘Я могу поставить.’
c. <i>marig ni-udba*(-ji)</i>	
NEG 1SG.3-ставить-IRR.NPST	
‘Я не ставлю/должен ставить.’	

Для образования форм отрицательной парадигмы используются показатели стандартного отрицания, под которым понимается основной способ отрицания декларативных глаголов матричных клауз. Таким образом, другие способы отрицания, существующие в языке, не рассматриваются, даже если они делают возможным симметричное формирование парадигмы. Например, в бурятском языке¹ некоторые формы, не допускающие использование показателя стандартного отрицания *-gni*,

¹ Исследование проведено на материале данных, собранных в улусе Барагхан республики Бурятия в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2015–2017 гг. Все примеры на баргузинском бурятском, приводимые ниже, в том числе в виде таблиц, взяты из этих данных (вместе с оценками грамматичности), далее при них это специально не оговаривается.

сочетаются с частицей отрицания составляющих =*bəʃə* (2). (2с), однако, не считается частью отрицательной парадигмы глагола.

- (2) a. *ənə səsəg bəʃəglə-mə:r*
 этот цветок.ACC дарить-PSB
 ‘Этот цветок подойдет для подарка, предпочтительно подарить.’
- b. **ənə səsəg bəʃəglə-mə:r-gni*
 этот цветок.ACC дарить-PSB-NEG
- c. *ənə səsəg bəʃəglə-mə:r bəʃə*
 этот цветок.ACC дарить-PSB NOT
 ‘Этот цветок не подойдет для подарка.’²

2. Глагольное отрицание: общая картина

С точки зрения синтаксической дистрибуции в баргузинском диалекте существуют три типа синтетических форм глагола: строго финитные формы, причастия и деепричастия. В данной работе рассматривается отрицание причастий, диагностический контекст для которых представлен в (3).

- (3) *dugar j:ntə xə-hən xibvi: xara-na*
 Дугар вещь.ACC делать-PFCT мальчик.ACC видеть-PRS
 ‘Дугар видит мальчика, который что-то сделал.’

Причастия также могут употребляться финитно (со связкой и без), предположительно, в качестве именной предикации (4). Строго финитным формам доступны только контексты наподобие (5а).

- (4) *dugar xə-dəg (bai-na)*
 Дугар делать-НАВ (быть-PRS)
 ‘Дугар обычно (что-то) делает.’

В ходе исследования баргузинского диалекта бурятского языка в нём было выявлено четыре продуктивных показателя отрицания: *-gui*, *bu=* (препозитивный), *=ugi*: и *=bəʃə*. Стандартное отрицание (в понимании (Payne, 1985) и (Miestamo, 2005)) образуется с помощью суффикса *-gni* (5), также используемого как каритив. Другие способы отрицания в настоящей работе не рассматриваются.

- (5) a. *bair unta-na* b. *bair unta-na-gni*
 Баир спать-PRS Баир спать-PRS-NEG
 ‘Баир спит.’ ‘Баир не спит.’

² В бурятском языке представлено нетривиально устроенное дифференциальное маркирование объекта. Основы на *n*, однако (типа *fulə(n)* ‘суп’), всегда отличают именительный от немаркированного винительного: в первом случае *n* присутствует, во втором отсутствует.

Отрицание с помощью суффикса *-gni* доступно трем строго финитным индикативным формам (настоящее время (5) и две формы прошедшего времени), но запрещается при некоторых причастиях.

3. Парадигма причастий

Ниже представлены утвердительная и отрицательная парадигмы причастий для глагола *хэхэ* 'делать'.

Таблица 1. Парадигма стандартного отрицания в финитном контексте в баргузинском диалекте бурятского языка

	Утвердительная форма	Отрицательная форма		Группа
Хабитуалис	<i>xədəg</i>	<i>xədəggni</i>		Отрицаемые
Будущее время	<i>xəxə</i>	<i>xəxəgni</i>		
Постоянное причастие	<i>xəgʃ</i>	<i>xəgʃəgni</i>		
Причастие прошедшего времени / хабитуалиса	<i>xə:ʃ(n)</i>	<i>xə:ʃəgni / xə:gniʃ</i>		
Объектный результатив	<i>xə:təi</i>	<i>*xə:təigni</i>	<i>xəgdə:gni</i> <i>xə:gni</i>	Перфективные
Результатив	<i>xənxəi</i>	<i>*xənxəigni</i>		
Перфект	<i>xəhən</i>	<i>*xəhəngni</i>		
Перфект 2	<i>xə:n</i>	<i>*xə:ngni</i>		
Континуатив	<i>xəhə:r</i>	<i>*xəhə:rgni / *xəhənguigə:r</i>		Прочие неотрицаемые
Причастие возможности	<i>xəxə:r</i>	<i>*xəxə:rgni / *xəxənguigə:r</i>		
Причастие возможности 2	<i>xə:mə:r</i>	<i>*xə:mə:rgni / *xəmənguigə:r</i>		
Форма невозможности (строго финитная)	<i>*xəʃ / *xəʃtəi / xəgdəmə:r / xəgdəxə:r</i>	<i>xəʃəgni</i>		

Для получения форм, условно симметричных объектному результату и причастию невозможности, добавляется показатель пассива *-gdA*³. Как видно из таблицы, возможность присоединения суффикса *-gni* зависит от показателя ТАМ глагола. Формы, не образующие или неохотно образующие стандартное отрицание, распадаются на две группы: причастия, заканчивающиеся на *-A:r* (суффикс творительного падежа), большую часть которых составляют причастия возможности,

³ Заглавная *A* (для долгой гласной — *A:*; для дифтонга — *Ai*) обозначает гармонирующий по ряду и огубленности гласный верхнего подъёма.

и формы с перфективной семантикой, отрицаемые с помощью «универсального отрицания» *-A:-gni*, которое образуется от утвердительной формы первого прошедшего времени. Последняя не включена в парадигму, поскольку является строго финитной.

Зависимость выражения грамлеммы категории X от грамлеммы категории Y («импликативная морфология») — частотное явление в языках мира (Плунгян, 2011). В соответствии с иерархией грамматических систем, постулированной в (Aikhenvald & Dixon, 1998) выражение аспекта / времени может зависеть от выбора утвердительной или отрицательной формы; полярность никогда не зависит от других грамматических систем.

Данная иерархия лежит в основе классификации асимметричных систем отрицания, предложенной в (Miestamo, 2005) и используемой нами. В случае с перфективными причастиями, как видно из таблицы 1, нескольким утвердительным формам соответствует одна универсальная отрицательная форма. Таким образом, мы постулируем асимметрию типа A/Cat/TAM/Neutr, то есть нейтрализацию видовременных различий при отрицании. В данной работе мы подробнее остановимся на второй группе неотрицаемых причастий.

4. Отрицание в парадигме форм возможности

В случае форм с показателями, заканчивающимися на *-A:r*, невозможность присоединения суффикса *-gni*, судя по всему, имеет морфологическое объяснение, связанное с особенностями множественного падежного маркирования. В именной морфологии суффикс *-gni*, имеющий там функцию каритива, и показатель комитатива *-tAi*, могут сочетаться с некоторыми другими падежными суффиксами внутри одной словоформы, но при этом всегда располагаются слева от них:

(6) *darima gər-təi-gə:r-ə: omogorxo-dog*
 Дарима дом-COM-INSTR-REFL гордиться-HAB
 ‘Дарима гордится своим домом.’

(7) *dugar gər-gni-d-ə: uidxar-dag*
 Дугар дом-NEG-DAT-REFL страдать-HAB
 ‘Дугар страдает из-за отсутствия у него (такого) дома.’

Таким образом, при отрицании причастий такой порядок морфем, как в (8b), оказывается неграмматичным. Разрывать слившийся причастный показатель оказывается тоже запрещено (8с).

(8) а. *ənə səsəg bəlsəglə-x-ə:r*
 этот цветок.ACC дарить-FUT-INSTR
 ‘Этот цветок можно подарить.’

b. **ɔnɔ sɔsɔg bɔlɔglɔ-x-ɔ:r-gui*
 этот цветок.ACC дарить-FUT-INSTR-NEG
 Ожидаемое значение: ‘Этот цветок нельзя подарить.’

c. **ɔnɔ sɔsɔg bɔlɔglɔ-xɔ-gui-gɔ:r*
 этот цветок.ACC дарить-FUT-INSTR-NEG
 Ожидаемое значение: ‘Этот цветок нельзя подарить.’

Форма на *-x-A:r* допускает вставление отрицания перед показателем инструменталиса (9), однако получающаяся форма является не причастием, а номинализацией от отрицания причастия будущего времени. Она имеет стандартную для форм, образованных показателем инструменталиса, дистрибуцию нефинитного глагольного модификатора, что объясняет неграмматичность (8с).

(9) *fam-da bi buli-gda-xa-gui-gɔ:r xara-gda-na-b*
 2SG-DAT 1SG победить-PASS-NEG-INSTR видеть-PASS-PRS-1
 ‘Тебе кажется, что меня не победят.’

Отрицание причастий возможности может быть выражено с помощью не имеющей утвердительного аналога (10) формы невозможности с показателем *-fA-gui*:

(10) *nom unfa-fa-gui*
 книга читать-SHA-NEG
 ‘Книга нечитаема.’

**nom unfa-fa(-tai)*
 книга читать-SHA(-COM)
 Ожидаемое значение: ‘Книгу можно читать.’

В монгольском языке имеется соответствующая утвердительная форма (11), видимо, утраченная в бурятском вследствие конкуренции с причастиями возможности, образованными продуктивным суффиксом инструменталиса.

(11) монгольский (Janhunee, 2012, 173, 182)
 a. *oo-xo* b. *oo-sh-tai* c. *oo-sh=gwai*
 ‘пить’ ‘пригодное для питья’ ‘непригодное для питья’

Отметим, что форма на *-fA-gui* не является симметричным супплетивным коррелятом причастий возможности ни синтаксически, ни семантически. С точки зрения синтаксиса она не коррелирует с ними потому, что может употребляться только финитно (12), не допуская ожидаемых от причастия употреблений в атрибутивной позиции (13), хотя это, похоже, недавно утраченная возможность:

- (12) **dugar* *əd'ə:l-ʃə-gui* *ʃulə* *xara-na*
 Дугар есть-SHA-NEG суп. ACC видеть-PRS
 Ожидаемое значение: 'Дугар видит несъедобный суп.'
- (13) *bato nom unfa-x-a:r* *basaga* *xara-na*
 Бато книга. ACC читать-FUT-INSTR девочка. ACC смотреть-PRS
 'Бато видит девочку, которая может прочитать книгу.'
- (14) *sonom gər ʃɪrdə-x-ə:r*
 Соном дом-ACC красить-FUT-INSTR
 'Соном может покрасить дом.'
- (15) *bato*(-da) ʃulə-n ədi-ʃə-gui*
 Бато*(-DAT) суп-NOM есть-SHA-NEG
 'Суп был несъедобным для Бато.'

5. Заключение

Итак, неграмматичность конкретных отрицательных форм имеет различные причины, вследствие чего в парадигме причастий баргузинского диалекта совмещаются разные типы асимметрии. Как было показано в таблице 1, для отрицания перфективных причастий используется универсальная отрицательная форма *-A:-gui*, то есть происходит нейтрализация некоторых форм TAM (мы предполагаем, что она имеет семантические и прагматические основания).

Что касается рассмотренных в данной работе форм на *-A:r*, мы показали, что наличие морфологического ограничения на порядок следования морфем исключает возможность их симметричного отображения в отрицательную парадигму и обуславливает независимое формирование последней. Таким образом, в случае с причастиями возможности и невозможности мы постулируем наличие двух систем видовременных форм, не связанных в синхронии (как, по всей видимости, и в диахронии), то есть асимметрию типа A/Cat/TAM/DiffSys (Asymmetry/Categories/TAM/Different systems) по классификации (Miestamo, 2005).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ACC — аккузатив; COM — комитатив; CONT — континуатив; DAT — датив; FUT — будущее время; HAB — хабитуалис; INSTR — инструменталис; IRR — ирреалис; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NOT — отрицание составляющих; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; PFCT — перфект; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PSB — причастие возможности; PST — прошедшее время (карук); PRT1 — первое прошедшее время (бурятский); REFL — рефлексив; SG — единственное число; SHA — морфема *-ʃa-*.

Литература

- Плунгян В. А. (2011) Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с. [Plungian V. A. Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: Grammaticheskie znachenii i grammaticheskie sistemy iazykov mira. M.: RGGU, 2011. 672 s.]
- Aikhenvald A., Dixon R. M. V. (1998) Dependencies between grammatical systems. *Language* 74: 56–80.
- Bright W. (1957) *The Karok Language*. (University of California Publications in Linguistics 13.) Berkeley: University of California Press.
- Capell A., Hinch H. E. (1970) *Maung Grammar*. (*Janua Linguarum, Series Practica* 98.) The Hague: Mouton.
- Janhunen J. A. (2012). *Mongolian*. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Co.
- Miestamo M. (2005). *Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Payne J. R. (1985) Negation // Timothy Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. I. *Clause Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 197–242.

О консонантизме амгуэмского говора чукотского языка*

Инна Арнольдовна Зибер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
innasieber@gmail.com

Лингвисту-типологу часто приходится иметь дело не с первичными полевыми данными, а с описаниями, которые были сделаны другими исследователями. В случаях, когда источников мало, единственное, что остаётся лингвисту — это принять на веру те или иные утверждения, используя интуицию и знания об устройстве языковых систем. Особенно трудно даётся это решение в случае вымирающих языков, данные которых совсем скоро будет невозможно получить и проверить. В настоящей статье предлагается краткий обзор имеющихся сведений по консонантизму чукотского языка с особым вниманием к территориальной и гендерной вариативности, а также подробнее рассматриваются наиболее спорные фрагменты системы согласных, при этом привлекаются новейшие полевые данные из села Амгуэма Иультинского района Чукотского автономного округа. Статья обращена к специалистам по фонетической типологии, которые хотели бы использовать данные чукотского языка, к полевым лингвистам и всем исследователям отдельных языков и языковых семей Сибири и Дальнего Востока.

1. Чукотский язык и типологические особенности чукотского консонантизма

Чукотский (луораветланский) язык относится к чукотско-корякским языкам (традиционно — чукотско-камчатская семья); его носители — чукчи, живущие на Чукотке и в Нижнеколымском районе Якутии. По данным переписи 2010 года, чукчей на территории России насчитывается чуть менее 16 тысяч; в настоящее время им владеет около пяти тысяч человек.

Созданы три полноценных описания языка: (Bogoras 1922), академическая двухтомная грамматика (Скорик 1961), а также (Dunn 1999);

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№17-05-0043) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100». Автор выражает признательность всему коллективу чукотской экспедиции ВШЭ и МГУ под руководством О.С. Волкова и И.А. Стенина, а также Я. Ли Монке, без которой эта статья никогда не была бы написана.

по отдельным аспектам, в том числе и фонетической системы, имеются специальные работы, также многие исследования посвящены сопоставлению чукотско-корякских и чукотско-камчатских языков. Литературная норма сформирована на основе мужского варианта восточного (уэленского) говора, описанного в (Скорик 1961); тем не менее, в (Dunn 1999: 23) утверждается, что этот идиом создан искусственно и не соотносится с данными живой речи чукчей.

Консонантная система чукотского языка включает четырнадцать единиц шести мест образования. Инвентарь, присущий амгуэмскому говору, представлен в таблице 1.

Таблица 1. Консонантный инвентарь амгуэмского говора
(в соответствии с МФА; слева глухие согласные, справа — звонкие)

		Губные	Альвео- лярные	Палаталь- ные	Велярные	Увулярные	Гортанные
Шумные	Взрывные	p	t		k	q	ʔ
	Фрикативные		t̪ s				
Сонорные	Носовые	m	n		ŋ		
	Аппроксиманты	w		j	ç		
	Вибранты		r				

Все звонкие согласные в чукотском языке сонорные, все глухие — шумные, таким образом, фонационные противопоставления привязаны к классам более высокого уровня. Контрасты по дополнительным артикуляциям в чукотском отсутствуют.

По данным «Онлайн атласа языковых структур» (WALS 2013), составленного на взвешенной выборке из нескольких сотен языков мира, чукотский консонантный инвентарь относится к малым инвентарям с числом согласных от шести до четырнадцати (таких языков 16%). Хотя малым консонантным инвентарям свойственны простые артикуляции (Lindblom, Maddieson 1988), в чукотском имеются и более сложные, требующие дополнительного произносительного усилия: увулярный согласный, велярный аппроксимант, палатализованный глухой латерал. Некоторые из них являются типологически редкими. Увулярные согласные имеют лишь 17% языков, а увулярный взрывной при отсутствии фрикативного — 15% языков (38 из 567). Хотя бы одним шумным латералом располагают всего 9,5% языков, и только в 1% языков (8 из 567 языков выборки) единственный латеральный в системе является шумным. Кроме того, чукотское соотношение сонорных и шумных 1:1 не подтверждает универсалию, в соответствии с которой сонорные составляют от четверти до трети от общего числа согласных (Lindblom, Maddieson 1988).

2. Гендерные и территориальные диалекты

Когда речь заходит о гендерных вариантах языка, чукотский язык всегда приводится в качестве классического примера. Эта яркая особенность чукотского в литературе иногда называется «мужским» и «женским» произношением. Различия существуют на лексическом и фонетическом уровнях. На уровне фонетики они создаются:

1) качеством единственного сибиланта (в целом исследователи склонны характеризовать «мужской» сибилант как шипящую аффрикату или шипящий фрикативный, а «женский» сибилант — как свистящую аффрикату),

2) «чередованием» /r/~/ts/,

3) возможно, выпадением согласных в интервокальном положении (описано только в (Bogoras 1922: 665) и другими исследованиями не подтверждалось (Dunn 1999: 26–31)).

«Чередование» согласных можно проиллюстрировать следующими примерами из (Dunn 1999: 27) и (Скорик 1961: 33) (таблица 2):

Таблица 2. Некоторые слова чукотского языка, различно и одинаково звучащие в речи мужчин и женщин (в произношении южного диалекта (Dunn 1999))

Перевод	Есть чередование		Нет чередования	
	‘комар’	‘морж’	‘чайник’	‘олень’
Женский чукотский	mtsɛn	tsətstsə	tsajkok	qoɣaŋə
Мужской чукотский	mɾɛn	rərəkə	sajkok	qoɣaŋə

В самой новой из существующих грамматик работе (Dunn 1999), а также статьях (Dunn 2000; 2014), посвящённых гендерным диалектам, показано, что на синхронном уровне указанные фонетические соотношения непредсказуемы и обусловлены тем, что в мужском и женском чукотском дали разные рефлексы прачукотско-корякские фонемы *s, *r и *δ: фонема *δ перешла в /r/ в мужском чукотском и в /ts/ в женском, слившись в них с рефлексами *r и *s соответственно (Dunn 2000; 2014).

Несмотря на то что в основных описаниях чукотского языка постулируется существование гендерных диалектов, это разделение, по всей видимости, сохранилось не на всей территории его распространения. Так, в говоре села Амгуэма, по всей видимости, и женщины, и мужчины придерживаются «мужского» произношения. Если женский диалект в говоре и сохранился, то в небольшом числе ситуаций, когда выбор варианта языка зависит от ряда неизученных факторов, и в отдельных речевых жанрах, доступ к которым исследователей, находящихся вне языкового сообщества, крайне затруднён.

Что касается территориальных вариантов чукотского языка, распространённого на обширной территории в соседстве с другими языками, то в литературе неоднократно отмечалось, что различия между ними незначительны (Bogoras 1922; Володин, Скорик 1997; Dunn 1999), выделение диалектов вызывает трудности (Скорик 1961) или даже вовсе о диалектах говорить не приходится (Bogoras 1922). Выделялись разные диалекты, говоры и группы говоров, при этом их границы не уточня-

лись, а названия вносили дополнительную путаницу. Попытка уточнить диалектное членение чукотского языка была предпринята в (Пупынина 2013). На основании полевых материалов и данных об ареалах чукотских кочевий были выделены некоторые «этнические и, возможно, лингвистические общности»: «анадырская», хатырско-ваежская, чаунская, илирнейская, нижнеколымская и, возможно, омонская (Пупынина 2013: 258). На основе чисто лингвистических данных исследовательница выделяет ярко выраженные хатырский (возможно, хатыро-ваежский — это юг ареала) и колымский (запад ареала) говоры (Пупынина 2013: 251).

Понять, какие черты характерны для тех или иных говоров чукотского языка на уровне фонетики, из существующих описаний чрезвычайно трудно. П.Я. Скорик описывает восточный диалект, идиом жителей с. Уэлен, а М. Данн — южный диалект, «телькепский», идиом чукчей, живущих на юге Анадырского района Чукотского АО по реке Великой. Остальные же авторы вовсе не указывают диалектную отнесённость данных и отдельных наблюдений либо указывают её максимально широко. Кроме того, материалы В.Г. Богораза были собраны в конце XIX века, П.Я. Скорика — в середине XX века, А.С. Асиновского — в 80-е годы и т. д. Нет сомнений, что такими разнородными данными необходимо пользоваться с большой осторожностью.

3. Противоречия описаний и полевые данные

По поводу одних фрагментов чукотской фонетической системы исследователи единодушны или почти единодушны, тогда как другие описываются ими различно. Для системы из 14 согласных качество одной или двух единиц играет очень важную системную роль, и потому множественные интерпретации необходимо принимать во внимание типологу, пользующемуся описаниями. Такими спорными единицами являются в чукотском консонантизме прежде всего сибилант(ы), аппроксиманты (губной и веллярный), вибрант и гортанная смычка. Функции и реализации последней тесно связаны со слоговой структурой и потому не будут рассматриваться в рамках данной статьи.

3.1. Сибилант

Единственный сибилант во всех задокументированных чукотских говорах различно произносится в речи мужчин и женщин. В мужском произношении он описывается то как альвеолярный, палатализованный или сильно палатализованный альвеолярный (Bogoras 1922), то как палатализованный апикальный постальвеолярный, подобно русскому [ч'] (Асиновский 2003), то как ламинальный постальвеолярный, то как (ламинальный) альвеопалатальный или палатальный, то как произносимый несколькими упомянутыми способами в свободном варьировании или том или ином распределении (Скорик 1961; Муравьёва 1976; Dunn 1999 и др.) Женское произношение в большинстве источников игнорируется, а если упоминается, то также неодинаковым образом: неясно, является ли согласный альвеолярным непалатализованным (Bogoras 1922; Dunn 1999),

палатализованным (Скорик 1961), палатальным (Богораз 1934) или же реализуется по-разному в разных контекстах.

В говоре села Амгуэма сибиллянт независимо от фонетической позиции произносится всеми носителями как непалатализованный альвеолярный фрикативный [s]. При своей безусловной узнаваемости и сопоставимости с аналогично обозначаемыми звуками других языков чукотский [s] характеризуется значительной акустической вариативностью даже в одной и той же фонетической и фразовой позиции в речи разных носителей и даже одного и того же носителя. Некоторые произнесения характеризуются «плоским» спектром вовсе без отчётливых пиков, некоторые имеют ярко выраженный первый пик, фиксируемый на широком промежутке частот от 5 кГц до 9 кГц. Для языков типа русского с несколькими противопоставленными рядами сибиллянтов такая картина кажется невероятной, хотя и в них вариативность сибиллянтов высока (Мороз, Зибер 2017).

3.2. Аппроксиманты

Богатый инвентарь аппроксимантов является важной типологической особенностью чукотского консонантизма. Таких единиц три: /w/, /j/, /ц/. В соответствии с общей тенденцией чукотской фонетической системы к оглушению единиц и их последовательностей, регулярному оглушению в соседстве с шумными согласными (особенно фрикативными) подвергаются не только аппроксиманты, но и гласные. Аппроксиманты в таких случаях теряют основной тон и формантную структуру на всей протяжённости, приобретают фрикативный шум. Это давало основания некоторым исследователям считать чукотские аппроксиманты шумными щелевыми. Применительно к амгуэмскому говору мы без колебаний помещаем их в подсистему сонорных, поскольку, во-первых, упомянутые явления являются частью общей тенденции к оглушению, а во-вторых, в значительном числе случаев эти единицы всё же остаются типичными аппроксимантами с выраженной формантной структурой и без фрикативного шума.

Однако вариативность реализаций аппроксимантов различается для разных мест образования. Это хорошо видно на спектрограммах записей, сделанных в с. Амгуэма. У /j/ оглушённые реализации почти не наблюдаются. В случае /w/ можно выделить две основные реализации. Звонкая полугласная отличается от гласного /u/ падением общей интенсивности и ослаблением верхних формант (/nəsʔuwqin/ ‘узкий’). Шумная глухая, чаще всего оглушённая под влиянием соседнего фрикативного, имеет равномерный фрикативный шум без выраженных максимумов, а основной тон малоинтенсивен и присутствует только в первой трети согласного, формантная структура при этом отсутствует (/aʔwɑŋqas/ ‘в другой стороне’). Реализации велярного аппроксиманта /ц/ более разнообразны. Кроме полугласной реализации и слабоинтенсивной

оглушённой, как у /w/ (/selçatək/ ‘краснеть’), имеет место целый спектр вариантов, в том числе очень шумный звонкий согласный, подобный южнорусскому /ɣ/, зафиксированный в позиции перед гортанной смычкой (/qəsiɲɯʁkən/ ‘думай’). Кроме того, в соседстве с лабиализованными гласными /ɯ/ может лабиализоваться так сильно, что становится неотличим от /w/, с которым схож акустически.

3.3. Вибрант

В интерпретации чукотского вибранта существуют разногласия. Так, в (Dunn 1999: 43) он обозначается как одноударный во всех позициях, из описания в (Скорик 1961: 30) следует, что он не бывает одноударным вовсе. Разные позиции описываются как более или менее вероятные для тех или иных реализаций (см. таблицу 3).

Таблица 3. Реализации чукотского вибранта по данным описаний (Скорик 1961; Dunn 1999; Асиновский 2003). В скобки взяты случаи, когда исследователь описывает позицию более подробно, чем предполагает таблица

	Начальная	Интервокальная	Приконсонантная	Конечная
Двуударный		Асиновский Скорик	Асиновский	Асиновский Скорик
Одноударный	Dunn	Dunn Асиновский	Dunn	Dunn
Фрикативный	(Асиновский) Скорик	Асиновский	(Асиновский) Скорик	

В амгуэмском говоре между реализациями /ɾ/ отсутствуют чёткие границы; это скорее континуум, чем перечень. Очень сильна вариативность способа образования между говорящими и в речи одного говорящего. Вибрант в идиоме может реализоваться и как многоударный, и как одноударный, и как фрикативный. Кроме того, фиксируются одноударные произнесения двух типов: «flap» (ср. *t* в ам. англ. *letter*) и «tap» (ср. *r* в исп. *caro*) по классификации (Ladefoged 1968), которые в работах по чукотскому языку не дифференцируются. Хотя строгого соответствия позиции выявить не удаётся, можно наметить отдельные закономерности: в соседстве с велярным и увулярным вибрانت часто реализуется как фрикативный (/geʁəkən?/ ‘что он(а) делает?’, /tərkə/ ‘морж’); одноударный типа «tap», как кажется, регулярно появляется после носовых согласных (/mɾen/ ‘комар’; /nenəʁənɾəqen/ ‘она угощала’ и под.) Как это бывает и в других языках, и в патологической русской речи, одноударный типа «tap» на конце слова с увеличением длительности смычки может переходить в смычный взрывной близкого места образования, который схож с ним произносительно и акустически. Возможно, в этом кроется одна из причин того, что в источниках по чукотскому языку описывается как свободное варьирование конечных /ɾ/ и /t/ (/iyəɾ/~iyət/ ‘сейчас’; /ʌur/~ʌut/ ‘вдруг’; /janɔɾ/~janot/ ‘первый’).

4. Заключение

Многие аспекты фонетической системы чукотского языка описаны неполно или не описаны вовсе. Среди них ударение, интонация, свойства отдельных сегментов и их взаимодействия. Диалектное членение и сохранность гендерных диалектов по-прежнему неясны. Критический взгляд на существующие описания и предварительные трактовки полевых данных, кратко представленные в настоящей статье — только начало пути к полноценному фонетическому описанию идиома, которое необходимо сделать в самое ближайшее время с использованием последних достижений фонетической науки.

Литература

- Асиновский А.С. (2003) Сопоставительная фонетика чукотско-камчатских языков: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02: Санкт-Петербург.
- Богораз В.Г. (1934) Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов севера. Часть 3. Языки и письменность палеоазиатских народов. М.—Л.
- Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. Таблицы 6, 8, 22 (www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, дата обращения: 04.06.2017).
- Мороз Г.А., Зибер И.А. (2017) К типологии систем сибилантов: параметры вариативности [s]. Доклад на Четырнадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. (Санкт-Петербург, 23—26 ноября 2017 г.).
- Муравьева И.А. (1979) Сопоставительное исследование морфонологии чукотского, корякского и алutorского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21, 10.02.20: Москва.
- Пупынина М.Ю. (2013) Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Н.Н. Казанский (Ред.). Т. IX. Ч. 3. СПб.: Наука.
- Скорик П.Я. (1961) Грамматика чукотского языка. Часть первая. Фонетика и морфология именных частей речи. М., Л.
- Bogoras, W. (1922) Chukchee // Boas, Franz (ed.), Handbook of American Indian Languages 2. P. 631—903.
- Dunn, M. (1999) A Grammar of Chukchi. Ph.D. diss. Canberra: Australian National University.
- Dunn, M. (2000) Chukchi Women's Language: A Historical-Comparative Perspective. Anthropological Linguistics 42 (3). P. 305—328.
- Dunn, M. (2014) Gender Determined Dialect Variation // G.G. Corbett (Ed.), The Expression of Gender. P. 39—68.
- Ladefoged, P. (1968) A Phonetic Study of West African Languages. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lindblom, B., Maddieson, I. (1988) Phonetic Universals in Consonant Systems // Li, C., Hyman, L. M. (eds.), Language, Speech and Mind. P. 62—78. London: Routledge.
- Maddieson, I. (2013) Consonant Inventories // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology (<http://wals.info/chapter/1>, accessed on 15.09.2017).

Номинализованные предикатные комплексы в салишском языке кёр-д'ален в синхронно-диахронном аспекте

Ольга Николаевна Иконникова
Ростовский институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования
iconolga@mail.ru

Салишская языковая семья насчитывает 23 языка, на которых говорят или говорили на северо-западе Америки (северо-запад США и юго-запад Канады). Большинство языков находятся под угрозой или на грани исчезновения, некоторые языки являются вымершими. Салишские языки — недостаточно описанные и исследованные языки по сравнению с индоевропейскими языками.

Салишский язык кёр-д'ален (Coeur'd Alene), относящийся к внутренне-салишской ветви и распространенный в резервации Кёр-д'Ален на севере штата Айдахо в США, находится на грани исчезновения. Количество носителей — от 2 до 4 человек в возрасте от 70 до 100 лет в резервации кёр-д'ален на севере штата Айдахо США.

Кёр-д'ален является проблемным в плане частеречной дифференциации и выделения субстантивной лексики, что обуславливает ценность текстов этого вымирающего языка и актуальность их анализа в синхронно-диахронном аспекте.

Материалом исследования послужили 12 текстов на языке кёр-д'ален 'Tales with Historical Elements', составленные по результатам полевых исследований салишиста Г. Рейчард (Reichard's Coeur d'Alene Texts. Tales with Historical Elements).

Примеры в данной статье приведены согласно поморфемному анализу и переводу текстов, представленных на сайте [Ivydoak.com/Coeur d'Alene/Reichard Coeur d'Alene Texts.htm](http://Ivydoak.com/Coeur%20d%27Alene/Reichard%20Coeur%20d%27Alene%20Texts.htm) (Reichard's Coeur d'Alene Texts. Tales with Historical Elements). Перевод примеров приводится на английском языке.

Предмет исследования — номинализованные предикатные комплексы в синхронно-диахронном аспекте.

Типичными частотными случаями формирующегося процесса номинализации в салишских языках является оформление корня или основы с показателем валентности с помощью номинализатора *s-* в субстантивную форму, при этом частотны случаи прикрепления также и лексического суффикса, например:

- (1) a. *s-g^wel-p* b. *s-x^we-it-k^we7*
 NMLZ-burn-NVOL NMLZ-hurry-CONN-water
 ‘fire’ ‘rapids’

Однако в текстах наблюдаются случаи номинализации с помощью субстантиватора *s-* целого предикатного комплекса, содержащего предикатные клитики, основы. В отличие от типичной семантики субстантивов (конкретный объект, сущность и т.п.), семантика номинализованного предикативного комплекса — это факты, состояния, восприятие события как единицы, факта (см. примеры (2), (3), (5), (6), (7), (10), (13), (14), (15)). При этом дифференцируется также одно из значений номинализованного комплекса — акцентирование на отсутствующем субъекте действия (см. примеры (3), (4), (8), (9), (11), (12)).

- (2) *s-ʔel-min-t-sut-s*
 NMLZ-move.body-REL-TR-REFL-3SG
 he moved (he did not even move) ‘he died’

В вышеприведенном примере номинализация предикативного комплекса обозначает ситуацию как статичную, т.е. субъект вместо движения находится в состоянии покоя, т.е. умирает.

- (3) *k^wum ʔek^wh he s-milyem hoy*
 and say SPEC NMLZ-woman stop
češ-n-t-sel čel s-tew-s-laq-m-et
 accompany-DIR-TR-1ACC FUT NMLZ-MUT-NMLZ-see-MDL-1PL.GEN
 ‘And she said his wife: then come with me, we will search for him.’

В вышеприведенном примере номинализация предикативного комплекса обозначает ситуацию как факт с фокусированием на отсутствии субъекта в ситуации (который недавно присутствовал в ситуации).

- (4) *lut he s-niʔ-ciʔ-s*
 NEG SPEC NMLZ-amid-there-3SG
 ‘He did not go among them.’

В вышеприведенном примере показана номинализация предикативного комплекса с фокусированием на отсутствии субъекта в ситуации (который недавно присутствовал в ситуации, букв. «он не среди них там»).

- (5) *s-lim-t-s*
 NMLZ-glad-STAT-3SG
 ‘he was glad’

Вышеприведенный пример демонстрирует номинализацию предикативного комплекса с целью восприятия ситуации как факта, букв. «он был радостным», «испытывал чувство радости».

- (6) *lut he s-ʔečín-mš*
 NEG SPEC NMLZ-do.harm-INTR
 'it did not harm'

В вышеприведенном примере показана номинализация предикативного комплекса с целью восприятия ситуации как факта, а именно отсутствия вреда, букв. «от этого не будет вреда».

- (7) *ʔekʷun le nuneʔ-s lut*
 say DET mother-3SG NEG
čn ʔepl s-gʷič ʔe s-laq
 1NOM have NMLZ-see OBL NMLZ-seviceberry
 'She said her mother: no I have seen serviceberries.'

Вышеприведенный пример демонстрирует номинализацию предикативного комплекса с целью восприятия ситуации как факта (того, что субъект не видел).

- (8) *s-xʷuy-n-t-m xʷiʔ yč-ʔitš*
 NMLZ-go-DIR-TR-NTOP.ERG PROX CONT-sleep
 'They were to be approached here sleeping.' (because they were surfeited with grease and they were killed this Kalispelm)

Вышеприведенный пример демонстрирует номинализацию предикативного комплекса с указанием на отсутствующих субъектов, к которым нужно приблизиться (приближение к спящим субъектам).

- (9) *neʔkʷu-m-hi s-hn-xʷuy-min-m*
 think-MDL-1SG NMLZ-LOC-go-REL-MDL
 'He thought now I will follow.'

В вышеприведенном примере показана номинализация предикативного комплекса с фокусированием на отсутствии субъекта в ситуации (за которым нужно последовать).

- (10) *ciʔ-l kʷum ʔekʷun-stu-m čel kʷu*
 PROX-CONN and say-CAUS.TR-NTOP.ERG FUT 2NOM
yč-xʷel xʷəl-CVC-t
 CONT-live-AUG-STAT
lut he če s-pulut-stu-met
 NEG SPEC FUT NMLZ-kill-CAUS.TR-1PL.ERG
 'There then he was told: you are to live, we will not kill you.' (our killing you)

Вышеприведенный пример показывает номинализацию предикативного комплекса с целью восприятия ситуации как факта (букв. «наше убивание тебя»).

- (11) *s-nič-m le čes-t tel ě*
 NMLZ-goal-MDL DET bad-STAT from 1PL.NOM
 ‘You are to drive away the bad from us.’ (you are to help us from temptation — in religious ceremonies)

В вышеприведенном примере показана номинализация предикативного комплекса с фокусированием на отсутствии объекта в ситуации (который потенциально может присутствовать).

- (12) *lut e 7u s-g^{wi}č-t hn-k^{wi}7c*
 NEG SPEC STAT NMLZ-see-STAT LOC-night
 ‘He did not find it and it became night.’

Вышеприведенный пример демонстрирует номинализацию предикативного комплекса с фокусированием на отсутствии субъекта в ситуации (который недавно присутствовал в ситуации).

- (13) *s-te7-7ek^{wu}un yc-mey-stu-n*
 NMLZ-SEQ-say CONT-know-CAUS.TRANS-1ERG
 ‘She answered: I don’t know.’

Вышеприведенный пример демонстрирует номинализацию предикативного комплекса с целью восприятия ситуации как факта, а именно ответа на вопрос.

- (14) *lut he čel s-t-qi-ilg^{wes}-min-t-si-it*
 no SPEC FUT NMLZ-LOC-grasp-heart-REL-TR-2ACC-NTOP.ERG
x^we ne7 pinč k^{wu} 7ec-7axil-es
 DET IRR always 2NOM CUST-do.thus-COND
 ‘Noone will care for you if always you do thus (you are like that) (one who does thus).’

Вышеприведенный пример показывает номинализацию предикативного комплекса с целью восприятия ситуации как факта отсутствия заботы о субъекте в будущем.

- (15) *7ul x^{wu}uy-lš čic-te-x^wel-CVC-t-i*
 again go-PL CISL-SEQ-alive-AUG-STAT-EXAG
x^{wi}ye pipe7-s 7eynił ne7k^{wu}un-m-lš
 PROX father-3SG because think-MDL-3PL
he7 tax^w-C2 k^{wu}m x^{wi}ye
 IRR stop-NCONTR and PROX

s-hn-cem-CVC-p-us

NMLZ-LOC-dark-AUG-NVOL-eye

‘They came back, he was still alive this his father because they thought he was dead but he was only stunned.’

В вышеприведенном примере показана номинализация предикативного комплекса с целью восприятия ситуации как факта, а именно: факт оглушения (букв. «здесь темнота в глазах»).

Подобные случаи функционирования номинализованных предикатных комплексов наблюдаются также в языке сквамиш, халкомелем и других салишских языках.

Одна из ярких прагматических черт номинализации предикативных комплексов в сквамиш — это дистантное расположение номинализатора *s-* от основы [Nakayama 1991]. Подобной прагматики мы не наблюдаем в языке кёр-д'ален, синхрония которого свидетельствует о контактной позиции номинализатора *s-* по отношению к основе, за исключением случаев расположения локативной частицы между субстантиватором и основой. При этом предикативные клитики располагаются в постпозиции по отношению к основе.

В языке халкомелем также наблюдаются случаи клаузуальной (синтаксической) номинализации, в отличие от лексической номинализации, при которой субстантиватор *s-* присоединяется к корню или основе [Thompson, 2012]. Примечателен тот факт, что Д. Якобс на материале салишского языка сквамиш и Д. Кинкейд на материале чехалис относят номинализатор *s-* к аспектуальному показателю стативности, признавая при этом его синтаксическую функцию номинализации процессуальных основ [Mithun 1990]. В случае же номинализованных придаточных предложений, по мнению Д. Якобс, *s-* принимает на себя функцию клаузуальной проклитики [Jacobs, 2011]. Подобной точки зрения придерживаются и Д. Томпсон, У. Сатлз, полагая, что номинализованные предикаты в языке халкомелем являются придаточными предложениями, вводимыми номинализатором *s-*, выполняющего функцию относительного местоимения [Thompson 2012, 133], клаузуальной частицы [Suttles, 2004, 29].

Таким образом, анализ текстового материала кёр-д'ален наводит нас на предположение о том, что в диахронии первоначально *s-* выполняла функцию клаузуальной проклитики и субстантивные значения передавались посредством придаточных предложений. Позднее с развитием языка микроколлектива потребовалась не только рематическая, но и тематическая часть высказывания, что обусловило появление продуктивной синтаксической функции номинализации с помощью префикса *s-* для формирования субстантивной лексики.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; 7 — гортанная смычка; ACC — аккузатив; APPL — аппликатив; AUG — аугментатив; BEN — бенефактив; C — согласный; CAUS — каузатив; CISL — цислокатив; CLF — классификатор; COND — кондиционалис; CONN — коннектив; CONT — континуатив; CONTR — контролирующий агенс; CUST — статив; DET — детерминант; DIM — диминутив; DIR — директив; DUR — дуратив; ERG — эргатив; EXAG — преувеличение; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив;

INSTR — инструменталис; INTR — интранзитив; IRR — ирреалис; LOC — локатив; MDL — средний залог; MUT — мутатив; N — не (например, NVOL — неволитивный); NEG — отрицание; NMLZ — номинализатор; NOM — номинатив; OBJ — объект; OBL — обликвус; PL — множественное число; POSS — поссессив; PROX — проксиматив; RECP — реципрок; REL — релятив; RES — результатив; RFLX — рефлексив; SEQ — секвентив; SG — единственное число; SPEC — спецификатор; STAT — статив; TOP — топик; TR — транзитив; V — гласный; VOL — волитив.

Литература

- Jacobs D. (2011) Control in Skwxwu7mesh: a thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of PhD in Linguistics, Vancouver.
- Mithun M. (1990) Studies of North American languages. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nakayama T. (1991) On the Position of the Nominalizer in Squamish // Proceedings of the International Conference on Salishan and Neighboring Languages 18. P. 293-300.
- Reichard's Coeur d'Alene Texts. Tales with Historical Elements ([Ivydoak.com/Coeur d'Alene/ReichardTexts.htm](http://Ivydoak.com/Coeur_d'Alene/ReichardTexts.htm)). Просмотрено: 20.10.2017.
- Suttles W. (2004) Musqueam Reference Grammar. Vancouver: UBC Press.
- Thompson J. (2012) Syntactic Nominalisation in Halkomelem Salish: a thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of PhD in Linguistics. Vancouver.

**Всё =ok:
о семантике одной горномарийской энклитики***

Егор Владимирович Кашкин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
egorkashkin@rambler.ru

Мария Александровна Сидорова
МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН
b.originative@gmail.com

Дарья Дмитриевна Мордашова
МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН
mordashova.d@yandex.ru

Анастасия Ринатовна Гарейшина
независимый исследователь
a.r.gare@yandex.ru

Илья Константинович Учитель
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ilja-uchitel@yandex.ru

1. Предмет исследования

В работе рассматривается семантика энклитики =ok и некоторые аспекты ее синтаксиса в восточных горномарийских говорах. Обсуждается ее семантический инвариант и особенности его взаимодействия с семантикой ряда конструкций. Данные собраны в экспедициях ОТиПЛ МГУ в 2016-2017 гг. в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и окрестностях (см. подробнее <http://hillmari-exp.tilda.ws/>). Использован метод анкетирования информантов, а также корпус расшифрованных устных текстов (38670 словоупотреблений, 346 вхождений =ok). Ранее свойства =ok наиболее детально рассматривались в (Saarinen, 1986). Текущему исследованию этой энклитики на материале западных горномарийских говоров (с. Микряково и окрестности) посвящена работа (Козлов, 2017). Детальное сопоставление с выводами других авторов не приводится по соображениям объема.

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

2. Семантический инвариант

Энклитика *=ok*, согласно нашему анализу, имеет семантический инвариант — эмфатическое утверждение идентичности (emphatic assertion of identity по (König, 1991)). Это значение предполагает фокус на совпадении двух элементов ситуации либо на отождествлении ситуации с некоторой схемой (см. также (Добровольский, Левонтина, 2012)). Так, в (1b) по сравнению с (1a) *=ok* вносит четкое указание на совпадение момента времени, в который говорящий хотел бы получить деньги, с моментом времени, называемым наречием *käzät* ‘сейчас’. В (2) *=ok* акцентирует совпадение сред, в которых преобразуются пациенты двух ситуаций. Кроме того, *=ok* используется в тавтологических конструкциях (3), сравнительных конструкциях, коррелятивах, а также с лексемами *tenge* ‘так’, *texen* ‘такой’. Многие примеры с *=ok* содержат контрастивную семантику, однако она может и отсутствовать, см. в частности примеры ниже.

(1) a. *mäläm* *käzät* *oksa-m* *pu-ø=aj.*
я.DAT.1SG сейчас деньги-ACC давать-IMP.2SG=POL
‘Дай мне денег сейчас (не обязательно сию секунду, можно позже в течение дня).’

b. *mäläm* *käzät=ok* *oksa-m* *pu-ø=aj.*
я.DAT.1SG сейчас=OK деньги-ACC давать-IMP.2SG=POL
‘Дай мне денег срочно сейчас.’

(2) *tä* *cānga-vlä-m* *patkagâl'* *šol-t-âmâ*
тот лепешка-PL-ACC пирог кипеть-CAUS-PTCP.PASS/NMLZ
väd-eš=ok *šol-t-en* *lâkt-ât.*
вода-LAT=OK кипеть-CAUS-CVB извлекать-NPST.3PL
‘Эти лепешки варят в той же воде, в которой варили пирожки.’

(3) *mükš* *mükš=ok* *âl-eš.*
пчела пчела=OK быть-NPST.3SG
‘Пчела есть пчела.’

Энклитика *=ok* не используется в ИГ, не задающих референта, с которым мог бы быть сопоставлен элемент ситуации (4b), ср. ее употребление в определенной ИГ в (4a).

(4) a. *tädä* *ti* *škol-âštâ* / *škol-âšt=ok* *rovotaj-âne-žä.*
он этот школа-IN школа-IN=OK работать-DES-3SG
‘Он хочет работать в этой школе / именно в этой школе.’

b. *tädä* *ta-maxan'-gän'ât* *škol-âštâ* / **škol-âšt=ok* *rovotaj-âne-žä.*
он INDEF1-какой-INDEF2 школа-IN школа-IN=OK работать-DES-3SG
‘Он хочет работать в какой-нибудь школе.’

Также =ok может означать ‘всѣ-таки; действительно’, т. е. устанавливать тождественность описываемой ситуации с ситуацией, находящейся в прагматической пресуппозиции:

- (5) *cilä toma-št=ok svet jâl-a.*
 весь дом-IN=OK свет гореть-NPST.3SG
 ‘Действительно во всех домах горит свет.’

3. Контекстные ограничения

В корпусе =ok чаще всего сочетается с наречиями (135 вхождений, включая 43 с местоименными наречиями), существительными (76 вхождений, из них 58 в функции косвенного дополнения или обстоятельст-ва), послелогоми (54 вхождения). Сочетаний с глагольными формами обнаружено 29, из них в 17 =ok используется с императивом, в 10 — с конвербами, в 2 — с инфинитивами. Эти данные любопытно сопоставить с высказанной в (Кибрик, 2003, 110) идеей о том, что синтаксические отношения упорядочивают ИГ «в соответствии с их суммарной коммуникативной значимостью в актуальном высказывании», а их ранговая природа отражена в известной реляционной иерархии (SU > DO > IO > OO). Энклитика =ok чаще маркирует синтаксически менее приоритетные формы, выделяя их в коммуникативной структуре.

В ходе анкетирования было выявлено, что =ok может маркировать вершины именных и послеложных групп, но не может разрывать их, ср. *âzar tâgâr=ok* / **âzar=ok tâgâr* ‘именно зеленая рубашка’, *toma dok=ok* / **toma=ok dokâ* ‘прямо к дому’.

Энклитика =ok может маркировать наречия, даже если они являются модификаторами прилагательных (*piš=ok kužâ t’et’ä* ‘очень=OK высокий ребенок’). Она маркирует нефинитные формы глагола, но в большинстве идиолектов не маркирует финитные формы (в корпусе таких контекстов не встретилось вовсе).

4. Взаимодействие семантики =ok с контекстом: некоторые случаи

Энклитика =ok маркирует существительные в ИГ с универсальными **кванторными словами**, в частности с квантором *cilä* ‘весь; все’. Специфично для данной конструкции использование =ok для усиления исчерпывающей семантики:

- (6) *tâdâ cilä lem-âm* / *cilä lem-âm=ok kačk-ân kolt-en.*
 тот весь суп-ACC весь суп-ACC=OK есть-CVB слать-PRET
 ‘Он съел весь суп / абсолютно весь суп.’

Семантика интенсификации количественного значения возникает и в сочетаниях =ok с выражениями каритивной семантики (7)-(8). В этом случае тоже выделяется крайняя точка на количественной шкале.

- (7) *zavod xoza-žđ šüdü koklê voz kârpâc-âm*
 завод хозяин-POSS.3SG сто двадцать воз кирпич-ACC

cerkâ-lân takeš=ok pu-en.
 церковь-DAT даром=OK давать-PRET

‘Хозяин завода безвозмездно дал церкви 120 возов кирпича.’

- (8) *l'ena lapka-škê košel'ok-de(=ok) kej-en.*
 Лена магазин-ILL кошелёк-CAR=OK идти-PRET

‘Лена пошла в магазин без кошелька.’

(Пример из полевых данных А. А. Кирилловой, 2017 год)

С показателем **отрицательного конверба**, основной вариант которого тоже выглядит как *-de* (9), *=ok* демонстрирует более сложный эффект. У конвербов на *-de=ok* (но, как правило, не у конвербов на *-de*) развивается семантика сопоставления ситуаций, обозначаемых главной и зависимой клаузами, часто с уступительной интерпретацией:

- (9) *mä kačk-aš šol-t-âde,*
 мы есть-INF вариться-CAUS-CVB.NEG

ves päšâ-m a-na tângâl.
 другой работа-ACC NEG.NPST-1PL начинать

‘Не приготовив еду, мы не начнем другую работу.’

- (10) *vârgem-âm pog-en*
 белье-ACC собирать-CVB

*šo-kt-âde=ok / *šokt-âde,*
 достигать-CAUS-CVB.NEG=OK достигать-CAUS-CVB.NEG

jur pâr-en kej-en.
 дождь входить-CVB идти-PRET

‘Мы белье не занесли, а дождь пошел.’

- (11) *ârvezâ-vlä jasâlan-âde-ok / *jasâlan-âde,*
 мальчик-PL болеть-CVB.NEG=OK болеть-CVB.NEG

to-nâ-štâ šânz-en-ât.
 дом-IN2-POSS.3PL сидеть-PRET-3PL

‘Хотя ребята не болели, они сидели дома.’

С нашей точки зрения, данная семантика может проистекать из того, что *=ok*, эмфатически выделяя отрицание, одновременно выделяет контраст между несостоявшейся ситуацией (зависимая клауза с отрицательным конвербом) и состоявшейся ситуацией (главная клауза). Само по себе дополнительное выделение отрицания избыточно, поскольку оно и так является абсолютной характеристикой. Поэтому в данном случае можно ожидать какого-либо семантического приращения (ср. также

максиму количества по (Grice, 1975, 45)). Связь с ситуацией из другой части полипредикативной конструкции может быть при этом обусловлена максимальной релевантности (Grice, 1975, 47). Семантика уступительности тоже включает противопоставление двух ситуаций, см. (Апресян, 2015, 31). Заметим также, что за рамками отрицательных конструкций =ok не используется как маркер уступительности (эта семантика вводится союзом *gān'āt* 'хотя'). При этом идея контраста возможна и в других употреблениях =ok, а также возникает у многих средств эффатического утверждения идентичности, см. (Добровольский, Левонтина, 2012).

В **сложных глагольных комплексах**, состоящих из конверба смыслового глагола и грамматикализованного финитного глагола, =ok может маркировать конверб, чаще всего выражая семантику 'всё-таки; действительно' (см. также (5)):

- (12) *mān' toštā pōrt-ām pāž-en=ok šu-en-ām.*
 я старый дом-ACC разбирать-CVB=OK бросить-PRET-1SG
 'Я всё-таки разобрал старый дом. (Хотя думал, разбирать или нет.)'

Особый семантический эффект =ok наблюдается в конструкциях с легким глаголом *šalgāš* 'стоять', привносящим фреквентативную семантику. В этой конструкции =ok усиливает идею частоты: так, (13) предполагает, что учителя постоянно только хвалят мальчика и не говорят ему ничего больше. При конкуренции буквальной и фреквентативной интерпретаций =ok может способствовать фреквентативной (14). Семантика полного охвата действием временной оси, которую в данном случае вносит =ok, близка его семантике полного охвата множества в сочетаниях с кванторами.

- (13) *ti ārvezā-m tām-d-āš-ā-vlā so*
 этот мальчик-ACC учить-ACT.PTCP-PL постоянно
xval'-en=ok šalg-at.
 хвалить-CVB=OK стоять-NPST.3PL
 'Этого мальчика учителя постоянно только хвалят.'

- (14) a. *papa kečā māčkā rad'io-m kolāšt šalg-a.*
 бабушка день вдоль радио-ACC слушать.CVB стоять-NPST.3SG
 1. 'Бабушка целыми днями стоит и слушает радио.'
 2. 'Бабушка целыми днями слушает радио (часто, необязательно стоя).'
- b. *papa kečā māčkā rad'io-m kolāšt=ok šalg-a.*
 бабушка день вдоль радио-ACC слушать.CVB=OK стоять-NPST.3SG
 'Бабушка целыми днями только и делает, что слушает радио.'

В императивных контекстах исходная для =ok семантика эмфатической идентичности создает эффекты сближения разных элементов речевого акта. Частных интерпретаций =ok здесь выделяется три, в разных идиолектах они имеют разную степень предпочтений. Во-первых, =ok может указывать на сближение в темпоральной области, а именно вводить точное указание на время исполнения действия:

- (15) *li-eš* *tän'-än* *kn'igä-m* *näl-äs?*
 быть-NPST.3SG ты-GEN книга-ACC брат-INF
- li-eš,* *tol'ko ik* *tälzä* *gäc mängeš* ***pu-ø=ok***.
 быть-NPST.3SG только один месяц EL обратно давать-IMP.2SG=OK
 'Можно у тебя взять книгу? — Можно, только отдай обратно через месяц (и ни днём позже).'

Во-вторых, =ok может вводить сближение социальной дистанции между собеседниками. Так, в рамках классификации речевых актов императива по (Храковский, Володин, 2002) эта энклитика неуместна в речевых актах приказа (16a) и инструкции (16b), предполагающих существенную дистанцию между собеседниками, однако уместна в речевом акте просьбы (16c), предполагающем большую вежливость и сближение социальной дистанции (по крайней мере в случае, когда социальный статус у говорящего выше, чем у слушающего).

- (16) a. *petrov,* *tä eče=ät* *vara=š* *kod-äda!*
 Петров вы еще=ADD потом=ATTR оставаться-NPST.2PL
- tagačä* *tidä* *prost'-alt-eš,* *tol'ko*
 сегодня этот прощать-MED-NPST.3SG только
- irgod-äm* *veremä-štä*
 завтрашний.день-ACC время-IN
- tol-da*** / ****tol-d=ok***
 приходить-IMP.2PL приходить-IMP.2PL=OK
 'Петров, Вы опять опаздываете! На сегодня это прощается, но чтобы завтра пришли вовремя!'
- b. *kornä-m* *äžar* *čičä* *god-äm* *vele*
 дорога-ACC зеленый свет год-ACC только
- vanž-äda*** / ****vanž-äd=ok***
 переходить-IMP.2PL переходить-IMP.2PL=OK
 '(Участковый объясняет детям:) Переходите дорогу только на зелёный свет.'
- c. *ti* *pumaga-vlä-m* *to-k-em*
 этот бумага-PL-ACC к-ILL2-POSS.1SG

anž-al-aš ***kand-âd=ok***

смотреть-ATT-INF приносить-IMP.2PL=OK

‘(Начальник вежливо просит секретаря:) Принесите мне эти бумаги посмотреть, пожалуйста.’

В-третьих, употребление *=ok* с императивом может сближать дистанцию между ожидаемым и реальным положением дел: *=ok* создает эффект повышенного ожидания исполнения просьбы, как в (17a), ср. приемлемость *=ok* не во всех идиолектах в (17b), где выполнение действия представлено как факультативное.

(17) a. *kn'igä-vlä-m* *kab'in'et jakte namal*
книга-PL-ACC кабинет до нести.CVB

ke-äš ***palš-ø=ok***

идти-INF помогать-IMP.2SG=OK

‘Помоги донести книги до кабинета (и собеседник не может отказать).’

b. [?]*kü-n* *kâmâl-zâ* *ulâ*,
кто-GEN желание-POSS.3SG имеется

ti *upražn'en'i-m* ***äšt-äd=ok***

этот упражнение-ACC делать-IMP.2PL=OK

‘У кого есть желание, сделайте это упражнение.’

5. Некоторые итоги

Энклитика *=ok* является маркером эмфатического утверждения идентичности в терминах (König, 1991). Эта семантика может претерпевать модификации в зависимости от контекста (см. кванторы, конвербы, императивы). Часто *=ok* маркирует элементы со статусом данного, задающие точку, с которой можно соотнести другого участника. Однако *=ok* совместим и с некоторыми выражениями, не имеющими такого статуса, ср., например, каритивы и императивы. Синтаксические свойства *=ok* еще предстоит проанализировать подробнее. Пока можно отметить, что чаще *=ok* сочетается с косвенными дополнениями и обстоятельствами, повышая тем самым их коммуникативный вес. Кроме того, *=ok* не может маркировать элементы внутри ИГ и послеложной группы и, как правило, не сочетается с финитными формами глагола.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ACT — актив; ADD — аддитивная частица; ATT — аттенуатив; ATTR — атрибутивизатор; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CVB — конверб; DAT — датив; DES — дезидератив; EL — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INDEF — неопределенность; LAT — латив; MED — медий; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NPST — непростое время; PASS — пассив; PL — множественное число; POL — вежливость; POSS — множественность; PRET — претерит; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Апресян В. Ю. (2015) Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: ЯСК.
- Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. (2012) О синонимии фокусирующих частиц (на материале немецкого и русского языков) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 11 (18). Т. 1. М.: РГГУ. С. 138-149.
- Кибрик А. Е. (2003) Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя.
- Козлов А. А. (2017) Горномарийская частица =ok и грани эмфатической идентичности // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». М.: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, С. 240-254.
- Храковский В. С., Володин А. П. (2002) Семантика и типология императива. Русский императив. М.: УРСС.
- Grice P. (1975) Logic and conversation // Syntax and semantics 3. Speech acts. NY: Academic Press. P. 41-58.
- König E. (1991) Identical values in conflicting roles: The use of German *ausgerechnet*, *eben*, *genau* and *gerade* as focus particles // Abraham W. (ed.) Discourse particles. Descriptive and theoretical investigations on the logical, syntactic and pragmatic properties of discourse particles in German. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. P. 11-36.
- Saarinen S. (1986) Über einige tscheremissische Enklitika // Ural-Altische Jahrbücher. № 6. P. 37-46.

Опыт создания списка Сводеша для экзотического языка*

Андрей Александрович Кибрик
Институт языкознания РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова
aakibrik@gmail.com

Список Сводеша традиционно считается инструментом, профилирующим базовую лексику любого естественного языка. Прежде всего, этот инструмент используется для сравнительно-исторических исследований. Однако он может рассматриваться и как дескриптивное средство — инвентарь лексических единиц, передающих наиболее универсальные и в некотором смысле базовые концепты. Именно в этом качестве список Сводеша был использован в данном исследовании.

Моррис Сводеш первоначально предложил список из 225 единиц (Swadesh, 1950). Позже он уменьшил количество единиц до 215 и далее 200, а в конечном счете остановился на 100-словном списке (Swadesh, 1971). В моем исследовании был использован вариант списка, предоставленный мне А. В. Дыбо летом 2017 года. Этот вариант списка содержит 215 единиц. В этом списке снимается характерная для английского языка полисемия, уточняется семантика концептов и предлагаются наиболее характерные контексты употребления.

В ходе полевой работы в июле-сентябре 2017 года была предпринята попытка составить список Сводеша для верхнекускоквимского языка (атабаскская языковая семья, центральная Аляска). Цель данной заметки — обсудить проблемы и трудности, возникшие в процессе этой работы.

Верхнекускоквимский язык (Upper Kuskokwim) — один из исчезающих языков. Полноценно им в настоящее время владеют лишь пара десятков носителей старшего возраста, да и они своим родным языком уже почти никогда не пользуются. Большинство носителей проживают в деревне Николай, Аляска. Полное лексикографическое описание верхнекускоквимского языка вряд ли возможно (но ср. подробный словарь близкородственного языка Коюкон — Jetté and Jones, 2000). Однако составление списка Сводеша для этого языка полезно как общий лексикологический набросок. Как оказалось, целый ряд слов из списка Сводеша не попал в школьный словарь Collins and Petruska (1979), в целом достаточно представительный.

В случае верхнекускоквимского языка не возникло проблем, связанных с заимствованиями. Атабаскские языки вообще крайне не склонны к заимствованиям из других языков. В верхнекускоквимском языке есть

* Исследование поддержано грантом РФФИ №17-06-00460.

лишь горстка заимствований из эскимосского языка центральный юпик, а также около 80 субстантивных заимствований из русского языка, в основном обозначающие европейские артефакты ('мешок', 'часы', 'пароход', 'масло' ...) и культурные понятия ('деньги', 'тоён', 'архиерей', 'Бог'...). Эти небольшие множества со списком Сводеша никак не пересекаются.

Разумеется, многие концепты из списка не вызвали никаких затруднений при поиске верхнекускоквимских эквивалентов, например 'большой' — *chwh*, 'птица' — *dzedza*, 'жечь' — *-k'on'/-k'wn'* (через дробь приводятся варианты глагольных корней). Однако в ряде случаев возникли существенные проблемы. Типы таких проблем перечисляются далее. Для каждого из типов в скобках указывается количество случаев.

1. Полная лакуна (4), в том числе 'зеленый', 'змея', 'год', 'гладкий'.
2. Эквивалента нет, есть только гипонимы (1): 'дерево'. Гипонимы: 'береза', 'пихта', 'ольха' ...
3. Непосредственного эквивалента нет, есть лишь лексема с более широким значением; данный концепт является лишь одним из значений лексемы, причем не обязательно основным (9): 'зола', 'черный', 'червь'... Например, слово *guh*, которое является переводным эквивалентом для 'червь', значит также 'личинка', 'гусеница'.
4. Лексема, которую мы получаем, имеет другое основное значение, а искомый концепт является производным значением (10): 'умирать', 'близко', 'дорога'... Например, смысл 'умирать' переводится при помощи глагола *tsedadiyok* 'он умер', корень которого (*-yok*) означает 'случаться'. Это, скорее всего, табуированная форма, буквально означающая 'с ним приключилось что-то плохое'.

5. Получаем ложный эквивалент, соответствующий только одному из семантических контекстов, в которых может быть употреблен исходный концепт (1): 'полный'. Корень *minh* может быть употреблен лишь применительно к контейнеру, наполненному жидкостью. Этот же корень означает 'озеро'.

6. Получаем больше одной лексемы, причем выбор одного варианта в качестве основного оказывается затруднительным (25): 'далеко', 'жир', 'когда', 'немного'... Например, есть две разных лексемы, соответствующих смыслу 'когда': *ndadi'onh* (о прошлом) и *ndadeda'* (о будущем). Смысл 'немного' передается стативными предикатами *-tsana* и *-isit'la*, которые являются очень близкими синонимами, в равной мере употребительными.

7. Получаем множество лексем, так как нужна дополнительная спецификация (14). В особенности это касается так называемых классифицирующих глаголов, в семантику которых встроен таксономический класс абсолютного аргумента. Так, не существует единого глагола 'давать', а вместо этого есть около десятка разных глаголов, различающихся тем, что именно дается: округлый предмет, продолговатый предмет, закрытый контейнер и т.д. Есть и другие случаи более высокой

спецификации: например, есть не менее трех глаголов агентивного плавания: *ghikal* 'он плывет на лодке', *ghimal* 'он плывет, держа голову над водой' (бобр, утка, человек), *ghilih* 'он плывет под водой' (главным образом о рыбе).

8. Получаем не корень, а сложную лексику со словообразовательными элементами от корня, имеющего совсем иное значение, в том числе уже представленное в списке (7): 'весь', 'знать', 'видеть'... Например, смысл 'весь' ('entire') передается при помощи глагола *dighelchih*, производного от корня 'большой'.

9. Более чем одному исходному концепту соответствует один и тот же корень (12): 'приходить' и 'ходить' (корень *-yo*), 'тереть' и 'вытирать' (корень *-tliit*).

10. Получаем словосочетание (или компаунд) (1): *tu chwh* 'море', букв. 'вода большая'.

11. Соответствующее значение, как правило, выражается словоизменительными средствами, а не той или иной лексемой (8): 'не', 'я', 'они'... Ср. форму положительной полярности *'istrih* 'я плачу' и отрицательную форму *zistrih ts'e'* 'я не плачу', в которой происходит сразу три изменения: добавляется особый префикс, происходит озвончение финали корня и (факультативно) добавляется эмфатическая частица.

12. Наблюдается сложное варьирование между разными говорящими, интерпретация неясная (4): 'кора', 'луна', 'звезда', 'пять'. Например, для смысла 'кора' разные носители предлагали образования от корня *tr'esh*, которое в современном языке значит в первую очередь 'лодка'; от корня *k'esh*, означающее в первую очередь 'береза'; от корня *-t'uts'*.

В общей сложности более 40% единиц списка вызвали те или иные затруднения. По-видимому, если даже в одном человеческом языке применение данного инструмента вызывает такие трудности, его использование при сопоставлении языков может приводить к серьезным перекосам. Есть основания утверждать, что, если бы список для верхнекускоквимского языка и для очень близкого языка коюкон был составлен по опубликованным источникам, то различие между ними оказалось бы гораздо больше реального. Инструменты типа списка Сводеша могут быть полезны, но пользование ими требует большой осторожности. Важно также, чтобы составитель списка по тому или иному языку обладал подробным и непосредственным знанием этого языка.

Литература

- Collins, Raymond L. and Betty Petruska (1979) *Dinak'i* (Our words). Upper Kuskokwim Athabaskan junior dictionary. Anchorage: University of Alaska.
- Jetté, Jules & Eliza Jones (2001) *Koyukon Athabaskan Dictionary*. Edited by James Kari. Fairbanks, AK: Alaska Native Language Center.
- Swadesh, Morris (1950) *Salish Internal Relationships*. *International Journal of American Linguistics*, Vol. 16, 157–167.
- Swadesh, Morris (1971) *The Origin and Diversification of Language*. Chicago: Aldine.

Инкорпорация именных зависимых в имя в амгуэмском чукотском*

Алексей Андреевич Козлов

Институт языкознания РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
scripturas@mail.ru

Настоящая статья посвящена описанию правил инкорпорации именных зависимых в имя в амгуэмском говоре чукотского языка. Автор самой современной грамматики чукотского, основанной на телькепском говоре, Майкл Данн [Dunn, 1998] утверждает, что зависимые в косвенных падежах вообще не могут проецировать именную группу — у имени, например, в эргативе или в локативе вообще не может быть зависимых. Мария Копчевская-Тамм [Kortjevskaja, 1995] описывает более сложную картину: по отношению к инкорпорации выделяется четыре типа основ.

- голые именные и глагольные основы обязательно инкорпорируются в именную вершину;
- качественные основы (прилагательные) обязаны инкорпорироваться в косвенных падежах и могут делать это в абсолютиве;
- количественные числительные обязаны инкорпорироваться в косвенных падежах и не могут делать этого в абсолютиве;
- притяжательные формы, относительные формы, причастия на *-lʔ*- и порядковые числительные могут, но не обязаны инкорпорироваться в косвенных падежах.

В ходе нашей работы с амгуэмским говором в селе Амгуэма Иультинского района Чукотского АО обнаружилась гораздо более сложная картина инкорпорации именных зависимых. Были проверены следующие классы зависимых:

- прилагательные;
- демонстративы (*ŋotqen* ‘этот’, *ənqen* [DEM]);
- квантор *mək-/nəmkaqin* ‘много’;
- квантор *qut-/qot-* ‘один, другой’;
- квантор *etwe-lʔ-in* ‘другой’;
- квантор *əməʔo* ‘все’;
- количественные числительные;

* Исследование поддержано грантом РФФИ №16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства», который выполняется в МГУ имени М. В. Ломоносова.

- порядковые числительные;
- притяжательные формы на *-in(e)*;
- относительные формы (релэйшоналы) на *-kin(e)*.

Прилагательные ожидаемым образом могут инкорпорироваться в абсолютиве и обязаны — в косвенных падежах:

- (1) a. *nə-ytin-qin* *newəsqet* *ekwet-γʔi*
 ST-красивый-ST.3SG девушка уйти-TH.3SG
 ‘Симпатичная девушка ушла.’ {a=b}
- b. *γʔin-newəsqet* *ekwet-γʔi*
 красивый-девушка уйти-TH.3SG
- (2) a. * *nə-ytin-qin* *newəsqet-e* *ʔəttʔəqej* *rələmɲenaw-nen*
 ST-красивый-ST.3SG девушка-ERG собака.ABS увести-3SG.S.3SG.O
 Ожид. зн.: ‘Симпатичная девушка увела собаку.’ {a=b=c}
- b. * *nə-ytin-qin-e* *newəsqet-e* *ʔəttʔəqej* *rələmɲenaw-nen*
 ST-красивый-ST.3SG-ERG девушка-ERG собака.ABS увести-3SG.S.3SG.O
- c. ^{OK} *γʔin-newəsqet-e* *ʔəttʔəqej* *rələmɲenaw-nen*
 красивый-девушка-ERG собака.ABS увести-3SG.S.3SG.O

Количественные числительные не могут инкорпорироваться в абсолютиве и обязаны — в косвенных падежах:

- (3) a. *jet-γʔe-t* *mənyətken* *ʔorawelʔa-t* / **mənyət-ʔorawelʔa-ta*
 прийти-TH-3PL 10 человек-ABS.PL 10-человек-ERG
 ‘Пришло десять человек.’
- b. *mənyət-ʔorawelʔa-ta* / **mənyətken* *ʔorawelʔa-ta*
 10-человек-ERG 10 человек-ERG
- ne-tiɲu-γʔe-n*
 3PL.A/S-тянуть-TH-3SG.O
 ‘Десять человек вытянули это (например, сеть).’

Так же, по-видимому, ведёт себя квантор *qoʔ* ‘другой’ с вариантом основы *qoʔe-*.

Более сложным образом ведут себя демонстративы. В абсолютиве (в отличие, по-видимому, от литературного чукотского языка) они не могут инкорпорироваться:

- (4) *ɲotqen* *ʔweer-ən* / **ɲutin-ʔweer-ən* *weriwet-γʔi*
 этот молоко-ABS этот-молоко-ABS скинуть-TH.3SG
 ‘Это молоко скисло.’

В косвенных падежах демонстративы могут быть отдельными словами, при этом на них может дублироваться падеж вершины:

- (5) a. *ηotqen newsqet-e ren-nin ʔattʔaqej-qej*
 этот девушка-ERG вести-3SG.S.3SG.O собака-DIM.ABS
 ‘Эта девушка привела собаку.’ {a=b}
- b. *ηotqena-na newsqet-e ren-nin ʔattʔaqej-qej*
 этот-ERG девушка-ERG вести-3SG.S.3SG.O собака-DIM.ABS

При этом такое дублирование падежа возможно не во всех падежах: по предварительным данным, оно невозможно с ориентативом:

- (6) a. *ətton ηoten-rʔet-jekwe ra-γtə-γʔa*
 он этот-дорога-PROL FUT-идти-TH.3SG
 ‘Он пойдёт по этой дороге.’ {a=b=c}
- b. *ηotqen rʔet-jekwe ra-γtə-γʔa*
 этот дорога-PROL FUT-идти-TH.3SG
- c. * *ηotqena-jekwe rʔet-jekwe ra-γtə-γʔa*
 этот-PROL дорога-PROL FUT-идти-TH.3SG

В литературном чукотском языке, в отличие от амгуэмского диалекта, демонстративы инкорпорируются даже в абсолютиве (мы основываемся на данных М. И. Беличенко и Е. И. Тынеру).

- (7) литературный чукотский
ηutin-łweerən weriwetyʔi
 этот-молоко-ABS скиснуть-TH.3SG
 ‘Это молоко скисло.’

Кванторы *etwetʔin* [другой-POSS] и *nəmkəqin* [ST-много-ST.3SG], по видимому, могут не инкорпорироваться в косвенных падежах:

- (8) *jet-γʔe-t nə-mkə-qin ɣaʔa-t / *mək-ɣaʔa-t*
 прийти-TH-3PL ST-много-ST.3SG птица-ABS.PL много-птица-ABS.PL
 ‘Прилетело много птиц.’
- (9) a. *nə-mkə-qin nəmnəm-ək wa-rkən eʔyətawra-t*
 ST-много-ST.3SG посёлок-LOC быть-PROG.3SG баня-ABS.PL
 ‘Во многих посёлках есть бани.’ {a=b}
- b. *mək-nəmnəm-ək wa-rkən eʔyətawra-t*
 много-посёлок-LOC быть-PROG.3SG баня-ABS.PL

Квантор *эмэл?о* ‘все’ никогда не инкорпорируется:

- (10) *эмэл?* *нэпнэп-эк* / **эмэл?э-нэпнэпэк*
 все посёлок-LOC все-посёлок-LOC
- wa-rkən* *welətkora-t*
 быть-PROG.3SG магазин-PL
 ‘Во всех посёлках есть магазины.’

Первая гипотеза, которая приходит в голову по этому поводу, такая: *эмэл?о* вообще никогда не входит в именную группу и является «плавающим определителем» (ср. русское *целиком*):

- (11) *saj-kojŋə-t* *teŋə-nil?etew-kə* *эмэл?о*
 чай-чашка-ABS.PL GOOD-помыть-LOC все
 ‘Все чашки надо помыть.’

К этому нас подталкивает и внутренняя форма слова *эмэл?о*: кажется, что это экватив от основы *эмэ-л?*- (атрибутив от аддитивной фокусной частицы *эмэ* ‘тоже, даже’). Некоторые другие свидетельства, однако, говорят в пользу того, что *эмэл?о* хотя бы иногда находится внутри именной группы:

- (12) {Сценарий: в школе проводится мероприятие, на котором ученикам нужно быть в обязательном порядке. Директор, однако, видит, что из одного класса пришла половина учащихся, из других — и того меньше. Ему хочется узнать: неужели ни один класс не выполнил распоряжения? Он гневно спрашивает у завуча:}

- a. *mikən-ti* *jet-y?e-t* *эмэл?о?*
 кто-ABS.PL прийти-TH-3PL все
 ‘А какой класс пришёл в полном составе (букв. «кто пришли все?»)’ {a=b}

- b. * *эмэл?о* *mikənti* *jet-y?e-t?*
 все кто-ABS.PL прийти-TH-3PL

Предложение (12b) невозможно ни при данном, ни вообще при каком-нибудь другом сценарии. Мы связываем этот факт с тем, что местоимение *mikənti* является проформой для полной именной группы; возможно, препозитивное *эмэл?о* является частью именной группы, а постпозитивное никогда не является (ср. русское *Все девочки пришли* vs. *Девочки все пришли*).

Кроме этого, никогда не инкорпорируются притяжательные и относительные формы имён существительных:

- (13) a. *ereqej-nin* *sayət-ta* / **араqaj-nena-sayət-ta*
 бабушка-POSS сестра-ERG бабушка-POSS-сестра-ERG
 ‘бабушкиной сестрой’

- b. *taŋne-ra-kena-t* *nenene-t* / **taŋne-ra-kena-nanana-t*
 чужой-дом-REL-PL дитя-PL чужой-дом-REL-дитя-PL
 ‘чужие дети’

Исключение составляют притяжательные формы личных местоимений, которые (только в косвенных падежах) инкорпорируются в формах *γэмэк-*, *γэпэк-*, *эпэк-*, etc. [Muravyova et al., 2001]

- (14) a. *γэм-nin sakəyet* / **γэмəγ-sakəyet* *jet-γʔi*
 я-POSS сестра я.INC-сестра идти-TH.3SG
 ‘Пришла моя сестра.’

- b. *γэмəγ-saket-ta* / **γэmnin* *saket-ta*
 я.INC-сестра-INC я-POSS сестра-ERG

ren-nin *was'a*
 привести-3SG.S.3SG.O Вася
 ‘Моя сестра привела Васю.’

Существительные ведут себя по-другому:

- c. *pet'a-nen* *saket-ta* / **pet'a-saket-ta*
 Петя-POSS сестра-ERG Петя-сестра-ERG

ren-nin *was'a*
 привести-3SG.S.3SG.O Вася
 ‘Петина сестра привела Васю.’

Возможны, правда, формы типа *apaqajsakəyet* ‘сестра бабушки’, но есть ощущение, что основа *apaqaj-* в данном случае не вводит референтного посессора: она просто модифицирует значение основы *sakəyet* таким образом, что он обозначает другой тип родственного отношения.

Получаем следующую таблицу:

тип зависимого	косвенные падежи		абсолютив
	возможно	обязательно	возможно
прилагательные	+	+	+
числительные	+	+	-
местоименные посессоры	+	+	
<i>qoɬ</i> ‘другой’	+	+	-
демонстративы	+	-	-
<i>eɬweɬʔin</i> ‘другой’	+	-	-
<i>-mək-</i> ‘много’	+	-	-
притяжательная форма	-	-	-
относительная форма	-	-	-
<i>ətətʔo</i> ‘все’	-	-	-

Теоретическая интерпретация представленных данных — задача дальнейшего исследования. Отметим только, что наши данные в принципе согласуются с представлениями об иерархических отношениях между зависимыми в ИГ. Отметим, что по крайней мере демонстративы, по-видимому, не являются элементами класса D (в отличие, например, от мокшанского языка, где появление указательного местоимения сразу указывает на именную группу «максимальной тяжести», которая получает падеж, лицензирует объектное согласование и т. д.) — они кластеризуются скорее с элементами «количественной» функциональной области.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; ABS — абсолютив; ERG — эргатив; FUT — будущее время; GOOD — показатель положительной оценки; INC — инкорпорированная форма; LOC — локатив; O — объект; PL — множественное число; POSS — посессив; PROG — прогрессив; PROL — пролатив; REL — относительное прилагательное; S — субъект; ST — стативный циркумфикс; SG — единственное число; TH — тематический гласный.

Литература

- Dunn, Michael. (1999) A Grammar of Chukchi. Ph. D. Diss. Canberra: ANU
- Коптјевскаја-Тамм, Мариа 1995. Possessive and relational forms in Chukchi. In Plank, Frans (ed.). Double Case: Agreement by Suffixaufnahme. Oxford: Oxford University Press, p. 301–321.
- Muravyova, Irina A., M. A. Daniel, & T. Ju. Zhdanova. 2001. Chukchi language and folklore in texts collected by V.G.Bogoraz. Part 1-2. Moscow (Unpublished).

Амшенский армянский: история изучения и современное состояние

Юрий Борисович Коряков
Институт языкознания РАН
ybkoryakov@gmail.com

Из многочисленных армянских диалектных групп две представлены преимущественно в России. Это крымско-новонахичеванский диалект, сохранившийся в окрестностях города Ростов-на-Дону, и амшенские диалекты, бытующие среди армян юга Краснодарского края (и Абхазии). Обе диалектные группы относятся к западному диалектному типу, чем существенно отличаются от литературного восточноармянского языка (ЛВЯ), относящегося к восточному типу. Далее речь пойдёт только об амшенских диалектах и в особенности о северной их части.

Чем же так интересен амшенский и северный амшенский в частности?

Во-первых, это один из самых дивергентных армянских «диалектов».

Во-вторых, это крупнейшая компактная армяноязычная территория за пределами основной зоны армянского языка (т.е. Армении, Арцаха и Южной Грузии).

И наконец, это одна из самых недоописанных армянских разновидностей и один из самых недоописанных языков России.

1. Амшенцы

В настоящее время этнических амшенцев можно условно разделить на три группы.

Западные амшенцы (баш-хемшилы/хемшины; самоназвание *hemšinli*) живут в провинции Ризе на северо-востоке Турции (недалеко от границы с Грузией), исповедуют ислам, считают себя турками и говорят только по-турецки (хотя и с некоторыми армянскими вкраплениями (Bläsing, 2007)). Их численность оценивается в 20 тысяч человек.

Восточные амшенцы (хопа-хемшилы/хемшины; *homšec'i*) живут к востоку от западных, в провинции Артвин, исповедуют ислам, считают себя турками, но в быту сохраняют «диалект» армянского (часто не подозревая, что их язык является армянским). Численность — около 24 тысяч человек.

Северные амшенцы (*hamšec'i*) живут в настоящее время в Абхазии и на юге России, исповедуют христианство (как правило, Армянская апостольская церковь), считают себя армянами и говорят на североамшенских (христианско-амшенских) диалектах. Являются потомками переселенцев из турецких причерноморских провинций Самсун, Орду, Киресун и Трабзон, куда их предки, в свою очередь, бежали от исламизации начиная с XVII века из более восточных провинций.

2. Диалект или язык?

Традиционно амшенский рассматривается как диалект в составе амшенско-эдесской группы диалектов, которая, в свою очередь, входит в западную группировку армянских диалектов (Мартirosян, 2013, 361–364). Он не взаимопонятен с другими диалектами, и в целом считается одной из самых интересных и дивергентных разновидностей армянского (Vaux, 2007, 257).

Закономерно встаёт вопрос: а не является ли амшенский в таком случае отдельным языком? Попробуем применить критерии разделения языка или диалекта, сформулированные в работе (Коряков, 2017). В ней предлагается использовать внешние (социо-этно-политические) критерии (литературная норма, этническая общность, мнение носителей, официальный статус) и внутренние (собственно лингвистические: взаимопонятность, лексикостатика). Рассмотрим их подробнее в применении к двум амшенским ареалам: турецко-хемшильскому (восточноамшенский диалект) и североамшенскому.

Литературная норма. Турецкие хемшилы пользуются в основном турецким письменным языком, хотя в 1995 Берт Вокс совместно с носителем разработал для них письменность на латинской основе (Vaux, 2007, 258). Часть северных амшенцев училась в армянских школах и воспринимает ЛВЯ как свой стандартный язык. Впрочем, полноценное его знание, особенно среди армян России, распространено довольно слабо.

Этническая общность. Турецкие хемшилы воспринимают себя в лучшем случае как особую группу в составе турков, хотя соседние лазы и называют их как *Armeni*, так и *kalın kaburgalı Ermeni* 'толсторебрые армяне'. Северные амшенцы считают себя обычными армянами и часто даже не подозревают о существовании какой-то особой амшенской идентичности.

Мнение носителей. Восточные турецкие хемшилы считают свой язык каким-то особым диалектом, отрицая его связь с армянским языком. Северные амшенцы считают свой язык диалектом армянского, но отчётливо понимают его существенные отличия от, например, ереванского диалекта.

Официальный статус. Язык хемшилов в Турции не имеет никакого статуса и как таковой не признаётся государством. В России и Армении язык амшенцев считается армянским языком (и в России из-за этого, в частности, часто не рассматривается как «язык России») и никак особо не выделяется.

Взаимопонятность. Хотя турецкие хемшилы редко сталкиваются с носителями, их речь не считается взаимопонятной даже с другими западными диалектами (Vaux, 2007, 257). Речь северных амшенцев, по многочисленным сообщениям с обеих сторон, непонятна носителям других диалектов.

Лексикостатика. Данных для составления стословного списка по восточноамшенскому диалекту недостаточно, но по одному из северных

диалектов (с. Агараки) было собран полный стословный список. В результате предварительного сравнения этого списка с восточноармянским литературным списком процент совпадений оказался равен 80%, а при сравнении с ахалкалакским диалектом¹ (также западным) — 86%. Это существенно меньше границы между языком и диалектом (Коряков, 2017) и сравнимо с разницей между тремя группами славянских языков.

Ниже в таблице отмечено, можно ли считать соответствующую амшенскую разновидность диалектом «общеармянского» языка (стоит «+») или нельзя («-»).

	вост.-амшенский	сев.-амшенский
Литературная норма	–	(+)
Этническая общность	–	+
Мнение носителей	–	+
Официальный статус	–	+
Взаимопонятность	–	–
Лексикостатика	–	–

Во-первых, видно, что применение критериев к восточным и северным диалектам даёт совершенно разные результаты. Восточноамшенский диалект ни по каким критериям не может считаться диалектом армянского языка, и такая точка зрения уже нашла своё отражение в справочных работах (например, *Homshetsma* в Глоттологе (Hammarström et al., 2017)). Ситуация с северными диалектами более сложная. Согласно внешним критериям, они несомненно выглядят диалектами армянского, согласно внутренним — являются отдельным языком. Но если рассматривать амшенский как единое языковое образование, то предпочтительнее говорить в целом об отдельном амшенском языке, оговаривая, что северные его диалекты функционально находятся на положении диалектов армянского языка.

3. Территория и численность носителей

Как говорилось выше, в настоящее время северные амшенцы живут на юге Краснодарского края и в Абхазии. В Краснодарском крае населённые пункты со значительной долей армяноязычного населения (более 10%) сосредоточены в основном в трёх районах: Апшеронском (13 н.п.), Туапсинском (23 н.п.) и Сочинском (51 н.п.). В 1925–53 годах в горных районах (на юге современного Апшеронского и севера Туапсинского районов) существовал даже Национальный Армянский район.

В Абхазии армянские сёла сосредоточены на западе (Гагрский район) и в центре (Сухумский и Гульрыпшский районы).

¹ Данные по ахалкалакскому диалекту были собраны О. В. Саркисяном.

Обычно амшенские деревни находятся не возле самого моря, но в предгорьях и выше. Изначально это были моноэтнические селения, и они в основном остаются таковыми в Абхазии, но в России большая часть селений сейчас этнически смешанны.

В 1926 году на этих землях жило 103.428 армян (в т.ч. в Майкопском, Черноморском, Армавирском и Кубанском округах 77751 чел. (ВПН, 1926) и в ССР Абхазии 25677 чел. (ВПН, 1929)). Можно предположить, что большая часть из них говорила на амшенском. В течение XX века два процесса влияли на число носителей амшенского в СССР: проникновение русского во все сферы и постепенное вытеснение амшенского и приток носителей других разновидностей армянского, особенно из Армении и Арцаха, престиж которых обычно выше.

Попробуем оценить число носителей в начале XXI века. По данным переписей 2010/2011 на юге Краснодарского края, в Адыгее и Абхазии было 337.444 армян. Но сколько из них говорило на амшенском?

Из данных переписи России 2010 года², можно узнать, например, распределение по национальности, месту рождения (до государства)

² Микроданные переписей. Всероссийская перепись населения 2002 года. ГМЦ Росстата. <http://std.gmcrosstata.ru/>

и владению языком. Данные переписи Абхазии 2011 года не столь подробны: можно узнать лишь общее распределение по национальности и родному языку (Итоги Абхазия, 2012, 86–89).

Распределим армян юга Краснодарского края, Адыгеи и Абхазии по месту рождения и владению языком:

	Армяне Краснодарского края, Адыгеи и Абхазии				
	местные уроженцы	%	не местные уроженцы	%	всего
Владеют армянским	107494	32	75552	22	183046
Не владеют армянским	96177	29	58221	17	154398
	203671	60	133773	40	337444

Если предположить, что большая часть армян, владеющих армянским и родившихся в Краснодарском крае, Адыгее или Абхазии («местных уроженцев»), являются носителями амшенского, то мы получим цифру 107.494 чел. Из них 62 тыс. живёт в Краснодарском крае (в т.ч. 45 тыс. на его юге), 5 тыс. — в Республике Адыгея и 41 тыс. — в Абхазии.

4. История изучения

Учитывая число носителей, амшенскому посвящено крайне мало публикаций.

Есть одна работа (на армянском языке) по речи амшенцев до переселения из Турции (Аճաղյան, 1947) и несколько работ по восточноамшенскому (Турция) (Marr, 1925; Dumézil, 1967; Vaux, 2001; 2007; Bläsing, 2003), но только один краткий обзор по амшенским диалектам Абхазии (Chirikba, 2008; Чирикба, 2014) и ни одной работы по амшенским диалектам России. Можно сказать, что амшенский, особенно его северные диалекты, — один из самых неизученных языков России.

В связи с этим в 2016 г. автором были проведено три пилотных исследования: в селении Хлебобоб (45% населения говорило по-армянски в 2010 году) в районе Хосты Сочинского района Краснодарского края России и в селениях Агарак (официально Амжикухуа, 95% населения в 2011 году составляли армяне) в Гудаутском районе и Лдзаа (бывшая Лидзава; 37% армяне) в Гагрском районе Абхазии. Были собраны словесные лексические списки и сделаны аудиозаписи диалогов.

5. Социолингвистическая ситуация

Обычные носители северных диалектов амшенского считают себя армянами, свой язык армянским (*hayeren*) и не всегда даже слышали, что есть такие «амшенцы». Хотя эта «амшенская» идея развивается местной интеллигенцией.

В то же время носители амшенского чётко понимают, что их речь сильно отличается от других армянских, в частности литературного («ереванского», как они говорят) и непонятна носителям последнего.

Русский является доминантным языком для всех носителей северно-амшенского, как в России, так и в Абхазии. Во многих амшенских семьях или селениях в России русский является основным языком среднего и младшего поколения. Типичная ситуация: старшие говорят, средние понимают, младшие почти не знают. В Абхазии носители, как правило, хорошо говорят по-русски и почти не говорят по-абхазски, но основным языком остаётся амшенский.

Престиж у амшенского невысок. Носители обычно стесняются его и спешат переключиться на русский при посторонних. Во время интервью они не очень охотно выдают амшенские формы, называя их «грубыми, плохо звучащими». Особенно те, кто хоть немного знает литературный язык.

В 2016–17 гг. в Абхазии существовало около 30 армянских школ, но в них обучалось лишь 1/4 армянских детей, остальные в русских. В РСФСР армянские школы существовали лишь в 1920–30-х.

Языком преподавания в армянских школах всегда являлся только ЛВЯ. Так как он довольно сильно отличается от амшенского, детей сначала учат пересчитывать свои формы в литературные.

6. Заключение

Таким образом, амшенский язык представлен двумя несмежными группами диалектов, которые находятся в совершенно разных социолингвистических условиях. Северные диалекты распространены в России и Абхазии, их носители считают их особой разновидностью армянского языка, а ЛВЯ — своей нормой. В то же время сами диалекты вытесняются русским языком (особенно в России). Восточные (фактически южные) диалекты распространены в Турции, их носители считают себя турками, а свою речь либо разновидностью турецкого, либо особым диалектом / языком. Находятся под сильным влиянием турецкого языка, который их постепенно вытесняет.

По турецким диалектам опубликовано некоторое количество работ, по северным — лишь одна обзорная работа. Ни по тем, ни по другим не существует ни полноценного грамматического описания, ни словаря.

Литература

- ВПН 1928 = Всесоюзная перепись населения 1926 года. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР (1928). М.: Издание ЦСУ Союза ССР. Том 5. Таблица VI. Население по полу, народности.
- ВПН 1929 = Всесоюзная перепись населения 1926 года. Закавказская СФСР (1929). М.: Издание ЦСУ Союза ССР. Том 14. Таблица VI. Население по полу, народности.

- Итоги Абхазия 2012 = Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. (2012) Сухум: Управление государственной статистики Республики Абхазия.
- Коряков Ю.Б. (2017) Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // Вопросы языкознания. № 6. С. 79–101.
- Март Н.Я. (1925) Материалы по хемшинскому наречию армянского языка (По записи И. А. Кипшидзе) // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук. Том I. Л.: РАН, Главнаука, Госиздат. С. 73–80.
- Мартirosян Г. (2013) Армянские диалекты (характеристика отдельных диалектов) // Языки мира: Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик, М.: Academia. С. 334–385.
- Чирикба В. (2014) Армяне в Абхазии: роль диалектов и русского языка на фоне демографической динамики // Диаспоры. Независимый научный журнал. 1. С. 234–261.
- Աճափյան Н.Н. (1947) К'nnut'yun Hamšeni barbari [Исследование хамшенского диалекта]. Erewan. [арм.]
- Blasing U. (2007) Armenian in the vocabulary and culture of the Turkish Hemshinli // H.H. Simonian (ed.). The Hemshin: history, society and identity in the Highlands of Northeast Turkey. London; New York.
- Chirikba V.A. (2008) Armenians and their Dialects in Abkhazia // Evidence and Counter-Evidence, Festschrift Frederik Kortlandt, Volume 2: General Linguistics. Amsterdam; New York: Rodopi. Pp. 51-67.
- Dumézil G. (1964) Notes sur le parler d'un Arménien musulman de Hemşin // Académie Royale de Belgique, Mémoires, Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques (Brussels), 57, no. 4, pp. 5–52.
- Dumézil G. (1967) Trois récits dans le parler der arméniens musulmans de Hemşin // Revue des études arméniennes (n. s.), t. 4.
- Dumézil G. (1965) Notes sur le parler d'un Arménien musulman d'Ardala (Vilayet de Rize) // Revue des Études Arméniennes, n.s. 2, pp. 135–42.
- Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M., Bank S. (eds.). (2017) Glottolog 2.7. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History. Available at: <http://glottolog.org>.
- Vaux B. (2001) Hemshinli: the forgotten Black Sea Armenians // Journal of Armenian Studies, vol. 6.2.
- Vaux B. (2007) Homshetsma: the language of the Armenians of Hamshen // H.H. Simonian (ed.). The Hemshin: history, society and identity in the Highlands of Northeast Turkey. London; New York.

Индия — новый ареал на карте полевых исследований*

Юлия Викторовна Мазурова
Институт языкознания РАН
mazurova.julia@gmail.com

Индология в России имеет давние традиции, однако она направлена в первую очередь на изучение древних и средних индоарийских языков (Елизаренкова и др., 2004), а также диахронических аспектов новых индоарийских языков (Kulikov, 2013). Есть достаточно много исследований по культуре, философии, этнографии Индийского субконтинента, появляются публикации по индийской филологии, изучению литературных и исторических памятников. Собственно лингвистические работы, например, (Khokhlova, 2000; 2004; Липеровский, 2009) пишутся по большей части на материале крупных индоарийских языков, имеющих долгую историю изучения в нашей стране: хинди (и его диалекты), панджаби, бенгали. Типологические исследования, например (Зограф, 1976; 1990; Cardona, Jain, 2003; Masica, 1993), которые для своих целей могут использовать только подробные грамматические описания, также обычно ограничиваются крупными индоарийскими языками. Между тем, в одной только Индии есть множество индоарийских языков и диалектов, про которые мало что известно, так как носителей у них немного (по меркам перенаселённой Индии), и по традиции они считаются самими носителями, а зачастую и индийскими лингвистами «диалектами хинди», деревенскими разновидностями общенационального языка, не достойными слишком пристального внимания.

В 2014 году группой исследователей в Институте языкознания РАН был начат проект по полевому исследованию идиома куллуи, носители которого проживают в штате Химачал-Прадеш¹ (Мазурова, 2017а).

Согласно переписи населения 2011 года (Administrative Atlas: Himachal Pradesh, 2012), в штате Химачал-Прадеш проживает более 6,8 млн чел, причём сельское население составляет 90% от общего числа. Штат делится на 12 округов. Округ Куллу, где проводятся исследования, подразделяется на 8 тахсиллов и субтахсиллов: Манали, Куллу, Бхунтар, Сейндж, Банджар, Ани, Нирманд, Низер². В округе всего 5 городов, остальное население проживает в 326 деревнях. Население округа составляет примерно 438 тыс. чел. (Kullu, 2018).

* Исследование проводится при поддержке РФФИ (ОГОН), проект № 16-34-01040, «Грамматическое описание и словарь индоарийского языка куллуи».

¹ Подробнее об экспедициях и собранных материалах можно узнать на сайте проекта (www.pahari-languages.ru).

² Тахсил Бхунтар и субтахсил Низер были выделены недавно и не отражены на карте.

Округ Куллу (Administrative Atlas: Himachal Pradesh, 2012, 102)

Основной исследовательской задачей коллектива является документирование куллуи, а именно: создание словаря, описание грамматики, запись и расшифровка корпуса текстов. Однако сбор лингвистического материала затруднён достаточно сложной социолингвистической ситуацией в данном регионе: куллуи является лишь одним из множества идиомов диалектного континуума химачальских пахари. Чёткие границы в диалектном континууме провести нельзя, однако приблизительные границы изучаемого идиома и его основные отличия от соседних установить необходимо.

Не всегда понятно, какие именно идиомы понимаются под «куллуи» в источниках. Например, в «Этнологе» (Pahari, Kullu, 2018) областью распространения куллуи называются округ Куллу, Баличок, Банджар и Сейндж («Himachal Pradesh state: Kullu district, Balichowk, Banjar, and Sainj sub-districts»). Эта информация требует уточнения. Во-первых, здесь смешаны понятия округа (district) и более мелкой административной единицы тахсила/субтахсила (tahsil). Так, округ Куллу, упоминаемый в «Этнологе», включает в себя тахсил Куллу, а также упомянутые тахсил Банджар и субтахсил Сейндж. Граничащий же с ними тахсил Bali Chowki входит в округ Манди. Во-вторых, по нашим полевым данным (Мазурова, 2017b, 200), идиомы, распространенные в тахсилах Сейндж и Банджар, на всех уровнях языка имеют достаточно много отличий от куллуи, затрудняющих взаимопонимание. По идиому тахсила Bali Chowki у нас нет данных, однако можно предположить, что он должен быть ближе к группе идиомов мандеали, которые распространены в округе Манди. Напротив, в «Этнологе» не упомянут тахсил Манали округа Куллу, где говорят на идиоме очень близком к куллуи.

Ещё одной сложностью при сборе лингвистического материала является многоязычие местных жителей. Наборы языков, которыми они владеют, довольно разнообразны: помимо хинди, на котором все получают школьное образование, они могут владеть одним или несколькими идиомами пахари, а некоторые знают также панджаби, урду, непали и другие индоарийские языки, хотя без специального исследования трудно определить степень владения. Фактором, затрудняющим описание конкретного идиома, является мобильность населения: люди часто перемещаются с места на место для получения образования, работы, службы в армии, женщины часто выходят замуж в другую деревню, поэтому недостаточно знать место жительства информанта, чтобы понять, каким идиомом он владеет. Вследствие мобильности населения местные языки находятся в постоянном контакте между собой, для них характерна изменчивость и вариативность.

Перед исследователями встает несколько теоретических и практических задач: 1) определить примерные географические границы идиома в диалектном континууме; 2) узнать подробную языковую историю каждого информанта и выяснить уровень владения языком куллуи; 3) отделить диалектную вариативность от других видов вариативности в языке.

Основным методом решения этих задач был сбор социолингвистических и диалектных анкет. Социолингвистическая анкета помимо общей информации включала вопросы о языковой истории информанта: переездах, общении с носителями других языков и диалектов, а также сведения о диалектах родственников. Диалектная анкета представляла собой 11 предложений на хинди для перевода на родной язык информанта.

Она составлена таким образом, чтобы отразить потенциальные диалектные различия, в том числе фонетические (лабиализация **a* в открытом ударном слоге, различие двух сибилантов *s* и *ʃ*, сохранение начальных кластеров **tr-*, **dr-*, наличие двух рядов аффрикат, переход **kʃ* > *kʰ* или *tsʰ* / *tʃʰ*), грамматические (формы и употребление падежей, послелогов, генитивная конструкция, личные местоимения, строение и употребление синтетических и аналитических глагольных форм) и лексические. Было собрано более 40 социолингвистических и 20 диалектных анкет от носителей, проживающих в разных деревнях округа Куллу.

Полевые данные, собранные нашим коллективом в 2014-2017 гг., позволяют определить географическое распространение куллуи следующим образом. Жители долины Куллу, вытянувшейся вдоль р. Беас примерно на 50 км, воспринимают свой местный идиом как «один язык», называя его «местным» (local) или «кулви». Небольшие лексические отличия и вариативность в грамматике не затрудняют взаимопонимание. Были, в частности, опрошены жители деревень Манали, Джагатсук, Наггар, Катрейн, Башинг, Сума, Бхунтар и города Куллу. Поскольку центр округа — г. Куллу и населенные пункты, приближенные к нему — наиболее сильно затронуты процессами глобализации и хиндиязычного (в некоторых случаях англоязычного) образования, в этом варианте куллуи очень сильно влияние хинди и отчасти английского языка. Задачей следующих экспедиций может быть изучение более архаичного варианта куллуи, который, по словам самих местных жителей, лучше сохранился в удалённых деревнях выше в горах.

Местные языки используются в основном как средство бытового общения, и их изучение возможно только методами полевой лингвистики. Малые языки в Химачал-Прадеше, как и везде в мире, вытесняются большими и более престижными, хотя до полного исчезновения, к счастью, пока далеко, чему способствует ряд факторов: удаленная горная местность, относительно большое количество носителей, преимущественно сельский тип расселения и традиционный образ жизни. Однако процессы глобализации идут везде, и то, что хорошо для отдельных людей и общества (повышение уровня образования и уровня жизни), не так уж хорошо для малых языков: получая образование на хинди или английском, носители малых языков начинают меньше общаться на своих родных, привнося в них лексику и грамматику хинди. Так постепенно исчезают архаичные индоарийские черты, сохранившиеся в языках химачали в силу достаточно изолированного проживания их носителей в горах, а также следы возможных языковых контактов с носителями других языковых групп (дардскими, нуристанскими, тибетскими). Таким образом, для лингвистов могут быть потеряны существенные пласты грамматической и лексической информации. Именно поэтому подробное описание этих языков актуально именно сейчас, пока они ещё сохраняют

своё своеобразие. Необходимо документирование, выполненное на современном уровне, с использованием современных технологий (звуковые словари, глоссированные тексты с аудио- и видеозаписями и т.п.). Кроме того, важно изучить фольклор, материальную и духовную культуру этих народностей, а без знания местных языков это сделать затруднительно.

Литература

- Елизаренкова Т.Я., А.А. Кибрик, Л.И. Куликов (Ред.) (2004) Языки мира: Индоарийские языки древнего и среднего периодов. М.: Academia.
- Зиграф Г.А. (1976) Морфологический строй новых индоарийских языков. М.: Наука.
- Зиграф Г.А. (1990) Языки Южной Азии. М.: Наука.
- Липеровский В.П. (2009) Очерк грамматики современного авадхи. Москва: «Восточная лит-ра» РАН.
- Мазурова Ю.В. (2017а) Жизнь как экспедиция: опыт полевого исследования в Гималаях // В.А. Плунгян, О.В. Фёдорова (Ред.) Жизнь как экспедиция: сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А.Е. Кибрика и С.В. Кодзасова. М.: Буки Веди. С. 888–893.
- Мазурова Ю.В. (2017б) Опыт полевого исследования химачальских диалектов пахари (Северная Индия) // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции, ИВ РАН, 26 октября 2016 г.) / Отв. ред. З.М. Шалапина; сост., ред. А.С. Панина, А.И. Коган. М.: ИВ РАН. С. 196-203.
- Пахари: индоарийские языки Северной Индии (www.pahari-languages.ru) Просмотрено: 30.04.2018.
- Хохлова Л.В. (2010) Каузативные глаголы в западных новоиндийских языках (хинди-урду, панджаби, гуджарати, раджастхани) // Вестник Московского Университета, №3.
- Administrative Atlas. Himachal Pradesh (2012) // Census of India 2011. New Delhi: Office of the Registrar General & Census Commissioner, India. (<http://censusindia.gov.in/2011census/maps/atlas/Himachal%20Pradesh.html>) Просмотрено: 30.04.2018.
- Cardona, G. and D. Jain (Eds.) (2003) The Indo-Aryan Languages. [Routledge Language Family Series]. London: Routledge.
- Kullu (2018) // Himachal Pradesh: The official website (<http://himachal.nic.in/en-IN/>) Просмотрено: 30.04.2018.
- Khokhlova L. V. (2000) Typological Evolution of New Indo-Aryan Languages // Berliner Indologische Studien. Vol. 13. S. 117-142.
- Khokhlova L. V. (2004) Resultative Structures in Russian, Hindi-Urdu and Punjabi // Indian Journal of Russian Language, Literature and Culture, Delhi, JNU publication. Vol. 5. P. 20-46.
- Kulikov L. (2013) Reconstructing passive and voice in Proto-Indo-European Proto-Indo-European Syntax and its Development // Journal of Historical Linguistics, 3:1. P. 98-121.
- Masica, C. P. (1993) The Indo-Aryan Languages. Cambridge University Press.
- Pahari, Kullu (2018) // Ethnologue (<https://www.ethnologue.com/language/kfx>) Просмотрено: 30.04.2018.

«Презенс нарушенного ожидания» в андийском языке*

Тимур Анатольевич Майсак
Институт языкознания РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
timur.maisak@gmail.com

1. Введение

Андийский язык относится к аваро-андийской группе нахско-дагестанской семьи и является одним из малых бесписьменных языков Республики Дагестан. Как и большинство языков андийской группы, андийский остается малоизученным, несмотря на то, что на протяжении XX в. появилось несколько грамматических очерков, охватывающих фонологию и морфологию этого языка — см. прежде всего [Дирр, 1906; Сулейманов, 1957; Церцвадзе, 1965; Салимов, 2001¹], а также неопубликованную рукопись [Кибрик, 1982], написанную по результатам экспедиции ОСиПЛ МГУ в с. Анди 1981 года. В ходе полевых исследований последних лет данные как о составе именной и глагольной парадигм, так и об употреблении грамматических форм продолжают пополняться, и данная публикация посвящена как раз одной из глагольных форм, в описаниях не освещавшихся.

Речь идет о форме на *-david*, условно называемой нами «презенсом нарушенного ожидания», которая необычна как на общедагестанском, так и на типологическом фоне с точки зрения своей семантики и пути грамматикализации. Ранее в описаниях андийского языка эта форма не отмечалась и не включалась в глагольную парадигму — при том что в некоторых работах она встречается в примерах или прилагаемых текстах. В 2015 г. она была заново открыта и изучена на материале говора с. Риквани (Ботлихский район Республики Дагестан) в ходе экспедиции НИУ ВШЭ, а затем обнаружена и в других источниках — текстах, прилагаемых к очеркам [Дирр, 1906; Салимов, 2001] и публикациях на андийском языке, появившихся в 2010-е годы (сборник сказок народов мира и перевод Евангелия от Луки на андийский язык).

* Работа над статьей выполнялась в рамках проекта РФФИ №18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии». Благодарим Ч. Р. Газиева и Р. Г. Газиева за помощь в изучении рикванинского говора андийского языка, а также С. Ферхеес за предоставление данных зиловского говора.

¹ Грамматический очерк в монографии Х. Г. Салимова основан на кандидатской диссертации автора, защищенной в 1968 г.

2. Глагольная парадигма андийского языка

Синтетические глагольные формы в андийском языке образуются от одной из двух основ: основы перфектива (аорист, перфект, масдар, прогрессив, перфективное причастие и деепричастие и пр.) или основы инфинитива (собственно инфинитив, презенс, хабитуалис, футурум, проспектив, интенционал и пр.) Презенс нарушенного ожидания относится ко второй подсистеме. Отрицательные эквиваленты образуются главным образом при помощи показателя *-s:u*, который присоединяется непосредственно к утвердительной форме. У некоторых форм (будущее, прохибитив) отрицание включает данный показатель, но образуется нерегулярно; кроме того, у перфекта и синкретичного с ним перфективного деепричастия имеется второй вариант отрицательной формы с показателем *-č'igu*.

В таблице 1 показаны основные формы индикатива и их отрицательные эквиваленты (приводятся формы глагола 'быть, стать' из рикванинского говора; начальное *w-* представляет собой классный показатель мужского класса). Как можно заметить, в «подсистеме инфинитива» презенс, проспектив и интенционал образованы непосредственно от инфинитива, тогда как будущее время — по всей видимости, от хабитуалиса (судя по нестандартной форме отрицания). Также бросается в глаза, что аффиксы интенционала и презенса нарушенного ожидания кажутся слишком «тяжелыми», что может отражать их относительно недавнюю грамматикализацию. Внутренняя форма интенционала при этом прозрачна: он образован от инфинитива при помощи квотативной энклитики *-vojđ*.

Таблица 1. Основные синтетические формы глагола 'быть, стать'

форма	утвердительные	отрицательные
Аорист	<i>w-uk'o</i>	<i>w-uk'o-s:u</i>
Перфект / перфективное деепричастие	<i>w-uk'o-d</i>	<i>w-uk'o-d-s:u</i> <i>w-uk'o-č'igu</i>
Прогрессив	<i>w-uk'o-rado</i>	<i>w-uk'o-rado-s:u</i>
Инфинитив	<i>w-uk'u-du</i>	<i>w-uk'u-du-s:u</i>
Презенс	<i>w-uk'u-duq</i>	<i>w-uk'u-duq-s:u</i>
Проспектив	<i>w-uk'u-dulq</i>	<i>w-uk'u-dulq-s:u</i>
Интенционал	<i>w-uk'u-duvojđ</i>	<i>w-uk'u-duvojđ-s:u</i>
Хабитуалис	<i>w-uk'u-do</i>	<i>w-uk'u-do-s:u</i>
Будущее	<i>w-uk'u-dja</i>	<i>w-uk'u-dos:ja</i>
Презенс нарушенного ожидания	<i>w-uk'u-david</i>	<i>w-uk'u-david-s:u</i>

3. Семантика презенса нарушенного ожидания

Особенность формы презенса нарушенного ожидания состоит в том, что она, не включая в свой состав показателя отрицания, имеет «отрицательное» значение и в изолированном контексте, как правило, перево-

дится носителями как отрицательное настоящее время ('не делает', 'не пишет', 'дождь не идет' и т.п.). Регулярное отрицание на *-s:u* у этой формы при этом также имеется, и эта отрицательная форма выражает уже утвердительное значение ('делает', т.е. 'не не делает', 'неверно, что не делает'), см. (1).

- (1) *musa-d wos:u-l'o kavar q^war-david-s:u*
 Муса-ERG брат-SUPER.LAT письмо писать-UNEXP.PRS-NEG
 {В ответ на сомнение собеседника в том, что Муса пишет письма брату: — Да нет, почему же.} 'Муса пишет брату письма.'

Если, однако, рассмотреть значение высказываний с презенсом нарушенного ожидания в более широком прагматическом контексте, то оказывается, что презенс на *-david* выражает не «логическое» отрицание в чистом виде. Данная форма описывает ситуацию, наличие которой в момент речи ожидается, однако ситуация не имеет места ('так и не делает', 'все еще не делает' и т.п.), см. примеры (2)-(3); иначе говоря, эта форма описывает *нарушение ожиданий* говорящего относительно текущей ситуации.

- (2) *djo hege-b c'in-navid²*
 я.AFF этот-N знать-UNEXP.PRS
 'Я этого так и не понимаю (хотя ты меня уже давно этому учишь).'

- (3) *anzi rel-david*
 снег дождить-UNEXP.PRS
 'Снег всё не идет (хотя уже январь).'

С субъектом-человеком в качестве одного из переводных эквивалентов нередко предлагается интерпретация 'не хочет делать', однако дезидеративный компонент как таковой в семантику формы, по-видимому, не входит: ср. (4), в котором эксплицитно задано желание субъекта осуществить действие. Кроме того, форма презенса нарушенного ожидания не имеет лексических ограничений и может использоваться с любым типом предиката и любым типом субъекта, в т.ч. неодушевленным (ср. (3)).

- (4) *w-ukun-nu žil'i-d, amma w-ukun-navid*
 М-есть-INF хотеть-PRF но М-есть-UNEXP.PRS
 'Хочет он есть, но так и не ест (например, стесняется).'

² В показателе *-navid* (как и в других показателях от основы инфинитива с начальным /d/) начальный согласный переходит в /n/ в результате ассимиляции конечным носовым согласным глагольной основы.

4. Поиск диахронического источника: внутриязыковые данные

Учитывая «отрицательную» семантику презенса нарушенного ожидания и при этом отсутствие в составе показателя *-david* собственно отрицательных морфем (по крайней мере тех, которые употреблялись бы с другими глагольными формами), можно задаться вопросом о том, каков в принципе мог бы быть диахронический источник и путь грамматикализации данной формы? Обратимся сначала к внутриязыковым данным.

Исходя из собственно фонетической формы показателя, *-david* выглядит как стяжение инфинитива на *-du* (к которому, как указывалось выше, восходит ряд форм «подсистемы инфинитива») либо хабицуалиса на *-do* с каким-то постпозитивным элементом (условно, *-avid*). Этот второй элемент при этом вполне может содержать показатель перфекта либо синкретичного с ним перфективного деепричастия на *-d*. Пока мы говорили только о показателе презенса нарушенного ожидания в риквинском говоре, однако данные других говоров не противоречат высказанной гипотезе: так, в андийском (с. Анди) и гагатлинском (с. Гагатли) говорах суффикс презенса нарушенного ожидания имеет вид *-david:u*, при этом показателем перфекта / перфективного деепричастия является *-d:u*. Таким образом, компонент *-avid* в составе суффикса *-david* (*-david:u*) диахронически может являться глаголом с корнем *-avi-* в форме перфекта либо деепричастия. Поскольку презенс нарушенного ожидания — финитная форма, логично в качестве исходной гипотезы принять, что глагол-источник имел именно финитную форму перфекта.

Противоречия в том, что этот предполагаемый источник выступал в форме прошедшего времени, а презенс нарушенного ожидания описывает ситуацию в настоящем, нет: как и в ряде других нахско-дагестанских языков, андийский перфект имеет и результативное значение, т.е. может описывать и состояние в настоящем (ср. *ingur arxon-d* ‘окно открыто’, *mašina bivi-d* ‘машина стоит’). Тем самым, в качестве источника компонента *-avid* должен был выступать глагол, допускающий результативное прочтение перфекта. Таким глаголом является, например, *b-ivi* ‘останавливаться’ (с начальной позицией для классного согласования), в форме перфекта *b-ivi-d* означающий ‘стоит’. В некоторых андийских говорах этот глагол выступает в качестве вспомогательного в аналитических формах прошедшего времени и, по-видимому, полностью или частично претерпевает превращение в глагол ‘быть’, см. [Кириков, 1982: 83–88; Rochant, Verhees, 2017]. Тем не менее, *b-ivi* ‘останавливаться’/‘быть’ не кажется идеальным кандидатом на роль источника для показателя презенса нарушенного ожидания. Во-первых, в случае стяжения **-du* (*-do*) + *b-ivi-d* (даже при выпадении классного префикса) остается необъяснимым /a/ в показателе *-david*. Кроме того, неочевидно, что аналитическая форма со вспомогательным глаголом ‘стоит’ должна была развиваться именно в «отрицательный презенс»

(условно, ‘делает-стоит’ > ‘так и не делает’), а не приобрести, например, обычное дуративное или континуативное значение (‘делает-стоит’ > ‘всё ещё делает’). В тех говорах, где *b-ivi* грамматикализован в качестве вспомогательного глагола, никаких особых оттенков значения типа нарушения ожиданий с ним не ассоциируется.

Ситуацию проясняют данные зиловского говора (с. Зило), в котором презенс нарушенного ожидания имеет всё ещё аналитическую, не до конца морфологизованную структуру, ср. *k'am-me-b-avij* ‘не ест, не хочет есть’, *l'ixin-ne-w-avij* ‘не спит, не хочет спать’. Смысловый глагол в данном случае выступает в форме хабицуалиса, который в зиловском говоре имеет показатель *-e* (*-me*, *-ne* при основах с исходом на носовой). Вспомогательный же глагол, как и в других говорах, стоит в форме перфекта *-avij* (в зиловском суффикс перфекта *-d* / *-d:u* перешел в *-j*) и сохраняет начальный классный показатель, ср. *b-* (3-й класс) в первом и *w-* (1-й класс) во втором из приведенных выше примеров. Таким образом, исходным вспомогательным глаголом в составе формы презенса нарушенного ожидания был глагол с корнем *-avi*. В говорах современного андийского языка, насколько нам известно, этот глагол зафиксирован только со значением ‘уствовать’ [Гудава, 1959: 66; Кибрик, Кодзасов, 1988: 168; Салимов, 2001: 38], ср. рикванинское *den w-avi-d* ‘я устал’. Говорят ли нам что-то об этом корне данные родственных языков?

5. Поиск диахронического источника: родственные языки

Единственным языком андийской группы, в котором нам удалось обнаружить глагол, однокоренной с андийским *b-avi* ‘уствовать’, оказался багвалинский (кванадинский говор). В словаре из приложения к грамматике [Кибрик и др. (ред.) 2001: 838] отмечается лексема *b-avi* ‘противиться, уклоняться, отказываться делать что-либо’ с начальным классным показателем³. В кванадинских текстах, прилагаемых к грамматике, имеется лишь три примера употребления данного глагола; один из них воспроизведен в (5).

(5) *k'wan-di* *haddil:ir* *q'erl'eri*, *din* *b-ih-i-ra*
кванадинец-PL долго бороться.AOR религия N-брать-IPF.INF

b-avi-b-o.

N-противиться-N-PF.CONV

‘Кванадинцы долго боролись, сопротивляясь принятию [=взять] религии.’ [Кибрик и др. (ред.) 2001: 732]

³ Интересно, что в багвалинско-русском словаре [Магомедова, 2004] (основанном на данных других говоров) такой глагол не отмечен.

Еще в двух языках засвидетельствованы грамматические показатели, напоминающие по форме показатель андийского презенса нарушенного ожидания: можно предполагать, что эти показатели, как и упомянутый выше багвалинский глагол, имеют общее происхождение. В годоберинском языке имеется отрицательное презентное деепричастие ('не делая') на *-ibavi* [Саидова, 1973: 139; Kibrik (ed.), 1996: 47, 50, 53–54], причем в грамматике под ред. А. Е. Кибрика специально отмечается, что морфологический источник данного показателя неясен; ср. *buk:-ibavi* 'не падая'⁴. В ботлихском языке представлена аналитическая форма от инфинитива, включающая вспомогательный «отрицательный глагол» *b-avi* с классным префиксом [Гудава, 1962: 149]; ряд примеров этой конструкции встречается в словаре [Саидова, Абусов, 2012], ср. *epila min l'ibda w-ahi w-avi?* 'Почему ты не танцуешь?' (с префиксом мужского класса).

6. Предварительные итоги

Имеющиеся на сегодня данные, как нам кажется, позволяют постулировать в качестве источника андийского презенса нарушенного ожидания аналитическую форму «хабитуалис + вспомогательный глагол **b-avi* в форме перфекта». В ряде андийских говоров данная конструкция уже далеко продвинулась по пути грамматикализации: бывший вспомогательный глагол более не идентифицируется в качестве такового, полностью слит с (бывшим) смысловым глаголом, префиксальный классный показатель утрачен (ср. рикванинское *-david*). Грамматические формы, следующие близкому пути грамматикализации, отмечаются как минимум в годоберинском и ботлихском языках, ареально наиболее близких к андийскому, что может говорить о том, что мы в данном случае имеем дело с ареальной (контактной?) грамматикализацией либо с внутригенетическим «параллельным дрейфом» трех близкородственных языков. Пока еще задачей на будущее остается идентификация и семантическая реконструкция **b-avi* как лексической единицы в андийских языках.

Интересно, что, насколько нам известно, в языках Дагестана ни грамматикализация видов-временных форм со встроенным значением нарушенного ожидания, ни происхождение отрицательных (или близких к ним) показателей из «внутренне отрицательных» глаголов типа 'уклоняться, отказываться' не являются хорошо засвидетельствованными путями грамматического развития.

⁴ Заметим, что, согласно описанию 1996 года, форма на *-ibavi* образуется от исходной основы глагола. Можно считать, однако (особенно учитывая данные родственных языков), что в действительности эта форма образуется от инфинитива на *-i* при помощи показателя *-bavi* (*-i* является ударным как в инфинитиве, так и в форме отрицательного деепричастия).

Список условных сокращений

AFF — аффектив; AOR — аорист; ERG — эргатив; INF — инфинитив; IPF.INF — имперфективный инфинитив; M — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; PF.CONV — перфективное деепричастие; PL — множественное число; PRF — перфект; SUPER.LAT — суперлатив; UNEXP.PRS — презенс нарушенного ожидания.

Литература

- Гудава Т. Е. (1959) Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала: ИЯЛИ.
- Гудава Т. Е. (1962) Ботлихский язык (Botlixiği eña). Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР.
- Дирр А. М. (1906) Краткий грамматический очерк андийского языка // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 36. Отд. 4. С. 1–200.
- Кибрик А. А. (1982) Фрагменты системы финитных глагольных форм в андийском языке. Экспедиционный отчет. Анди – Москва. (Рукопись.)
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. (1988) Сопоставительное изучение дагестанских языков: Глагол. М.: Изд-во МГУ.
- Кибрик А. Е., Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. (Ред.). (2001) Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: ИМЛИ РАН.
- Магомедова П. Т. (2004) Багвалинско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Саидова П. А. (1973) Годоберинский язык. Махачкала: ИЯЛИ Даг. фил. АН СССР.
- Саидова П. А., Абусов М. Г. (2012) Ботлихско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Салимов Х. С. (2010) Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Сулейманов Я. Г. (1957) Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР.
- Церцвадзе И. И. (1965) Андийский язык (Andiği eña). Тбилиси: Наука.
- Kibrik A. E. (Ed.) (1996) *Godoberi*. Munich: Lincom.
- Verhees S., Rochant N. (2017) The (auxiliary) verb *b-ividu* in Andi // *Historical Linguistics of the Caucasus: Book of abstracts*. Paris, 12–14 April, 2017 / Историческое изучение языков Кавказа: Тезисы докладов Международной научной конференции. Париж, 12–14 апреля 2017 г. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН. P. 197–200.

Фактатив в языке акебу^{*}

Надежда Владимировна Макеева
Институт языкознания РАН
umuta11@yandex.ru

Андрей Болеславович Шлуинский
Институт языкознания РАН
ashl@yandex.ru

1. Введение

Язык акебу принадлежит к группе кебу-анимере семьи ква (Западная Африка; входит в макросемью нигер-конго) и распространен в префектуре Акебу республики Того. Материал исследования, включающий элицитированные данные и естественные тексты, был получен в рамках экспедиции в деревню Джон (с выходами в деревни Котора и Джитраме) 2012, 2013 и 2016 гг. (авторы, П.А. Коваль, Н.А. Муравьев, Д.С. Шаварина). Предварительное обзорное описание глагольной системы акебу было предложено в (Макеева, Шлуинский, 2013). Полученные впоследствии данные показали, что требуется уточнение описания: в частности, мы обнаружили в акебу глагольную категорию фактатива.

Термином фактатив в африканистике и отчасти за ее пределами (Welmers, 1973; Плунгян, 2003; Шлуинский, 2012) называется глагольная форма с нефиксированной временной референцией и аспектуальной интерпретацией. В сочетании с глаголами, описывающими устойчивые состояния, фактатив имеет имперфективную интерпретацию и референцию к настоящему, а в сочетании с предельными глаголами — перфективную интерпретацию и референцию к прошлому; глаголы с промежуточными акциональными значениями распределяются между интерпретациями фактатива различным образом в разных языках. Для фактатива типологически характерно быть нейтральным способом выражения соответствующей видо-временной семантики и иметь морфологически наиболее простые (в частности, нулевые) показатели.

В акебу представлена глагольная форма, для которой такое определение фактатива является верным только в отношении нефиксированной временной референции, но которая в то же время имеет ряд нетривиальных особенностей.

^{*} Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФФ №17-78-20071.

2. Фактатив в глагольной системе акебу

Большая часть значений времени, вида, модальности и полярности выражаются в глаголе акебу кумулятивно с лицом, числом и именным классом при помощи серий согласовательных показателей (хотя представлены также специальные аффиксы, занимающие слот между классно-лично-числовым показателем и глагольной основой). Так, в (1a-b) показаны в качестве примера перфектив и использующий базовую серию конъюнктив от глагола *t̃* ‘падать’. В фактативе (1c), как и в конъюнктиве, используются морфологически наиболее простые базовые классно-лично-числовые показатели, но для его образования используется специализированная фактативная основа, формально более сложная, чем исходная.

- (1) a. *gúú-ká* *kà-lā-t̃*
ложка-КЭ КЭ-3.PFV-падать
‘Ложка упала.’
- b. *ŋ-píí* *gúú-ká* *kà-t̃*
1SG-хотеть_{ФСТ} ложка-КЭ КЭ-падать [SBJV]
‘Я хочу, чтобы ложка упала.’
- c. *gúú-ká* *kà-t̃ṣṣ*
ложка-КЭ КЭ-падать_{ФСТ}
‘Ложка (когда-то) падала.’

3. Образование фактативной основы

Имеющийся материал позволяет разделить глаголы акебу на правильные, для которых фактативная основа вычислима из сегментной и тональной структуры исходной, и неправильные.

Правильные глаголы подчиняются следующим закономерностям. 1) Если исходная основа имеет структуру CV или CV₁V₂ (причем согласный не глайд и не носовой), происходит удвоение гласного и повышение тона¹: *t̃à* > *t̃āā* ‘просить’; *cō* > *cób* ‘рассказывать’; *fú* > *fúú* ‘покупать’. 2) Если исходная основа имеет структуру CVV (причем согласный не глайд и не носовой), происходит повышение тона: *p̃ḍḍ* > *p̃ḍḍ* ‘глотать’; *fēē* > *fēé* ‘подметать’; *pób* > *pób* ‘звать’. 3) Если исходная основа имеет структуры CV (согласный основы глайд или носовой) или CVŋ, то происходит наращение основы формантом *-IV* / *-IV* / *-nV* / *-nV*, сопровождаемое следующими фонологическими процессами. Если лексический тон исходной основы низкий, то он повышается до среднего.

¹ В акебу различаются три уровневых тона. При повышении тона низкий тон заменяется на средний, средний на высокий, а высокий не изменяется.

Тон наращеня основы средний, если лексический тон исходной основы низкий, и высокий, если лексический тон исходной основы средний или высокий. Происходит прогрессивная гармония, уподобляющая гласный наращеня основы гласному корня ($v \rightarrow i / e, i_{-}; u / o, u_{-}; i / a, a, i_{-}; o / \text{ɔ}, o_{-}; i / \varepsilon, i_{-}$). /n/-вариант наращеня основы используется, если согласный исходной основы CV носовой или если исходная основа имеет структуру CVŋ; в последнем случае финальная фонема /ŋ/ элидируется: *mɔ̄* > *mɔ̄nɔ̄* ‘смеяться’; *wɔ̄* > *wɔ̄lú* ‘жевать’; *yé* > *yélí* ‘делать’; *kòj̄* > *kònj̄* ‘быть длинным’; *téj̄* > *ténj̄* ‘говорить’; *káj̄* > *kání* ‘покупать’. 4) Если двустопная основа имеет структуры CVVCV или CV₁V₂V₂CV с тональным контуром низкий-низкий высокий, стативная основа образуется при помощи инверсии тонов: *cèèní* > *cèèní* ‘благодарить’; *kɔ̀òòrú* > *kɔ̀òòrú* ‘быть большим’.

Среди неправильных глаголов представлены следующие случаи. 1) Фактативная основа совпадает с исходной: *tí* > *tí* ‘быть черным’; *tíní* > *tíní* ‘быть крепким’; *sīēētī* > *sīēētī* ‘поворачиваться’. 2) Фактативная основа имеет два способа образования, находящихся в отношении свободного варьирования: одна совпадает с исходной, а другая образуется при помощи правил, применяемых к правильным глаголам: *lè* > *lè* ~ *lèè* ‘быть’; *lēj̄* > *lēj̄* ~ *léní* ‘быть тяжелым, серьезным’. 3) Фактативная основа образуется от исходной посредством различных нестандартных правил: *pā* ‘приходить’ > *pāl̄*; *tíní* > *tíní* ‘ставить, класть’; *sūnū* > *sūūnū* ‘быть глубоким’; *náání* > *náání* ‘быть большим’; *kùùnáá* > *kūūnáá* ‘быть горячим’; *kūj̄* > *kòònj̄* ‘давать’.

Показатель согласования с именной группой подлежащего, вершина которой относится к именному классу TƏ, является не сегментным, а выражается при помощи озвончения начального согласного глагола. В этом контексте у фактативной основы происходит дополнительное понижение тона первого слога, ср. (2a-b) от глагола *tāj̄* ‘быть вкусным’.

(2) a.	<i>gà-kā</i>	<i>sā</i>	<i>kà-tāní</i>	b.	<i>gbèdā</i>	<i>Ø-dāní</i>
	мясо-КƏ	этот	КƏ-вкусный _{ГСТ}		маниока.ТƏ	ТƏ-вкусный _{ГСТ}
	‘Это мясо вкусное.’				‘Маниока вкусная.’	

4. Выбор временной референции фактатива и акциональность

Типологическое ожидание, как было сказано, состоит в том, что референция фактатива определяется акциональными свойствами глагола. Таблица 1 содержит результаты сопоставления временной референции фактатива 269 глаголов акебу² с акциональными свойствами перфектива.

² Численные данные в таблице 1 имеют предварительный характер в связи с ограниченностью материала. В частности, в ней не разделялись, кроме отдельных случаев, переходное и непереходное прочтение лабильных глаголов и разные лексические значения полисемичных глаголов. О наличии или отсутствии у перфектива значения длежащего состояния известно не для всех глаголов.

Таблица 1. Временная референция фактатива и акциональное значение перфектива

акциональное значение перфектива	референция фактатива	количество
вхождение в состояние	к прошлому (с аналогичным акциональным значением)	182
вхождение в состояние, длящееся результирующее состояние		17 (+)
завершенный процесс		22
завершенное состояние		8
вхождение в состояние	к настоящему (устойчивое состояние) или контекстно обусловленная к прошлому (с аналогичным акциональным значением)	31
вхождение в состояние, длящееся результирующее состояние		6
завершенное состояние		2
*		1
ВСЕГО		269

Как видно из таблицы 1, в акебу, вопреки ожиданиям, глаголы с аналогичными акциональными свойствами попадают в разные классы с точки зрения временной референции фактатива. Даже среди глаголов, обозначающих устойчивые состояния в качестве единственной интерпретации перфектива, представлены как глаголы с референцией фактатива к прошлому (3b), так и с основной референцией к настоящему (4b).

- (3) a. *tù-wā sā wà-lā-pānī*
 вещь-WЭ этот WЭ-3.PFV-существовать_долго_{ФСТ}
 ‘Эта вещь существовала долго.’
- b. *tù-wā sā wà-pānī*
 вещь-WЭ этот WЭ-существовать_долго_{ФСТ}
 ‘Эта вещь (когда-то) существовала долго.’
- (4) a. *lī-yā sā lā-fāālā*
 человек-ИУ этот 3.PFV-ловкий
 ‘Этот человек был ловким (в определенной ситуации).’
- b. *lī-yā Ø-fāālā*
 человек-ИУ ИУ-ловкий_{ФСТ}
 ‘Этот человек ловкий.’

5. Употребление фактатива

Основная имперфективная интерпретация с референцией к настоящему не исключает в акебу возможной контекстно обусловленной референции к прошлому (5b).

- (5) *lī-yā sā Ø-sāá*
 человек-ИУ этот ИУ-худой_{ФСТ}
 a. ‘Этот человек худой.’
 b. ‘Этот человек (когда-то) похудел.’

Фактатив с референцией к прошлому воспринимается носителями как более неактуальное прошедшее³ по сравнению с формой перфектива, но фактически обе формы могут иметь одинаковую временную референцию (6a-b). Фактатив с референцией к настоящему и перфектив длящегося состояния различаются тем, описывают ли они временное состояние или устойчивое (7a-b).

(6) a. *má kèè-yā lā-pā àsāākā*
 1SG.POSS друг-ДУ 3.PFV-приходить вчера
 ‘Мой друг пришел / приходил вчера.’ {a=b}

b. *má kèè-yā Ø-pālí àsāākā*
 1SG.POSS друг-ДУ ДУ-приходить_{ФСТ} вчера

(7) a. *ná-cíí*
 1SG.PFV-грязный
 ‘Я грязный {испачкался}.’

b. *ŋ-cíí*
 1SG-грязный_{ФСТ}
 ‘Я грязный {грязнуля}.’

Фактатив используется как основная форма в нарративе, в том числе бытовом:

(8) *kèè-sīsāŋ-yā ká ná-càŋ ò-sú-yá sā*
 месяц-первый-ДУ когда 1SG.PFV-возделывать YƏ-ямс-YƏ этот
ná-lé kíkíí wə wə ŋ-tóó búí-tá sā
 1SG.PFV-заканчивать весь PTCL и 1SG-строить тент-ТƏ этот
 ‘В январе, когда я закончил выращивать ямс, я **построил** этот тент.’

Утвердительным формам перфектива и фактатива соответствует единая форма отрицания:

(9) *kɔ́tú-yá sā lòd-pōŋ mā má*
 девушка-ДУ этот 3.PFV.NEG-хороший с/и 1SG.O
 ‘Эта девушка мне не понравилась || не нравится.’

6. Заключение

Таким образом, форма фактатива в языке акебу характеризуется интересным сочетанием типологически ожидаемых и типологически нетривиальных особенностей.

³ При переводе на французский, являющийся языком-посредником в полевой работе, перфективу соответствует Passé Composé, а фактативу – Plus-que-parfait.

В том, что касается морфологии, с одной стороны, мы имеем дело с базовой серией классно-лично-числовых показателей, что вписывается в ожидания относительно наиболее простой формы. С другой стороны, для образования фактатива в акебу используется специальная более сложная основа, не совпадающая с исходной.

В том, что касается семантики, вполне ожидаемо, что во всех случаях, когда фактатив имеет референцию к настоящему, он обозначает устойчивое состояние. В то же время нетривиальным образом при выборе временной референции фактатива обнаруживается отсутствие прямой связи с акциональными свойствами, обнаруживаемыми на материале других форм, вплоть до наличия устойчивых состояний, которые ведут себя по-другому. Вполне естественно, что в некоторых контекстах — в частности, в нарративе, фактатив используется как основная форма. В то же время остается неясной его коннотация неактуального прошлого как в плане ее источника, так и с точки зрения реальной взаимной дистрибуции с перфективом.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; КЭ, ПЭ, ТЭ, WЭ, YЭ — наименования именных классов (по соответствующим им местоимениям) и их показатели; FCT — фактативная основа; NEG — отрицание; O — объектное местоимение; PFV — перфектив; POSS — посесивное местоимение; PTCL — частица; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число.

Литература

- Макеева Н. В., Шлуинский А. Б. (2013) Базовая глагольная система языка акебу // Выдрин В. Ф. и др. (Ред.). Африканский сборник 2013. СПб.: Лема. С. 359-376.
- Плунгян В. А. (2003) Африканские глагольные системы: заметки к типологии // Виногорадов В. А., Топорова И. Н. (Ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. М.: Восточная литература. С. 5-40.
- Шлуинский А. Б. (2012) Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Acta Linguistica Petropolitana (Труды ИЛИ РАН). Т. VIII, №2. С. 950-996.
- Welmers W. E. (1973) African Language Structures. Berkeley – Los Angeles – London: University of California press.

Диалект села Старошведское: некоторые итоги и перспективы изучения*

Александр Евгеньевич Маньков
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Гётеборгский университет
mankov2017@gmail.com

Диалект села Старошведское исторически относится к шведским диалектам Эстонии, которые до Второй мировой войны были распространены на полуострове Ноароотси (шведское название — Nuckö), в сёлах Курксе (шв. Korkis) и Вихтерпалу (шв. Vippal) и на островах Моонзундского архипелага: Осмуссаар (шв. Odensholm), Вормси (шв. Ormsö), Суур-Пакри и Вяйке-Пакри (шв. Stora och Lilla Rågöarna), Рухну (шв. Runö), Найссаар (шв. Nargö), Хийумаа (шв. Dagö). Исторически эти диалекты возникли в результате восточно-скандинавской экспансии в восточном направлении (с XIII–XIV вв.), однако в отличие от Исландии и Фарерских островов в Эстонии не сложилось скандинавского литературного языка. В 1782 г. около тысячи шведов — жителей о. Дагё, который тогда принадлежал Российской империи, были переселены на юг Херсонской губернии, где на берегу Днепра было основано поселение, впоследствии получившее название Старошведское (по-шведски Gammalsvenskby, современное украинское название — Зміївка). Все шведские диалекты Эстонии, кроме Старошведского, на данный момент являются вымершими, поэтому диалект Старошведского — это не только единственный живой скандинавский диалект на территории бывшего СССР, но и единственный живой диалект из данной группы.

Наша первая экспедиция в Змиевку-Старошведское-Gammalsvenskby состоялась осенью 2004 года. Она была весьма краткой, цель заключалась в выяснении лингвистической ситуации в селе, т.к. в то время о ней не было известно практически ничего: сохраняется ли скандинавский диалект — тот, на котором говорили основатели села и который восходит к диалекту острова Дагё? Если сохраняется, то что он собой представляет? Кто на нём говорит? С первого же разговора со «старым шведом» (это был ныне покойный Густав Аннас; «старые шведы» — так называют носителей диалекта в селе) нам стало ясно, что диалект сохранился как целостная языковая система, по крайней мере у fluent speakers.

* Работа выполнена в рамках проекта «Диалект села Старошведское: изучение лексики и составление словаря» при финансовой поддержке Фонда развития ПСТГУ.

Он отличается от стандартного шведского языка: основатели села были выходцами не из Швеции и говорили не на литературном языке той эпохи, а на диалекте о. Дагё. С 2004 по 2013 гг. экспедиции проходили каждый год; была поставлена задача как можно более подробного документирования диалекта.

Да начала нашей работы диалект был предметом специального изучения в 1881 и 1904–1905 гг. Его первоисследователем является шведский диалектолог Херман Вендёлль, который приезжал в село летом 1881 г. и собрал там значительный лексический материал для «Словаря шведских диалектов Эстонии» (Freudenthal, Vendell, 1886). Этот словарь остаётся единственным опубликованным источником по лексике диалекта. Позже материал Старошведского был выборочно включён Вендёллем в «Словарь восточношведских диалектов» (Vendell, 1907). В этом словаре представлена лишь незначительная часть диалектной лексики, а именно: те слова, которые отсутствуют в литературном шведском; диалектные слова, имеющие значения, отсутствующие у соответствующих литературных слов; слова, форма которых значительно отличается от литературной (Vendell, 1907, v). Вторым исследователем диалекта был Антон Карлгрэн. Он работал в селе зимой 1904–1905 гг. и составил краткое описание фонетики и словоизменения, изданное много лет спустя (Karlgren, 1953). Несмотря на краткость, статья Карлгрэна значительно упростила нашу работу по изучению морфологии диалекта, несмотря на то, что грамматика современного диалекта далеко не идентична описанию Карлгрэна. После работы Карлгрэна наступил перерыв в более чем 100 лет. По существу, весь XX в. диалект просуществовал в некой серой зоне, сведения о нём ограничивались краткими разнородными заметками, систематической документации не проводилось. Повидимому, о существовании диалекта не было известно московским лингвистам (мы впервые услышали о нём в 2004 г. от директора Российско-шведского центра РГГУ Т.А. Тоштендаль-Салычевой, которая и предложила нам заняться его изучением). Как ни странно, он не изучался и шведскими лингвистами, хотя о самом селе в Швеции хорошо знают с 1980-х гг., когда начались систематические контакты между селом и Швецией. В целом, существование диалекта попросту не замечалось ни властями, ни в академических кругах; использование диалекта, насколько нам известно, никогда официально не запрещалось, но никогда и не поддерживалось. Диалект никогда не использовался в школьном образовании в селе, в том числе до революции. В первые послевоенные годы диалектная речь воспринималась не-носителями враждебно, т.к. диалект ассоциировался с немецким языком. В этом была горькая ирония судьбы, т.к. носители диалекта пострадали от немцев едва ли меньше, чем все остальные жители села. Враждебное отношение к диалекту у окружающих не могло не влиять на отношение к нему самих носителей; кроме того, была свежа память о репрессиях 30-х годов в отношении

шведов села. Всё это привело к тому, что нынешние носители не разговаривали на диалекте со своими детьми, которые родились в 40-е и 50-е годы. Эти дети стали поколением, для которых диалект уже не был первым языком. Ситуацию ещё можно было изменить в 70-е и 80-е годы, когда старшее поколение могло бы говорить на диалекте со своими внуками. Однако этого не произошло. Представители старшего поколения говорили на диалекте только между собой, что по существу явилось лингвистическим самоубийством. «Вам это не нужно знать» — ответ одной из пожилых носительниц на вопрос её внучки, что и на каком языке говорит бабушка, и такое отношение нам приходилось наблюдать лично. В настоящее время диалект находится в условиях между повышенной и максимальной угрозой. Число носителей на сегодняшний день не превышает 10 человек, причём эта группа неоднородна с точки зрения языковой компетенции; выделяются высококомпетентные и среднекомпетентные носители (*fluent and semi-speakers*). Для первых диалект был основным языком в детстве и юности; вторые освоили его во взрослом возрасте в ходе устного общения. Основным языком в селе сейчас является суржик; все носители диалекта свободно говорят по-немецки и по-шведски. Большую часть XX в. носители диалекта не составляли языковой континуум, были окружены другой языковой средой, являясь в ней «островами» и не образуя «материк». Скорее всего, на диалекте в качестве первого языка больше никогда не заговорит ребёнок. Даже если произойдёт возрождение диалекта, он будет выученным языком. В то же время, для высококомпетентных носителей, с которыми мы работали в ходе экспедиций в село, диалект безусловно является высокой ценностью. Все они добросовестно, с удовольствием и активно принимали участие в интервью. Так, Л.А. Утас постепенно стала сама называть незаписанные ранее слова, приводить примеры словоупотребления, а также указывать на неточности и пробелы, становясь таким образом участником исследования собственного языка. При необходимости она неоднократно и медленно повторяла слова и фразы, что дало возможность их тщательно записать и затем проверить. В целом, изучение диалекта оказалось возможным только благодаря содействию носителей и поэтому в значительной степени является их заслугой.

Сфера использования диалекта никогда не выходила за пределы бытового общения дома и в сельской работе. Возможно, раньше существовали сказки, песни, былички и т.п., однако современным носителям они не знакомы: за исключением единичных поговорок и пословиц, нами не было записано никаких образцов устного народного творчества. Имеются отдельные опыты небольших прозаических повествований и стихотворений на диалекте, однако считать это литературой, разумеется, нельзя. Диалект никогда не использовался для каких-либо сообщений в прессе. Таким образом, он во все времена был средством исключительно устного общения. Однако в этой сфере диалект в том его варианте,

на котором говорят высококомпетентные носители, является полностью функциональной системой и полноценно обеспечивает потребности повседневного общения.

В разное время лингвистами использовались по меньшей мере три системы записи диалекта:

— Система, разработанная Венделлем и применяемая в «Словаре шведских диалектов Эстонии». Эта система представляет собой причудливую смесь шведского и исландского алфавитов с добавлением многочисленных особых букв.

— Запись посредством *landsmålsalfabetet* («диалектный алфавит») применяется в работах Карлгрена, а также в «Словаре восточношведских диалектов» Венделля. *Landsmålsafabetet* — это шведский аналог МФА, который был разработан в 1878 г. для фонетической транскрипции шведских диалектов. Он позволяет весьма точно отображать произношение и до сих пор используется в работах по шведской диалектологии. Большинство символов взято, естественно, из латинского алфавита, однако имеется много знаков, которые отличаются как от латинского алфавита, так и от МФА. *Landsmålsafabetet* ориентирован на профессиональных лингвистов-скандинавистов и из-за многочисленных специфических знаков требует специального освоения; кроме того, он требует установки на компьютер особого шрифта.

— Система записи, максимально приближенная к современной шведской орфографии. Она используется в более поздних работах, например в книгах Нильса Тиберга, Эдвина Лагмана и Херберта Лагмана.

В нашей работе мы вначале пользовались МФА, однако по мере расширения материала решили отказаться от записи всех текстов в виде фонетической транскрипции. При переходе к новой системе записи мы исходили из следующих принципов:

— Все буквы должны быть однозначными, т.е. в нашей системе не должно быть случаев, когда одна и та же буква обозначает существенно различающиеся звуки или, наоборот, один и тот же звук обозначается разными буквами.

— Одиночные звуки не должны обозначаться сочетаниями двух или трёх разных букв (но удвоение одной и той же буквы допускается — это необходимо для обозначения долготы согласных, имеющейся в диалекте).

— Количество особых символов и диакритик должно быть сведено к минимуму.

— Система записи не должна требовать значительного освоения; желательно, чтобы она была интуитивно понятной, причём не только лингвистам, но и лицам, не имеющим лингвистического образования, в том числе жителям села.

— Система записи при этом не должна значительно нарушать преемственность традиции и вызывать недоумение у коллег.

— Наконец, она не должна требовать установки на компьютер особого шрифта и не должна создавать технических проблем при публикации.

Также мы решили учесть ещё одно соображение: система записи не должна быть ориентирована исключительно на шведских читателей. Дело в том, что потомки жителей села живут не только в Швеции, но и, например, в Канаде. Кроме того, в самом селе далеко не все жители владеют шведским языком, поэтому желательно, чтобы система учитывала лиц, не владеющих шведской орфографией. По этой причине мы, в частности, отказались от обозначения гласного [u] буквой *o* (ср. шв. *blod* [blu:d] ‘кровь’), а гласного [o] буквой *å*; в нашей системе [o] — *o*, [u] — *u*. Что касается специфических гласных [ɛ], [u:], то мы обозначаем их как *ï*, *ü*; в стандартном шведском соответствующие гласные обозначаются буквой *u*. Заметим, что *ï* используется Венделлем для обозначения того же гласного (однако соответствующий долгий гласный обозначается им как *ú*, что создаёт непоследовательность). Буквы *ä* и *ö* обозначают у нас те же гласные, что в шведском. В шв. *bord* ‘стол’, *kort* ‘короткий’, *kvarn* ‘мельница’, *fors* ‘водопад’ в стандартном случае в конце слышатся одиночные согласные (постальвеолярные *d, t, n, s*), которые в силу исторических причин обозначаются сочетанием двух разных букв (*r + d* и т.д.). Мы обозначаем эти звуки как *d, t, n, s*. В случае, если эти согласные являются долгими, буквы удваиваются. Буква *l* обозначает не постальвеолярное *l*, а согласный другого типа: кончик языка поднимается высоко вверх и затем опускается, один раз касаясь альвеол (ретрофлексный флэп).

Таким образом, если не принимать в расчёт буквы *ä, ö, ü*, обозначение долготы и обозначение ударения, единственной используемой нами диакритикой является точка под буквой, а единственный символ, отсутствующий в латинском алфавите, — *ŋ*. Нам, однако, пришлось сделать одно существенное исключение из принципа «один звук = одна буква». В таких диалектных словах как *djūr* ‘животное’, *vidje* ‘ива’, *gjūd* ‘делал’, *sjānd* ‘с тех пор, как’, *sjün* ‘человек’, *sjäksa* ‘шесть’, *sjäksta* ‘шестнадцать’, *sjō!* ‘душа’, *tjānd* ‘прочь’, *tjölge* ‘вырезать’ в начале слов слышатся не те же согласные, что в шведском, а палатализованные *d, g, n, s, t*. Мы обозначаем их двумя разными буквами: *d + j* и т.д.; это создаёт двусмысленность, однако кажется всё же более удобным, чем введение диакритики или символов. Итак, наша система записи: *a* [a], *ā* [a:], *e* [ɛ], *ē* [e:, ɛ:]¹, *i* [i], *ī* [i:], *o* [o], *ō* [o:], *u* [u], *ū* [u:], *y* [y], *ä* [ɛ, æ], *ā* [ɛ:, æ:], *ö* [œ], *ō* [œ:, ø:]², *ï* [ɛ], *ü* [u:], *äi* [ɛ:i, ɛi], *öü* [œ:u, œü]³. Согласные: *b* [b], *d* [d], *d̥* [d̥], *f* [f], *g* [g], *h* [h], *j* [j], *k* [k], *l* [l], *l̥* [l̥], *m* [m], *n* [n] ([ŋ] перед *k*), *ŋ* [ŋ], *p* [p], *r* [r], *s* [s], *š* [ʃ], *t* [t], *t̥* [t̥], *v* [v], *x* [x], *z* [z], *z̥* [z̥].

¹ *ē* реализуется как дифтонгоид [e:]¹ внутри морфем, как в закрытых, так и в открытых слогах: *h[e:]n* ‘курица’, [e:]*ra* ‘ухо’; [ɛ:] (долгое закрытое *ē*) встречается в конце морфем: *brē* ‘хлеб’, *brē-är* ‘братья’, *dē-är* ‘мёртвый’.

² [ɛ, æ] и [œ, ø], как краткие, так и долгие, находятся в свободном варьировании.

³ Дифтонги обычно сокращаются перед долгим согласным или группой согласных, при этом второй элемент дифтонгов произносится очень кратко: *g[ɛi]glar* ‘жабры’, [œü]*ks-brün* ‘бровь’.

Что касается уровня документированности диалекта, то опубликован обзор фонетики (Маньков, 2010а), описание грамматических категорий существительных (2010b), обзор словоизменения (2013а), описание суффиксального словообразования существительных (2013b). Эти работы основаны на материале интервью с теми носителями, которые обладают высоким уровнем языковой компетенции. Исследование других вариантов диалекта и структурных изменений, происходящих в них, начато в статье Маньков 2013с. Славянские заимствования в диалекте были рассмотрены в статьях Д.В. Дяченко (2016, 2017). Социолингвистическими вопросами, а также изменениями, характерными для среднекомпетентных носителей, и проблемами вариативности занимается шведский исследователь Людвиг Форсман (Forsman, 2012; 2014а; 2014b; 2015, 2017). В 2014 г. начата публикация словаря (Маньков, 2014), на сегодняшний день она доведена до конца буквы *К*. В апреле 2018 г. Национальное общество «Контакт со Швецией» (Riksföreningen Sverige-kontakt) в сотрудничестве с Институтом шведского языка Гётеборгского университета организовало проект, посвящённый изучению диалекта; его ближайшей целью является создание электронного словаря.

В заключение следует сказать, что судьба диалекта является частью той беспрецедентной катастрофы исчезновения языков, которая сейчас происходит в мире. В чём конкретные причины того крайне неблагоприятного положения, в котором находится диалект? Прежде всего, это, конечно, катастрофические события первой половины XX в.: и коллективизация, и репрессии 30-х годов, и угон немцами в Германию, и ссылка на спецпоселение в Коми АССР после войны. В результате этих событий нормальный уклад жизни в селе был разрушен; следовательно, диалект лишился своей естественной среды. В нынешнем селе владение диалектом не подкреплено никакими прагматическими соображениями, он существует вне каких-либо систем координат, имеющих практическое значение. Для повседневного общения используется суржик, официальным языком является украинский, для образования необходим украинский, русский и английский, для общения со шведами и для поездок в Швецию — стандартный шведский. Те, кто владеет немецким языком, слышат и используют его в немецкой церкви. Таким образом, единственная «ниша» диалекта — это повседневное общение пожилых носителей. Однако отсутствие прагматического стимула и трагические исторические события являются не единственной и возможно даже не главной причиной упадка диалекта. Спасти язык от вымирания может только интерес, уважение и любовь его носителей к своим корням. Ключевую роль в этом, как нам кажется, играет наличие в сообществе лиц, пользующихся авторитетом и способных внушить устойчивый интерес и уважение к языку. Ими, вероятнее всего, могут быть представители интеллигенции, имеющие, в идеале, гуманитарное образование. В Старошведском среди носителей диалекта в XX веке не было таких людей,

притом что этот век стал именно той эпохой, когда требовалась борьба за сохранение своего языка. Ожидать от простых людей понимания ценности своего языка и необходимости его сохранения не всегда реалистично, особенно на фоне репрессий и лишений.

Литература

- Дяченко Д. В. (2016) Русские и украинские заимствования в диалекте села Старошведское: имена существительные // Коношенко М. Б., Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. (Ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. М.: МПГУ. С. 115–130.
- Дяченко Д. В. (2017) Славянские заимствования в современном диалекте села Старошведское: лексические и грамматические процессы // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: ИЯ РАН. С. 66–80.
- Маньков А. Е. (2010а) Диалект села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 19. С. 7–26.
- Маньков А. Е. (2010б) Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 20. С. 92–111.
- Маньков А. Е. (2013а) Диалект села Старошведское: обзор морфологии // Тоштендаль-Салычева Т. А. (Ред.). Мир шведской культуры: Сборник статей. М.: РГГУ. С. 55–105.
- Маньков А. Е. (2013б) Суффиксальное словообразование существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 31. С. 21–31.
- Маньков А. Е. (2013с) Проблема структурных изменений в исчезающем языке // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 32. С. 30–44.
- Маньков А. Е. (2014) Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (а — brist-bäin) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 38. С. 91–130.
- Forsman L. (2012) The linguistic ecology of the death of Swedish in Ukraine // Koskensalo A., Smeds A. J., Cillia R. de, Huguet A. (Eds.). Language: Competence — Change — Contact. LIT Verlag. P. 221–238.
- Forsman L. (2014а) Svensk etnicitet utan svenskt språk i Gammalsvenskby // Kosunen R., Lepistö K., Rossi P. (Red.). Svenskan i Finland 14. Oulu: Oulun yliopisto. S. 47–60.
- Forsman L. (2014б) Perfektums försvinnande i Gammalsvenskbydialektens slutskede // Svenskans beskrivning 33 (Nordica Helsingiensia 37). P. 63–74.
- Forsman L. (2015) Language shift in Gammalsvenskby: A nexus analysis of the shift to Ukrainian in a traditionally Swedish-speaking community // Journal of Sociolinguistics. № 19 (1). P. 37–61.
- Forsman L. (2017) Variation i en döende språkvarietet. Suffixtilldelning i bestämd form singularis av substantiv i den ukrainasvenska Gammalsvenskbydialekten // Maal og minne. № 2. S. 73–112.
- Freudenthal A.O., Vendell H.A. (1886) Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors: Tidnings- & tryckeri-aktiebolagets tryckeri.
- Karlgren A. (1953) Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet. Med kommentarer utgivet av N. Tiberg. Stockholm: P.A. Norstedt & söner.
- Vendell H. (1907) Ordbok över de östsvenska dialekterna. Helsingfors: Tidnings- & tryckeri-aktiebolagets tryckeri.

Бесписьменный язык зороастрийский дари в рамках большой иранистики*

Елена Константиновна Молчанова
Институт языкознания РАН
e_molchanova@mail.ru

«Обращение к прошлому и современному состоянию мировой культуры требует достоверного документального материала. Весь комплекс историко-филологических исследований строится на документальных источниках — текстах и артефактах; важнейшим направлением является документирование, введение в научный оборот, комментирование, анализ и научная интерпретация памятников — древних и современных, устных и письменных, материальных и духовных в широком диапазоне от археологических древностей до документальных и художественных памятников новейшего времени» (Из «Программы фундаментальных исследований Президиума РАН» 2017 г.). «Важнейшим направлением является изучение памятников национального языка, поскольку язык представляет собой не только основное культурное достояние народа, но и средоточие его культурной памяти, отражающее, сохраняющее и генерирующее его особую картину мира» (там же).

Исследование языка зороастрийского дари в Иране актуально в связи с угрозой исчезновения малых и бесписьменных иранских языков и значительным сокращением сферы их применения в условиях глобализации.

В настоящей статье изложены некоторые результаты исследований, опирающихся на первичные полевые данные, а именно материалы (в аудио- и в письменном виде, фотоиллюстрации), записанные автором от носителей зороастрийского дари (или йезди, или гавруни) в месте их компактного проживания — городе Йезде и его окрестностях в пустыне Дешт-е Кевир (Иран). Информация проверялась по имеющимся лексикографическим и устным источникам. Тематика собранных материалов включает памятники материальной и духовной культуры зороастрийцев Ирана, их религиозные и бытовые обряды и многое другое. Автор исследовала динамику зороастрийских похоронных обрядов (от дахмы — башни молчания — к «арамгаху» — современному кладбищу) и изменение соответствующей терминологии (Елена К. Молчанова, 2017); посетила и ознакомилась с зороастрийскими храмами огня («аташгахами»), беседовала с зороастрийскими священниками-мобедами; присутствовала

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 17-04-00563а.

на церемонии поминок («sōl»); посещала старинные и современные жилища зороастрийцев, обращая внимание на их устройство (*peskem* ‘большая суфа / портик, большой айван’) и детали дома (в частности, отсутствие окон и специальные отверстия в потолке — *lok-e taq*), на бытовые приспособления (старинную печь *trīn*, подвеску-*vīju* для хранения продуктов, ножницы), посуду, ритуальную и бытовую, одежду, в частности, женский головной платок и украшения на голову и др. Ниже приведены наименования, в том числе экзотичные, некоторых из упомянутых реалий.

При анализе соответствующей лексики приходится иметь в виду, что она обусловлена, с одной стороны, географическим положением и климатическими условиями жизни (в пустыне) зороастрийцев Йезда и, с другой стороны, их конфессиональной принадлежностью.

Зороастрийские термины, обозначающие внутреннее устройство дома и двора, характеризуются лексическими, фонетическими и семантическими особенностями. Для общего обозначения дома используется не только персизм *xuna*, но и лексема й. *xda*, восходящая к другому этимону (ир. *kata-ka-, ср.-перс. *kadag*, кл.-перс. *kada* ‘дом’); ее говорные варианты *kda*, *kza* — с закономерными фонетическими изменениями. Нюанс культурологического характера: по словам нашей информантки Ш.Ш., в старину зороастрийцы не запирали дом на замок. Еще одна характерная черта: вставая утром, люди прежде всего отворяли дверь, чтобы впустить в дом добрые силы, и уж затем убирались, а после этого завтракали.

Пескем

Арамгах

Термин *peskem* «portico», в словаре К. Кешаварза (Kešāwarz, 1993) — большая суфа в домах, которая используется для религиозных дел. В комментариях д-ра К.Маздапур к ее большой статье о традициях зороастрийцев (Mazdāpūr, 2004, 178, №5) *peskem* определяется как «часть старинного зороастрийского дома», а *peskem-i mas* «большой пескем» — как место проведения в доме религиозных обрядов. М. Бойс (Boyse, 1971, 125 и сл.) упоминала *peskem* под другим, арабским, названием: с южной стороны двора расположен большой открытый портик — *tālār* или *ṣuffe*, используемый летом.

То, что я видела в старинных домах г. Йезда и его окрестностей, представляет собой, по существу, комнату, смежную с основной жилой комнатой и отделенную от нее кружевной занавеской. В пескеме развешены пожелтевшие старые фотографии умерших родственников, литографии зороастрийского содержания, стоят цветы. Другой вариант пескема таков: жилой дом похож на четырехугольник или квадрат, внутри которого имеется открытый дворик, обычно с большим тенистым деревом в середине. Одна из сторон дома представляет собой большую нишу, поднятую над землей; ее пол используется для того, чтобы сидеть, свесив ноги. Я наблюдала, как во время поминок, называемых *sōl* (букв. «год»), внутри такой ниши стоял стол, красиво уставленный угощениями, главным образом, в виде фруктов, на нем же стояла фотография человека (умершего, кстати, 24 года тому назад), ветки (мирта?), а на краю пескема сидели участники поминок, держа в руках или рядом с собой тарелки с едой.

Еще одна наша информантка из Йезда, Ш.Ш., говорила об *otāy-e rōki* (букв. «комната чистоты»), предназначенной для священных атрибутов (Молчанова, 2009).

В работе (Gholami, Farahmand, 2016, 138,160), в индексе керманских слов: *paskam* (*sofē*) — каменная скамья во многих (*manu*) зороастрийских домах и храмах. Ср. тадж. *суфа* / *суффа* — глиняное возвышение для сидения или спанья, устраиваемое во дворе или в саду.

Я побывала в доме у одной старой информантки Паридохт из деревни Гасемабад (ныне деревня является составной частью г. Йезда). В этом старинном доме посреди потолка просторной основной комнаты можно было увидеть большое слегка закругленное отверстие (примерно 2х2 кв.м.) — для воздуха и света (по словам мобеда, т.е. зороастрийского священника, А. Хоршидияна, при обилии солнечного света, его регулируют с помощью *kolāh-e farangi*, специальной башенки, букв. ‘европейская шляпа’; по словам нашей информантки Паридохт, это отверстие могут задвигать крышкой). У Паридохт в чулане тоже было отверстие, но небольшое. Окон в обычном понимании в комнате и в доме нет.

Это отверстие в оригинальных словарях называют *lōk-e bun*, букв. ‘дыра в крыше’. Лексема *lōk* сопоставляется со ср.-перс. *sūlāk*, кл. перс. *sūlāx*, *sūgāx* ‘дыра, отверстие’ — с усеченным первым слогом. В словаре С. Сорушияна (Sorušiyān, 1956) находим параллельный вариант, в котором, наоборот, сохранилась начальная часть: й. *sol* и *sul* ‘дыра, отверстие’, перс. *sulāx*, *surāx* id.; ср. й.-евр. *silā* ‘дыра, отверстие’. Мобед А. Хоршидиян из Тегерана сообщил, что термин *lōk* употребляется применительно к небольшим отверстиям. Этот мобед родом из Йезда, но давно живет в Тегеране, похоже, что преимущественно он говорит по-персидски.

Потомственная зороастрийка, профессор Тегеранского Университета д-р Кетаюн Маздапур в своем словаре «*Farhang-e behdinān*» («Зороаст-

рийский словарь») приводит следующее описание крыши (bun) традиционного зороастрийского дома: xde-y q qadimi bun-oš gombōt oš dōrt o yadera, gombōt-oš gerd ba vo yadera-š beyzi šekl ba ge bun e ri peskem ba; o gombōt-e blend šo bun-e blend e vōt; sarog-e gombōt lok oš dōrt ge rušōxi-ye genza o xda ba vo vīju šo gal e ÷vlengun e ka (Mazdāpūr, I, 316). 'В старинных домах крыша имела купол, некоторые купола были круглыми, а некоторые овальными, так что крыша была на «пескеме»; высокий купол называли «высокая крыша»; в верхушке купола была дыра, которая была «светом» (й. rušōxi, перс. rowšanāi) для комнаты и для дома, и через нее подвешивали vīju' (об этой лексеме см. ниже). Слово rušōxi К. Маздапур переводит на персидский как «rowšanāi (va rowzane)-ye otāy va xāne», т.е. 'свет и отверстие/дыра для комнаты и для дома'. Эта же лексема для света у К. Кешаварза передается как й. rušpōxi, у С. Сорушияна — как rušpōi.

Йезди vīju — лоток, поднос или плоская корзина, в которую кладут съестные припасы и подвешивают к потолку комнаты или в «бадгир» (высокая воздушная стойка с длинными щелями по сторонам, чтобы улавливать движение воздуха и направлять его в нижние помещения), чтобы их не могли достать мыши, кошки и насекомые, и, вместе с тем, чтобы к ним поступал воздух, и они оставались относительно холодными. Этимология vīju неизвестна. Учитывая, что это приспособление подвешивается, можно предположить, что мы имеем дело с дериватом глагола 'вешать', подвешивать', см. перс. a-viz-e «подвеска», «брелок, серьга». Заслуживает внимания, что некоторые наши информантки произносили это слово как bīju, что может свидетельствовать о персидском влиянии. В Кермане vīju называют široviz, подвешивают к потолку комнаты или в «бадгир». Мусульмане Йезда называют его Alī čauš. По сообщению мобеда из Йезда Камрана Лориана, vīju использовался в старинных зороастрийских церемониях встречи Ноуруза (Нового года). К. Маздапур в разделе, посвященном этому древнему зороастрийскому празднику (Mazdāpūr, 2004, 168-169), пишет, что vīju изготовлялся из тростника / камыша, сплетенного в форме квадрата (тот, что видела я, был прямоугольным). Новогодний весенний стол накрывался под vīju, в комнате, называемой «хлеб и стол (букв. скатерть)». Влияние глобализации: у моей информантки Паридохт в старинном доме, на кухне, был современный холодильник. У нее же имелся телефон, и при мне ей звонила (в иранский город Йезд) ее сестра из Америки.

От старого информанта Бахрама, хранителя кладбища в Йезде, я записала необычную лексему pōvtōz «ножницы» (ср. керманск. pavvāz и pavgāz, см. (Sorušiyān, 162, 164) с переводом «tevgāz, qeyčī» id.). В записях В.Б. Иванова и Л.Р. Додыхудоевой: йезди pavtōz. Как кажется, в этом случае можно предположить искаженную передачу арабизма tevgāz, с меной сонантов (ср. йезди pivak и minak «соль» из *nimak, кл.перс. namak) и с метатезой согласных в керманск. pavvāz и pavgāz. В большинстве иранских языков и диалектов используется монголизм qeyčī.

В числе прочего меня интересовали головные уборы зороастрийских женщин. Голову моей основной информантки старушки Паридохт из Гасебада покрывали два больших цветных (в основном, с мелким узором) платка, спускавшихся на спине ниже пояса. Нижний платок — *такнұ* (см. арабо-перс. *taġhna'ê* с пометой в ПРС: *уст.*) «женское покрывало, чадра; вуаль». В современном мусульманском Иране *taġhna'ê* имеют вид короткого, по плечам, шлема из тонкой ткани. Верхний платок — *ġirġad* (см. перс. *ġāġad*). Эта лексема — ирано-арабская.

Еще один головной убор *лаġак* «косынка, головной платок». В одном из зороастрийских говоров представлен вариант (?) *klāġa*, см. (Keġġawarġ 1993: 81). В этом варианте можно предполагать метатезу. Предположительно, *лаġак* — производное от перс. *laġ* «щека, лицо» (Hassandoust, vol. 4, s. 2513-2514, №4623).

Широко употребительное в Иране наименование головного платка перс. *gusaġ* в зороастрийском дари *ġisaġ* (с итацизмом) имеет иное значение: «украшение, которое подвешивают на волосы» (Soruġiyān 1956: 91).

Можно заметить некоторый разнобой в толковании видов головных уборов, требуется дополнительное полевое изыскание. Среди представленных наименований имеются лексемы иранского происхождения, арабские, тюркские и смешанные. Головные уборы различаются в зависимости от возраста женщины. Наиболее распространенным видом, особенно у пожилых и старых женщин, кажется именно *такнұ*.

Бадгир

Паридохт в платках

Полевые, в том числе собранные нами материалы оказывают существенную помощь в деле изучения фонетики, особенно исторической, лексики, особенно этнокультурной, морфологии малых и больших иранских языков. В зороастрийских лексемах отмечены фонетические изменения и сдвиги в семантике; они, в известной мере, вызваны двуязычием носителей (зороастрийский дари и современный персидский язык) и процессами, связанными с глобализацией. Важную роль играет миграция зороастрийцев в пределах своей провинции, а также в крупные города Ирана и за рубеж; постепенное слияние и присоединение окре-

стных деревень к Йезду; смешение и утрата прежде многочисленных говоров зороастрийского дари; уход из жизни старших поколений — носителей языка и традиций; изменение бытовых условий и — как следствие — утрата старинных реалий и др. Этими обстоятельствами объясняется отмеченное нами смешение терминов (*talar, sufa, peskem*), их взаимозаменяемость; неосведомленность даже немолодых зороастрийцев в старинной бытовой терминологии: даже священник-мобед не мог припомнить функциональных названий комнат, объяснив, что он живет в Тегеране, в современной квартире (*apartemān* — галлицизм, употребительный в персидском языке).

Литература

- Молчанова Е.К. (2017). Динамика погребальной лексики у современных зороастрийцев Ирана. Статья // *IRANICA*. Herausgegeben von Alberto Cantera und Maria Matusch, Band 25. Harrassowitz Verlag Wiesbaden, S. 433-444.
- Молчанова Е.К. (2009). Традиционная бытовая терминология у зороастрийцев г. Йезда // Тезисы к III Международному симпозиуму по полевой лингвистике. М.
- Boyce M. (1971). *The Zoroastrian Houses of Yazd* // *Iran and Islam ÷ In Memory of the late Vladimir Minorsky* // Ed. by C.E. Bosworth. Edinburgh.
- Gholami S., Farahmand A. (2016). *Zoroastrian Dari (Behdini)* in/ Kerman. Sociedad de Estudios Iranios y Turanios/ Girona.
- Hassandoust M. (1393). *Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi*. Vol. 1—5. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, (Хасандуст, Мохаммад. (1393/2014). Этимологический словарь персидского языка. Т. 1-5. Тегеран: Академия персидского языка и литературы).
- Ivanow W. (1935–1939): «The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia.» // *Revista degli Studi Orientali* 16 (1935), P. 31–97 (grammar); 17 (1938), P. 1–39 (texts); 18 (1939), P. 1–59 (vocabulary).
- Kešāwarz K. (1993). *Farhang-e zartoštiyān-e ostān-e Yazd*. Eskilstuna, Sweden.
- Mazdāpūr K. (2004). *Tadāvom-e ādāb-i kohan dar rasmhā-ye mo'āšer-e zartoštiyān dar Īrān.* // *Farhang: Quarterly Journal of Humanities and Cultural Studies*, Issue Topic: Linguistics 17/49–50. Tehran, s. 147–179.
- Mazdāpūr K. (1995) (2006). *Wāže-nāme-ye guyeš-e behdinān-e šahr-e Yazd*, Vol. I: (Ā–P). Tehrān.; Vol. II: (T–Ĥ). Tehrān.
- Sorušiyān J.S. (1956). *Farhang-e Behdīnān*. Tehrān.

Эллиптическая конструкция с глаголом *t'i:xə* в бурятском языке*

Екатерина Витальевна Моргунова
МГУ имени М. В. Ломоносова
morgunova.kate@gmail.com

Данная работа посвящена изучению анафорического глагольного элемента *t'i:xə* 'делать.так' в баргузинском диалекте бурятского языка.

В (Санжеев 1941) *t'i:xə* наряду с глаголами *i:xə* 'делать.эдак', *ja:xa* 'делать.что', *xə:r:xə* 'делать.как' относится к разряду так называемых «глагольных местоимений». В дискурсе данный глагол чаще всего употребляется в различных деепричастных формах в качестве союза, связующего предложения или их части между собой, как в примере (1).

(1) *t'i:ɡə-xə-də-n'* *ə:r-ə:* *ab-a:d* *u:*
делать.так-ПОТ-ДАТ-3 сам-REFL брать-CONV2 пить

ɡəʒə *xə/lə-xə* *joho-toi*
COMP говорить-ПОТ обычай-COM

{ЛК: Любый человек, приходя, попросит воды у человека.}

'Тогда должны сказать: «Сам, взяв, пей».'

Наша работа же посвящена другому употреблению этого глагола, которое мы условно назовем эллиптическим. В таком употреблении рассматриваемый глагол заменяет какую-либо составляющую, чье значение может быть восстановлено из контекста. Так, в примере (2) глагол *t'i:xə* в форме гортатива заменяет глагольную группу со значением 'давайте тоже пойдем в лес'.

(2) *basaga-d* *oi* *ofo-bo.* *b'ids* *baha* *t'i:ɡəʒə!*
девочка-PL лес идти-PST2 мы тоже делать.так-HRT
'Девочки пошли в лес. Давайте тоже так сделаем [=пойдем в лес]!'

В этой статье будет рассмотрена дистрибуция исследуемого глагола-проформы, т.е. вопрос о том, какие составляющие могут служить в качестве антецедента *t'i:xə*.

Существует два варианта основы этого глагола — *t'i:-* и *t'i:ɡə-*, однако их дистрибуции практически идентичны. Единственное отличие между

* Материалы были получены в ходе полевой работы летом 2017 г. в с. Барагхан Баргузинского района Республики Бурятия. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 16-06-00536а «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

ними заключается в том, что основа *t'i:ɡə-* не может иметь в качестве antecedента глагольную группу с неодушевленным подлежащим.

- (3) *si:r stol də:rə xəbtə-nə, kolbasa baha t'i:-nə || *t'i:ɡə-nə*
сыр стол на лежать-PRS колбаса тоже делать.так-PRS
'Сыр лежит на столе, колбаса тоже.'

Зачастую глаголу *t'i:xə* предшествует наречие *baha* 'тоже', однако его можно опускать:

- (4) *dugar bəfəɡ bəfə-bə badma (baha) t'i:-bə*
Дугар письмо.ACC писать-PST2 Бадма тоже делать.так-PST2
'Дугар написал письмо, и Бадма тоже так сделал.'

Antecedentом глагола *t'i:xə* могут быть как переходные (5), так и непереходные глаголы (6). При этом при *t'i:xə* сохраняется один из аргументов глагола, который должен быть контрастивен по отношению к аналогичному аргументу клаузы-antecedenta. Если аргумент *t'i:xə* не является контрастивным, то замена глагола на проформу недопустима (7).

- (5) *səsəɡ xurx'ir-a:, badma baha t'i:-ɡə:*
Сэсэг храпеть-PST1 Бадма тоже делать.так-PST1
'Сэсэг храпела, Бадма тоже храпел.'

- (6) *sajana jabloka əd'i-nə, badma baha t'i:-nə*
Саяна яблоко.ACC есть-PRS Бадма тоже делать.так-PRS
'Саяна ест яблоко, и Бадма тоже.'

- (7) **xərbə: badma sonxo nə:-ɡə-ha:-n'i*
если Бадма окно.ACC открывать-PST2-COND-3
badma baha t'i:-xə
Бадма тоже делать.так-POT
Ожид. значение: 'Если Бадма открыл окно, то Бадма его и откроет.'

Количество аргументов глагола не влияет на возможность замены на проформу:

- (8) *dugar sajana-da bəfəɡ əf'ɡə:-ɡə:*
Дугар Саяна-DAT письмо.ACC посылать-PST1
badma baha t'i:-ɡə:
Бадма тоже делать.так-PST1
'Дугар послал Саяне письмо, и Бадма тоже послал Саяне письмо.'

Чаще всего сохраняемым аргументом является подлежащее, хотя некоторые носители допускают конструкции, в которых при *t'i:xə* сохраняется дополнение:

- (9) *???? dugar tort əd-jə pirozno baha t'i:-ɡə:*
Дугар торт.ACC есть-PST1 пирожное.ACC тоже делать.так-PST1
'Дугар съел торт, и пирожное тоже.'

- (10) ^{??} *tu:ru:n dugar sajana-da bəʃəg əlʲgə:-bə*
 сначала Дугар Саяна-ДАТ письмо.АСС слать-PST2
xulərinʲ darʲima-da tʲi:-bə
 потом Дарима-ДАТ делать.так-PST2
 ‘Сначала Дугар отправил письмо Саяне, а потом Дариме.’

Сохранение двух и более аргументов при *tʲi:xə* недопустимо:

- (11) ^{??} *badma darʲim-i:ə tarʲ-a:*
 Бадма Дарима-АСС узнать-PST1
dorʒi dugar-i:ə baha tʲi:-gə:
 Доржи Дугар-АСС тоже делать.так-PST1
 ‘Бадма узнал Дариму, а Доржи — Дугара.’

В то же время допустимо опущение всех аргументов глагола, к примеру, если при *tʲi:xə* употребляется наречие, контрастивное наречию в клаузе-антецеденте.

- (12) *uɣlə:ɣur badma ʃud-ə: səbərlə-nə*
 утро Бадма зуб-REFL чистить-PRS
uɣsəʃ baha tʲi:-nə
 вечер тоже делать.так-PRS
 ‘Бадма чистит зубы по утрам и по вечерам тоже.’

Рассматриваемый глагол также используется в качестве альтернативы VP-эллипсису. VP-эллипсис — это такая конструкция, где в аналитической глагольной форме удаляется лексический глагол. Пример (13a) демонстрирует, что подобное удаление недопустимо в бурятском языке. Однако возможна замена лексического глагола на *tʲi:xə* в соответствующей грамматической форме (13b). При этом *tʲi:xə* также может заменять всю аналитическую форму целиком — в таком случае он принимает форму, аналогичную форме вспомогательного глагола в предложении-антецеденте (13c). Замена на проформу лишь вспомогательного глагола невозможна (13d).

- (13) а. **hubu:-d gər barʲ-a:-d bai-na-d*
 мальчик-PL дом.АСС строить-PST1-CONV2 быть-PRS-PL
basaga-d baha bai-na-d
 девочка-PL тоже быть-PRS-PL
 ‘Мальчики построили дом, и девочки тоже построили дом.’
 {a=b=c=d}
- б. *<...> basaga-d baha tʲi:-gə:-d bai-na-d*
 девочка-PL тоже делать.так-PST1-CONV2 быть-PRS-PL

- c. <...> *basaga-d baha tʰi:-nə-d*
 девочка-PL тоже делать.так-PRS-PL
- d. <...>* *basaga-d baha barʰ-a:-d tʰi:-nə-d*
 девочка-PL тоже строить-PST1-CONV2 делать.так-PRS-PL

Антеecedентом рассматриваемого глагола могут быть и другие составляющие, отличные от VP, что показательно в случаях, когда антеecedентом *tʰi:xə* являются пассивные или каузативные дериваты. Так, примеры, включающие в себя пассивную деривацию на *-gda*, демонстрируют, что антеecedентом эллипсиса способна быть как вся пассивная глагольная группа (14a), так и лишь группа лексического глагола (14b) — в этом случае к глаголу *tʰi:xə* присоединяется показатель пассива.

- (14) a. *gəʀ-tə ojo:r uga:-gd-a: sonxo baha tʰi:-gə:*
 дом-DAT пол мыть-PASS-PST1 окно тоже делать.так-PST1
 ‘В доме помыли пол, и окно тоже помыли.’ {a=b}
- b. *gəʀ-tə ojo:r uga:-gd-a:*
 дом-DAT пол мыть-PASS-PST1
- sonxo baha tʰi:-gd-ə:*
 окно тоже делать.так-PASS-PST1

Аналогичное явление демонстрируют предложения, где антеecedентом *tʰi:xə* является каузативный глагол. В таких случаях два прочтения: при одном из них *tʰi:xə* отсылает к каузируемому событию, а при другом — к каузирующему.

- (15) *bagfa zargal-da sonxo nə:-lg-ə:*
 учитель Жаргал-DAT окно.ACC открывать-CAUS-PST1
- baha ojuna tʰi:-gə:*
 тоже Оюна так.делать-PST1
1. ‘Учитель заставил Жаргала открыть окно, и Оюна тоже [=заставила Жаргала открыть окно].’
2. ‘Учитель заставил Жаргала открыть окно, и Оюна тоже [=открыла окно].’

В общем, глагол *tʰi:xə* способен заменять в предложении любые глагольные формы, в том числе номинализации (16), конвербы (17) и причастия (18).

- (16) *bʰi badm-i:n tərge əmdel-h-i:ə-nʰ məd-ə:-b*
 1SG Бадма-GEN телега ломать-ПФСТ-ACC-3 знать-PST1-1
- dugar badm-i:n baha tʰi:gə-h-i:ə-nʰ məd-ə:*
 Дугар Бадма-GEN тоже делать.так-ПФСТ-ACC-3 знать-PST1
- ‘Я знаю, что Бадма сломал телегу, и Дугар тоже знает про Бадму это.’

- (17) *ustərsəi badma bəʃəg bəʃə-ʒə ɣʰil-ə:*
 вчера Бадма письмо.ACC писать-CONV1 начинать-PST2
ba tʰnə:dər baha tʰi:-ʒə ɣʰil-ə:
 и завтра тоже **делать-CONV1** начинать-PST2
 ‘Вчера Бадма начал писать письмо, и сегодня тоже начал это делать.’
- (18) *mʰini: sə:ʒəldə-hən ʃuləg uta*
 я.GEN выучить-PFCT стихотворение длинный
xarin badm-i:n tʰi-hən ʃuləg bogonʰi
 но Бадма-GEN **делать.так-PFCT** стихотворение короткий
 ‘Стихотворение, которое я выучил, длинное, а стихотворение, которое выучил Бадма, короткое.’

Отдельный интерес представляют собой примеры типа (19), где antecedентом эллиптической конструкции является целая зависимая клауза. Так, в примере (19a) antecedентом конструкции с *tʰi:xə* становится составляющая TP. В примере (19b) же на проформу заменяется составляющая CP, и к глаголу *tʰi:xə* присоединяется суффикс конверба -ʒə. По всей видимости, этот суффикс переходит от комплементаризера *gəʒə*, который является результатом грамматикализации формы *gə-ʒə* ‘говорить-CONV1’.

- (19) a. *badma sajan-i:ʒə bulʰ-a: gəʒə han-a:*
 Бадма Саяна-ACC отнимать-PST1 COMP думать-PST1
ojuṇa baha tʰi:-gə: gəʒə han-a:
 Оюна тоже **делать.так-PST1** COMP думать-PST1
 ‘Бадма подумал, что Саяна победила, и Оюна тоже так подумала.’ {a=b}
- b. *badma sajan-i:ʒə bulʰ-a: gəʒə han-a:*
 Бадма Саяна-ACC отнимать-PST1 COMP думать-PST1
ojuṇa baha tʰi:-ʒə han-a:
 Оюна тоже **делать.так-CONV1** думать-PST1

tʰi:xə может заменять даже все предложение целиком, выступая в таком случае в качестве утвердительной частицы.

- (20) *tʰi:-xə*
 делать.так-ROT
 {ЛК: — Гости придут?} ‘— Да.’

Наконец, глагол также способен вовсе не иметь фонологически выраженного antecedента и отсылать к какой-либо ситуации дискурса:

(21) *mʰinʰi:* ᠑ᠵ᠑ *baha tʰi:-d᠑g*
 я.GEN мама тоже **делать.так-НАВ**

{ЛК: Говорящий видит, что кто-то заваривает чай в чайнике и говорит:} ‘Моя мама **тоже так делает** [= заваривает чай].’

Обобщим вышеприведенные данные. Глагол-проформа *tʰi:xə* во многом схож с обычным глаголом бурятского языка, т.к. может выступать в любых глагольных формах. В то же время его отличает то, что при нем может быть выражен лишь один аргумент, чаще всего подлежащее (вне зависимости от того, какой глагол выступает в качестве антецедента *tʰi:xə*). Также исследуемый глагол-проформа может заменять структуры, большие, чем обычная глагольная группа, к примеру, пассивную глагольную группу, каузативную глагольную группу, или же всю группу TP, как в примере (19). Такие свойства глагольных проформ, к нашему сведению, ранее не были описаны в литературе вовсе — все известные нам работы, посвященные глагольным проформам, освещают материал германских языков — английского (см., к примеру, (Houser 2010)) или датского (Houser, Mikkelsen, Toosarvandani 2007) — в которых глаголы-проформы могут заменять исключительно глагольную группу.

На наш взгляд, *tʰi:xə* представляет собой нетривиальное явление, которое способно расширить наше знание о проформах и явлении эллипсиса в целом. В частности, мы считаем, что описанная глагольная проформа больше напоминает случай эллипсиса, который, однако, имеет фонологически выраженную форму. На это по крайней мере указывает то, что *tʰi:xə* требует контрастивного фокуса на сохраняемом при нем аргументе или адьюнкте¹, неспособен заменять промежуточные составляющие (что видно из примера (12))² и не требует фонологически выраженного антецедента. Ранее уже предполагалось, что подобное анафорическое средство вполне может существовать в языке. Так, в работе (Hankamer, Sag 1976) говорится, что таким средством может быть английское *so* (*Vicky is fat, and so am I*)³. В вышеупомянутой статье (Houser, Mikkelsen, Toosarvandani 2007) доказывается, что датское *det* также является фонологически выраженной эллиптической конструкцией, или, в терминах работы Ханкэмейра и Сэга, выраженной поверхностной анафорой (*overt surface anaphora*). Такие предположения опираются на ряд формальных критериев, предложенных в (Hankamer, Sag 1976).

¹ См. об этом требовании к эллипсису (Rooth 1992) среди прочих.

² Неспособность эллипсиса удалять промежуточные составляющие следует из гипотезы о том, что удаление происходит из-за свойства [E], находящейся на некоторой вершине. Все составляющие, располагающиеся ниже этой вершины, в обязательном порядке удаляются.

³ Эта гипотеза, однако, оспаривается в работе (Kehler, Ward 1999).

Мы предполагаем, что наше дальнейшее исследование также будет направлено на изучение вопроса о том, как мы можем классифицировать глагол *ti:хэ* в терминах Ханкэймера и Сэга или современной теории эллипсиса. Это, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

Список условных сокращений

1, 3 — первое и третье лицо; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; COM — комитатив; COMP — комплементаризер; COND — условное деепричастие; CONV1 — конверб 1; CONV2 — конверб 2; DAT — датив; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; HRT — гортатив; PASS — пассив; PFCT — перфектное причастие; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PST1 — 1ое прошедшее время; PST2 — 2ое прошедшее время; REFL — рефлексив.

Литература

- Санжеев Г. Д. (Ред.) (1941) Грамматика бурят-монгольского языка. Изд-во Академии наук СССР.
- Hankamer J., Sag I. (1976) Deep and Surface Anaphora // *Linguistic Inquiry*, 7(3): 391–428.
- Houser, M. J. (2010) On the Anaphoric Status of Do So.
URL: http://linguistics.berkeley.edu/~mhouser/Papers/do_so_status.pdf
- Houser M. J., Mikkelsen L., Toosarvandani M. (2007) Verb phrase pronominalization in Danish: Deep or surface anaphora? // *Proceedings of the Thirty-Fourth Western Conference on Linguistics*. Fresno: California State University, Department of Linguistics. 183–195.
- Kehler A., Ward G. (1999) On the semantics and pragmatics of ‘identifier so’ // Turner. K. (ed.) *The semantics/pragmatics interface from different points of view*. Amsterdam: Elsevier.
- Kehler A., Ward G. (2004) Constraints on ellipsis and event reference. *Handbook of pragmatics*, ed. by Horn L.R., Ward G. Oxford: Blackwell.
- Rooth, M. (1992) Ellipsis redundancy and reduction redundancy // Berman S., Hestvik A. (eds.) *Proceedings of the Stuttgarter ellipsis workshop*.

Классы в Зило: экспериментальные данные андийского языка*

Георгий Алексеевич Мороз
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
agricolamz@gmail.com

Самира Ферхеес
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
jh.verhees@gmail.com

1. Введение

Андийский язык вместе с ахвахским, каратинским, ботлихским, годоберинским, чамалинским, багвалинским и тиндинским составляют андийскую ветвь нахско-дагестанских языков. В данной работе мы рассматриваем материал селения Зило, где говорят на диалекте андийского языка (см. рис. 1). Как видно из карты, Зило окружают почти со всех сторон андийские селения, и лишь на востоке лежат аварские села. Также недалеко находятся ботлихские, каратинские и чеченские селения. Аварский на данной территории играет роль лингва франка: его учат в школе, почти все носители знают этот язык и используют в общении с соседями.

Паралингвистические обстоятельства привели к тому, что жители Дагестана всегда были многоязычны. Набор языков, которыми владеют современные жители горных селений в Дагестане, включает два-три языка: местный язык или диалект, некоторый литературный вариант одного из крупных дагестанских языков, доминирующий на данной территории (он обычно изучается в школе, а также поддерживается контактами с соседними селениями, см. (Добрушина, 2011)), а также русский язык, укреплявший свои позиции в течение всего XX века. Такой уровень многоязычия, а также довлеющее положение русского языка, влечет за собой большое количество заимствований. Например, названия всех технических новинок XX и XXI века в андийском языке практически без фонетической адаптации взяты из русского¹, в свою очередь заимствованного и адаптированного эту лексику в основном из английского.

* Работа над статьей выполнялась в рамках проекта РФФИ №18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии».

¹ Отсутствие фонетической адаптации, видимо, можно связать с увеличением роли русского языка в последнем столетии. Более ранние русские заимствования подвергались фонетическому изменению, ср. формы с. Гагатли *kempeti* ‘конфеты’, *tʃajnik* ‘чайник’, *f:igolati* ‘шоколад’ (Салимов, 2010 [1968]: 43).

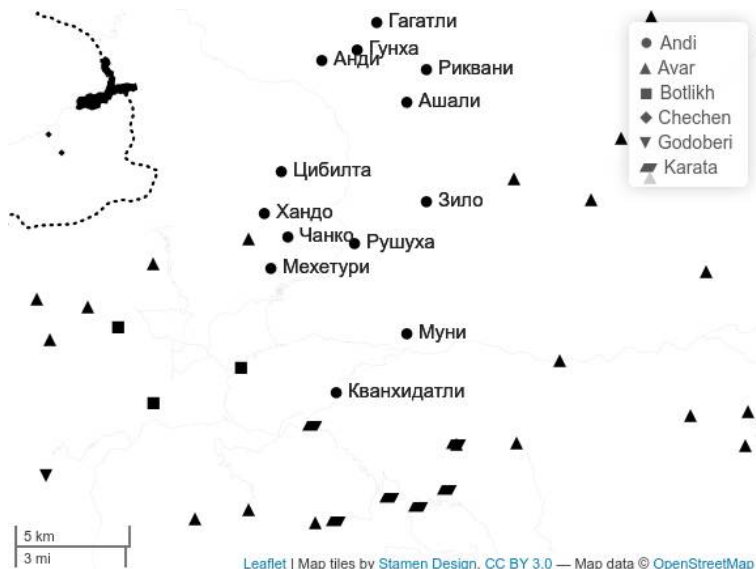

Рисунок 1. Карта андийских сел и их соседей

Заемствованные слова часто имеют фонологические, орфографические, морфологические или синтаксические признаки в языке-доноре, никак не подходящие системе языка-реципиента. В данной работе нас будет интересовать одна из таких черт — классовая атрибуция поздних заимствований из русского языка (см. похожие исследования (Gagliardi and Lidz, 2014), (Stolz, 2009)).

2. Класс как грамматическая категория аваро-андийских языков

Класс является одной из центральных категорий почти всех нахско-дагестанских языков. Чаще всего каждое существительное имеет одно значение этой категории, однако в андийском и других нахско-дагестанских языках встречается небольшой класс корней, которые можно интерпретировать как изменяющиеся по классам. Класс является согласовательной категорией, так что другие части речи (глаголы, указательные местоимения и пр.) согласуются по классу с ИГ в абсолютиве.

В таблице 1 представлены классные системы андийских диалектов.

Как видно из таблицы 1, андийская классная система имеет различную структуру: в мунинском диалекте, согласно полевым данным, классов меньше, чем в андийском, гагатлинском, зилковском и рикванинском, а в остальных системах показатели класса в единственном и множественном числе часто совпадают. В рикванинском неодушевленных классов насчитывается три, а в андийском, гагатлинском и зилковском — два. Все это разительно отличается от классных систем окружающих языков, представленных в таблице 2.

Таблица 1. Инвентарь классов андийских диалектов

			m	f	an	¬an 1	¬an 2	¬an 3	¬h
(Алексеев, 1999: 221)	андийский	sg	w	j	b	b	r	-	-
(Алексеев, 1999: 221)	андийский	pl	w	j	j	b	r	-	-
(Салимов, 2010 [1968]: 47-62)	гагатлинский	sg	w	j	b	b	r	-	-
(Салимов, 2010 [1968]: 47-62)	гагатлинский	pl	w	j	j	b	r	-	-
(Сулейманов, 1957: 131-162)	рикванинский	sg	w	j	b	b	r	b	-
(Сулейманов, 1957: 131-162)	рикванинский	pl	w	j	j	b	r	r	-
полевые данные	зиловский	sg	w	j	b	b	r	-	-
полевые данные	зиловский	pl	w	j	j	b	r	-	-
(Церцвадзе, 1965: 328-329)	мунинский	sg	w	j	-	-	-	-	b
(Церцвадзе, 1965: 328-329)	мунинский	pl	w	j	-	-	-	-	b

Таблица 2. Инвентарь классов языков соседних селений

			m	f	¬h	¬h_1	¬h_2	¬h_3
(Алексеев, Атаев, 1997: 41)	аварский	sg	w	j	b			
(Алексеев, Атаев, 1997: 41)	аварский	pl	r/l	r/l	r/l			
(Магомедбекова, 1971: 41)	каратинский	sg	w	j	b			
(Магомедбекова, 1971: 41)	каратинский	pl	b	b	r			
(Гудава, 1962: 253-254)	ботлихский	sg	w	j	b/m			
(Гудава, 1962: 253-254)	ботлихский	pl	b	b	r/n			
(Nichols, 1994: 21-22)	чеченский	sg	w	j	j	d	b	b
(Nichols, 1994: 21-22)	чеченский	pl	b	d	j	d	b	d

Сравнивая таблицы 1 и 2, можно заметить, что классные системы большинства андийских диалектов (кроме мунинского) напоминают лишь чеченскую систему, однако ни в одном из соседних языков не отмечается такое четкое разделение одушевленных и неодушевленных существительных. Кроме того, внешнее сходство с чеченским ограничивается лишь количеством классов: различны и сами показатели, и структура системы.

Семантическая мотивация атрибуции слов классов *m*, *f* и *an* в андийских диалектах достаточно прозрачна (кроме некоторых названий насекомых, которые попадают в рикванинском и гагатлинском в класс $\neg an$ 1). Однако принципы распределения слов классов $\neg an$ в каждой работе формулируются при помощи списков с исключениями: например, жидкости имеют тенденцию попадать в класс $\neg an$ 2, однако слово *inxi* ‘большая река’ относится в зиловском к классу $\neg an$ 1.

Интересно, что распределение по классам новейших заимствований из русского также носит достаточно непредсказуемый характер: “*телевизор*” некоторые носители относят к классу $\neg an$ 1, а “*телефон*” относиться к классу $\neg an$ 2. Заметив, что разные заимствования могут относиться как к тому, так и к другому неодушевленному классу, мы решили проверить при помощи эксперимента, насколько носители едины в своих суждениях относительно классовой атрибуции слов. Эксперимент проводился на материале зиловского диалекта.

3. Данные эксперимента и их анализ

Для эксперимента мы выбрали по 25 исконных и заимствованных слов обоих классов (т. е. в сумме 100 слов), а также добавили к списку некоторые слова, которые относились к классу $\neg an$ 3 в рикванинском. Всего получилось 114 слов². Мы решили опросить по четыре носителя каждого пола и двух возрастных групп, т. е. всего 16. В ходе опроса носителям предлагалось перевести на зиловский фразы типа “*мой/моя/мое X*”, где вместо переменной было каждое из 114 слов, которые шли в квазипроизвольном порядке (мы старались избегать стечений слов одного класса, а также устранили большие скопления заимствованных слов). Все данные собирались в селении Зило в ходе полевой работы в августе 2017 года³.

Для того, чтобы измерить, насколько ответы носителей единообразны, были использованы две меры: процент абсолютного согласия и каппа Фляйса. Характеристики получившихся значений каппы Фляйса были взяты из работы (Hallgren (2012)). Полученные результаты приведены в таблице 3:

Таблица 3. Меры согласия носителей

	% абс. согласия	каппа Фляйса	z-score	характеристика
все наблюдения	74.5	0.849	95.7	Очень хорошее согласие
исконные слова	84.2	0.937	77.5	Очень хорошее согласие
заимствования	63.3	0.732	56.1	Хорошее согласие

² Список анализируемых слов доступен онлайн: <https://goo.gl/YG8Co9>

³ Мы благодарны Алигаджи Гулиевичу Магомедову, его семье и всем жителям аула Зило за их гостеприимство и помощь в нашей работе.

Как видно из таблицы 3, результаты эксперимента показали достаточно высокое согласие носителей при оценке классовой атрибуции. Согласие носителей по поводу заимствованных слов ниже (хорошее согласие vs. очень хорошее согласие). Интересно отметить, что согласие в исконной лексике, хотя и достаточно высокое, не является идеальным. Это показывает, что вариативность в классовой атрибуции наблюдается во всех слоях лексики, но в заимствованной лексике она значительно выше.

Также мы решили провести иерархическую кластеризацию носителей, результаты которой представлены на рисунке 2.

На рисунке 2 видно, что в результате кластеризации получилось три кластера:

- группа пожилых носителей в возрасте от 34 до 60;
- группа молодых носителей в возрасте от 13 до 32;
- одна шестнадцатилетняя носительница попала в отдельный кластер.

Таким образом, кластеризация показывает, что носители при оценке классовой атрибуции делятся на две группы по возрасту. У нас нет объяснения, почему в отдельный кластер попала одна шестнадцатилетняя носительница; вероятно, ответ имеет социолингвистический характер.

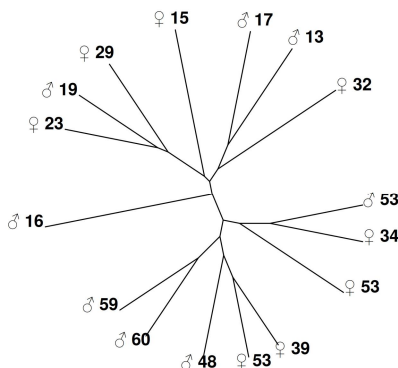

Рисунок 2. Дендрограмма, изображающая кластеризацию носителей

5. Заключение

Почти во всех диалектах андийского языка наблюдается необычно большое количество классов по сравнению с соседними языками и другими нахско-дагестанскими языками. Так как неодушевленные классы не имеют строгой семантической мотивировки, мы решили провести эксперимент по классовой атрибуции 114 неодушевленных слов. Носители зиловского диалекта андийского показали высокие значения мер согласия. Эксперимент показал, что вариативность есть как в группе исконной лексики, так и в группе заимствований, однако в группе заимствований она значительно выше. Иерархическая кластеризация результатов

эксперимента разделила носителей на группы пожилых и молодых носителей. Результаты иерархической кластеризации показывают, что вариативность в классовой атрибуции связана с возрастной группой носителей.

Список условных сокращений

m — мужской класс; f — женский класс; an — класс одушевленных существ; ¬an — класс неодушевленных существ; ¬h — класс неразумных существ и предметов.

Литература и использованные статистические пакеты

Все статистические тесты и визуализация выполнены на языке программирования R (R Core Team 2018) с использованием следующих пакетов: *ape* (Paradis, Claude, and Strimmer, 2004), *ggplot2* (Wickham, 2009), *irr* (Gamer, Lemon, and Singh, 2012) и *lingtypology* (Moroz, 2017).

- Алексеев, М. Е. (1999). “Андийские языки.” // Языки мира. кавказские языки, edited by Старостин, Алексеев М. Е., 220–28. Academia.
- Алексеев, М. Е., Б. М. Атаев. (1997). Аварский язык. Academia.
- Гудава, Т. Е. (1962). Ботлихский язык. Тбилиси: Изд-во АН ГССР.
- Добрушина, Н. Р. (2011). “Многоязычие в Дагестане конца XIX-начала XXI века: попытка количественной оценки.” Вопросы языкознания, no. 4: 61–80.
- Магомедбекова, З. М. (1971). Каратинский язык: Граммат. анализ, тексты, словарь. Мецниереба.
- Салимов, Х. С. 2010 [1968]. Гагатлинский говор андийского языка. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы.
- Сулейманов, Я. Г. (1957). “Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани)” Институт языкознания АН СССР.
- Церцвадзе, И. И. (1965). Андийский язык. Тбилиси: Мецниереба.
- Gagliardi, A., and J. Lidz. (2014). “Statistical Insensitivity in the Acquisition of Tsez Noun Classes.” Language, no. 90: 58–89.
- Gamer, M., J. Lemon, and I. F. P. Singh. (2012). Irr: Various Coefficients of Interrater Reliability and Agreement. <https://CRAN.R-project.org/package=irr>.
- Hallgren, K. A. (2012). “Computing Inter-Rater Reliability for Observational Data: An Overview and Tutorial” Tutorials in Quantitative Methods for Psychology 8 (1). NIH Public Access: 23.
- Moroz, G. (2017). Lingtypology: Easy Mapping for Linguistic Typology. <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology>.
- Nichols, J. (1994). “Chechen” In The Indigenous Languages of the Caucasus, Vol. 4: The North East Caucasian Languages, Part 2, edited by R. Smeets, 2–77. Delmar, NY: Caravan Books.
- Paradis, E., J. Claude, and K. Strimmer. (2004). “APE: Analyses of Phylogenetics and Evolution in R Language.” Bioinformatics 20: 289–90.
- R Core Team. (2018). R: A Language and Environment for Statistical Computing. Vienna, Austria: R Foundation for Statistical Computing. <https://www.R-project.org/>.
- Stolz, C.. (2009). “A different kind of gender problem: Maltese loanword gender from a typological perspective” // Introducing Maltese Linguistics., edited by Bernard Comrie, Ray Fabri, Elizabeth Hume, Manwel Mifsud, Thomas Stolz, and Martine Vanhove, 321–54. John Benjamins.
- Wickham, H.. (2009). Ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. Springer-Verlag New York. <http://ggplot2.org>.

Что происходит с языком, когда на нем перестают говорить? (данные нефинитных форм лесного диалекта энецкого языка)*

Мария Александровна Овсянникова
Институт лингвистических исследований РАН, Институт языкознания РАН
masha.ovsjannikova@gmail.com

Ольга Владимировна Ханина
Институт языкознания РАН
olesya.khanina@gmail.com

1. Введение

Цель настоящей работы — проследить отражение структурных изменений, происходящих при утрате языка в связи с переходом на доминантный язык региона, в частотных характеристиках языковых явлений. В данном случае в центре внимания находится употребление нефинитных форм в лесном диалекте энецкого языка. Система нефинитных форм выбрана в качестве объекта потому, что она относится к фрагментам грамматики, для которых в первую очередь ожидаются изменения в условиях утраты языка. Эти изменения могут быть связаны как с внутренними процессами редукции более сложных частей языковой системы, в частности редукции механизмов построения полипредикативных структур, так и с контактным воздействием русского языка, в котором меньше как набор нефинитных форм, так и их функциональная нагрузка, см. обсуждение этих двух объяснений языковой аттриции в (Груздева, 2007). В статье рассматриваются только наиболее общие изменения в употреблении нефинитных форм, которые допускают обработку с помощью количественных методов.

2. Лесной диалект энецкого языка: социолингвистическая информация

Энецкий язык принадлежит к самодийской ветви уральской языковой семьи, имеет два диалекта: лесной и тундровый. В настоящий момент он практически не используется для ежедневного общения, всего существует не более 10–20 носителей, в разной степени владеющих

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №17-34-01068-ОГН.

языком: большинство из них проживает в пос. Потапово и г. Дудинка Таймырского муниципального района Красноярского края. Основным языком общения современных энцев является русский язык.

В настоящей работе в качестве основного фактора степени владения энецким языком рассматривается год рождения носителя. На основании социолингвистических сведений носителей энецкого языка можно разделить на две группы: «старшее» поколение — 1910–1930 гг. р. (к этой группе также примыкает один носитель 1937 г.) — и «современное» поколение — 1945–1960-х гг. р.

Носители старшего поколения, на настоящий момент уже полностью ушедшего, все жили в тундре с детства и до пенсии и имели относительно низкий уровень образования (за исключением двух человек, учившихся в школе колхозных кадров, организованной в Дудинке в 1937 г., все остальные имели образование не выше начального). Энецкий язык был для них основным средством общения, нередко наравне с тундровым ненецким, и использовался заведомо больше, чем русский. Все они овладели русским языком во взрослом возрасте за пределами своей семьи: либо на курсах ликвидации безграмотности, организованных на местах, либо в школе колхозных кадров в г. Дудинка.

Массовый переход на русский язык как средство повседневного общения произошел в сообществе энцев в течение жизни современного поколения носителей 1945–1960-х гг. р. Важно, однако, что, в отличие от следующего поколения, начиная с 1970-х гг. р., которое владеет энецким уже только частично, все они не умели говорить по-русски до школы, т. е. до возраста 7–8 лет. Невозможно указать точную дату массового перехода на русский, т. к. этот процесс был постепенным и во многом индивидуальным не только для каждой отдельной семьи, но и для каждого отдельного человека. Однако приведем здесь информацию о сферах использования русского и энецкого языков для ныне живущего поколения энцев 1945–1960-х гг. р., релевантных для всего периода с 1945 г. по настоящее время (по нашим полевым данным).

Сферы преимущественного использования русского языка — обязательное обучение в школе-интернате, дальнейшее образование вне поселка, армия, работа и жизнь в городах или поселке, общение в смешанных браках, а также, как это ни удивительно, общение между sibлингми-энцами и супругами-энцами. К ситуациям преимущественного использования энецкого языка относится работа в сфере традиционного хозяйствования (особенно оленеводство, но также и рыболовецкие точки) и общение со старшими родственниками и старшими соседями по стойбищу.

При этом практически все носители энецкого языка 1945–1960-х гг. р. ушли из традиционного оленеводства по возрасту или по болезни к концу 1990-х – началу 2000-х гг., да и сама эта область хозяйства почти прекратила свое существование (сегодня в пос. Потапово существует

только одна оленеводческая бригада, в то время как до 1980-х гг. их было не менее пяти). Одновременно с этим в 1990-х – начале 2000-х гг. умерли все представители старшего поколения энцев. Тем самым на протяжении последних 15–20 лет у современного поколения носителей исчезли оба контекста использования родного языка: кочевое оленеводство (и вообще жизнь в тундре) и общение со старшими родственниками. Получается, что, с одной стороны, энцы 1945–1960-х гг. р., безусловно, полноценно владеют своим языком — говорят на нем с детства и большую часть своей жизни, — а с другой, что этот свой языковой навык они уже перестали использовать в то время, когда были сделаны современные записи (с 2005 г.).

3. Материал исследования

Данное исследование основано на материале корпуса глоссированных текстов (ок. 21 часа, ок. 115 000 слов), включающего в себя, во-первых, архивные записи 1970–1990-х гг.¹, а во-вторых, современные тексты, записанные и расшифрованные в 2005–2011 гг.² На первый взгляд, эти два временных среза одного и того же языка ничем не различаются: в них фиксируется один и тот же набор фонем с аллофонами, морфем, синтаксических конструкций и контекстов их использования. Тем не менее, как показывает данное исследование, на уровне частотности языковых форм между носителями разных поколений существуют некоторые различия.

Для целей данного исследования частотности нефинитных форм использовались данные только тех носителей, для которых в корпусе текстов зафиксировано более 150 глагольных форм. Всего таких носителей оказалось 21: 9 старшего поколения и 12 современного поколения.

4. Доля нефинитных форм

В качестве наиболее общей меры изменения в использовании нефинитных форм носителями лесного диалекта энецкого языка можно рассматривать долю нефинитных форм среди всех зафиксированных в текстах данного носителя глагольных форм.

¹ Мы благодарим Дудинское отделение ГТРК «Норильск», Таймырский Дом народного творчества, Д. С. Болину, О. Э. Добжанскую, И. П. Сорокину и А. Ю. Урманчиеву, которые предоставили в наше распоряжение эти записи.

² Работа по расшифровке архивных записей, а также записи и расшифровке современных текстов проводилась О. В. Ханиной, А. Б. Шлуинским, М. А. Овсянниковой, Н. М. Стойновой и С. А. Трубецким в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» («Endangered Languages Documentation Programme», ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета. Глоссирование было осуществлено А. Б. Шлуинским при поддержке Института эволюционной антропологии им. Макса Планка.

Изменение частотности нефинитных форм моделировалось с помощью линейной регрессии. Прежде всего проверялось, существует ли связь между годом рождения носителей и долей нефинитных форм, встретившихся в их текстах. Также учитывалось, относятся ли записи данного носителя в основном к архивным или к современным. Разделение записей на архивные и современные почти совпадает с разделением носителей на родившихся до 1940 г. и после 1945 г. Оно проводит естественную границу между этими двумя группами носителей и позволяет сравнить изменения, происходящие в каждой из них. В то же время отдельные отклонения от этой закономерности могут указывать на то, что частотность нефинитных форм связана не только с годом рождения носителя, но и со временем записи.

Использование доли нефинитных форм в качестве зависимой переменной имеет по крайней мере один существенный недостаток: то, насколько точно наблюдаемая в текстах доля нефинитных форм отражает частотность нефинитных форм в речи данного носителя в целом, зависит от общего числа глагольных форм, от которого взята эта доля. Поэтому при построении модели изменения частотности нефинитных форм большее значение придавалось таким долям, которые высчитывались на основании большего числа глагольных форм.

Наличие связи между долей нефинитных форм, годом рождения носителя и типом записи проверялось с помощью модели линейной регрессии, которая включала в качестве независимых переменных эти два признака, а также взаимодействие между ними³. Эта связь отражена на рис. 1.

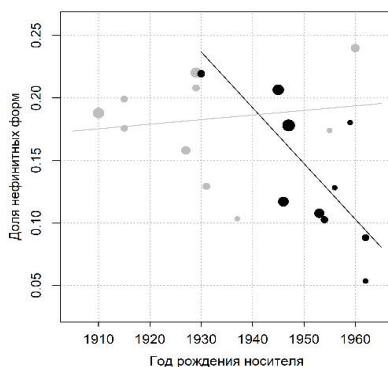

Рис. 1. Доля нефинитных форм, год рождения носителя и тип записи

³ Модель была построена с помощью функции `lm()` базового пакета R (R Core Team, 2017). В качестве весов использовался логарифм числа зафиксированных глагольных форм: логарифмическое преобразование позволяет учесть, что с ростом общего числа глагольных форм повышение точности доли (уменьшение доверительного интервала) замедляется.

Точки обозначают долю нефинитных форм в текстах носителей; серый и черный цвета отражают то, относятся ли записи носителя, соответственно, к архивным или к современным. Размер точки зависит от количества глагольных форм в текстах данного носителя. Среди носителей, обозначенных черными точками, наблюдается сильная обратная связь между годом рождения и долей нефинитных форм ($p \approx 0.005$). В терминах поколений носителей можно сказать, что у более молодых современных носителей доля нефинитных форм ниже, чем у носителей более раннего года рождения. Среди же носителей, записи от которых принадлежат к архивным, значимого падения доли у более молодых носителей не наблюдается⁴.

5. Разброс доли нефинитных форм

Предположительно, наряду со снижением доли нефинитных форм, от старших к младшим возрастным группам носителей наблюдается увеличение ее разброса. Для того чтобы проверить это предположение, носители были разделены на четыре группы: до 1920 г. р., от 1920 до 1940 г. р., от 1940 до 1950 г. р. и от 1950 г. р. Для каждой из групп была получена средняя доля нефинитных форм, и для каждого носителя в рамках группы было подсчитано абсолютное значение отклонения от среднего. Эти отклонения показаны на рис. 2 (форма символа отражает разделение на возрастные группы).

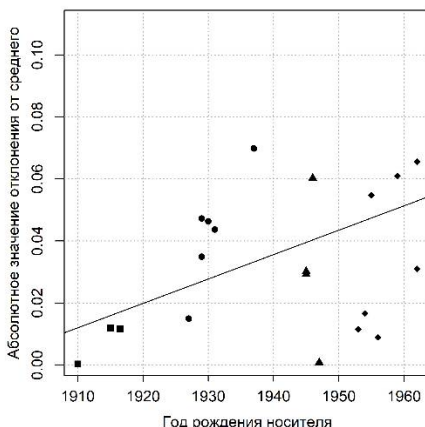

Рис. 2. Абсолютное значение отклонения доли нефинитных форм отдельных носителей от среднего для возрастной группы

⁴ То, что линия регрессии идет немного вверх, связано с необычно высокой долей нефинитных форм у носителя 1960 г. р., которого обозначает серая точка в правом верхнем углу.

Связь между годом рождения носителя и величиной отклонения от среднего здесь также отражена с помощью линейной регрессии, поскольку она позволяет хотя бы в некоторой мере учесть число глагольных форм, стоящих за наблюдаемой долей⁵. Эта связь, по крайней мере в терминах линейной модели, является статистически значимой, хотя и не сильной ($R^2 = 0.23$, $p \approx 0.03$). Вывод об увеличении разброса доли нефинитных форм согласуется с представлениями об изменениях, ожидаемых при аттриции, когда носители перестают взаимодействовать в рамках единой коммуникативной системы и неравномерно утрачивают разные компоненты системы форм, см. (Simpson, 2014, 541–542).

6. Разнообразие нефинитных форм

Еще один параметр употребления нефинитных форм, который можно оценить количественно, касается того, сколько из существующих в энецком языке нефинитных форм зафиксировано в речи носителя и насколько равномерно они распределены по частотности. При утрате языка редкие формы постепенно выходят из употребления, из двух форм, выполнявших семантически близкие функции, одна часто вытесняется — это приводит к тому, что большая доля приходится на базовые формы с более обобщенным значением. Частотность отдельных нефинитных форм в речи носителей энецкого языка представлена в таблице 1.

Для оценки разнообразия нефинитных форм использовался индекс Шеннона с поправкой, учитывающий, что при небольшом количестве наблюдений (в нашем случае — глагольных форм) редкие формы могут не попасть в выборку⁶, см. пример применения этого индекса к лингвистическим данным в (Stoll et al., 2017, 509). Чем выше этот индекс, тем выше разнообразие некоторого распределения. Рис. 3 показывает значение индекса Шеннона для распределений нефинитных форм в речи каждого из носителей.

7. Заключение

В статье обсуждались три параметра употребления нефинитных форм носителями лесного диалекта энецкого языка: доля нефинитных форм, разброс доли нефинитных форм и разнообразие нефинитных форм. Для всех трех параметров была обнаружена более или менее сильная связь с годом рождения носителя: доля нефинитных форм снижается, разброс растет, разнообразие снижается. Существенно, что первый и третий из этих параметров проводит границу не между старшим и

⁵ Модель включала год рождения носителя, вес наблюдения задавался логарифмом числа глагольных форм в текстах данного носителя. Разделение записей на архивные и современные не учитывалось, поскольку оказалось несущественным.

⁶ Использовалась функция `entropy.ChaoShen()` пакета `entropy` (Hausser, Strimmer, 2014).

современным поколением носителей, а внутри современного поколения носителей, противопоставляя носителей, родившихся до и после 1950 г. Предположительно, это противопоставление отражает разную степень освоения энецкого языка в детском возрасте.

Таблица 1. Распределение отдельных нефинитных форм в текстах носителей⁷

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	N
NSP1910	0.25	0.19	0.21	0.15	0.09	0.05	<0.01	0.02	<0.01	<0.01	0.01	<0.01	<0.01	<0.01	762
ASP1912	0.20	0.18	0.15	0.26	0.06	0.03	0.02	0.02	0	0	0.02	0.05	0.02	0	65
EDB1915	0.37	0.12	0.15	0.13	0.12	0.05	0.03	0.01	0.01	0.02	0	0	0	0	95
SPB1927	0.29	0.18	0.15	0.16	0.10	0.06	0.01	0.03	0.02	0.01	0.03	0.01	0	0	200
MNS1929	0.46	0.17	0.15	0.12	0.01	0.02	0.04	0.01	0.02	0	0	0	0	0	94
VNB1929	0.22	0.23	0.19	0.11	0.09	0.06	0.02	0.03	0.01	0.01	0.01	<0.01	0	<0.01	1684
ND1930	0.39	0.22	0.13	0.06	0.04	0.06	0.03	0.02	0.02	0.04	0	0	0	0	120
MNB1931	0.36	0.18	0.18	0.06	0.12	0.01	0.03	0	0	0.01	0	0	0	0	67
NPCH1937	0.30	0.20	0.10	0.10	0.20	0	0	0	0.10	0.10	0	0	0	0	16
AP1945	0.29	0.08	0.05	0.07	0.12	0.13	0.17	0.02	0.02	0.04	0	0	0	0	95
NI1945	0.39	0.14	0.18	0.08	0.08	0.04	0.06	0.02	0.01	<0.01	0	<0.01	<0.01	0	838
NK1946	0.29	0.14	0.17	0.12	0.09	0.06	0.04	0.03	0.03	<0.01	<0.01	<0.01	0	0	294
LD1947	0.25	0.25	0.13	0.14	0.06	0.07	0.03	0.02	0.02	0.01	0.01	0	0	0	1363
AS1953	0.36	0.27	0.19	0.06	0.10	0	0.01	0.01	0	0	0.01	0	0	0	195
SA1954	0.50	0.25	0.06	0.02	0.15	0	0	0	0	0.02	0	0	0	0	48
EIB1955	0.63	0.06	0.28	0.03	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	32
GA1956	0.10	0.35	0.25	0.15	0.05	0	0	0.05	0.05	0	0	0	0	0	20
II1959	0.23	0.10	0.23	0.10	0.10	0	0.26	0	0	0	0	0	0	0	31
NNB1960	0.38	0.26	0.09	0.09	0.08	<0.01	0.10	0	0	<0.01	0	<0.01	0	0	231
AM1962	0.30	0	0.60	0	0.10	0	0	0	0	0	0	0	0	0	9
ES1962	0.44	0.27	0.20	0	0.02	0	0.02	0	0	0.02	0.02	0	0	0	45

⁷ Номера соответствуют следующим формам (в скобках приведен основной вариант показателя): CVB (-f), PTCP.SIM (-da), CVB.COND (-bu?/bune), PTCP.ANT (-j), NMLZ (-a), NMLZ+ABL (-a-xaz), CVB.SIM (-bu?uj), PTCP.ANT.PASS (-duuj), CVB.IRR (-bu), SUP (-od'), PTCP.POST (-uda), PTCP.ANT.NEG (-uzaj), JUSS.NEG (-do), CVB.ANT (-xajaf).

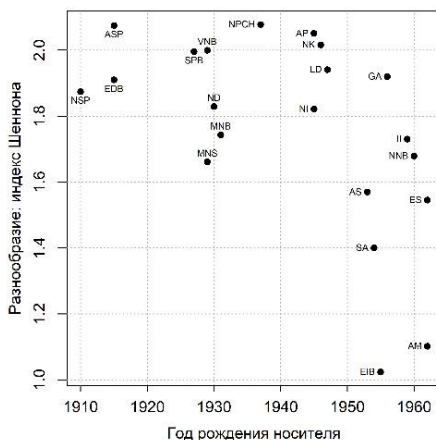

Рис. 3. Разнообразие нефинитных форм в речи носителей: индекс Шеннона

Список условных сокращений

ABL — аблатив; CVB — общий конверб; CVB.ANT — конверб предшествования; CVB.COND — условный конверб; CVB.IRR — ирреальный конверб; CVB.SIM — конверб одновременности; JUSS.NEG — отрицательный юссив; NMLZ — номинализация; PTCP.ANT — причастие предшествования; PTCP.ANT.NEG — отрицательное причастие предшествования; PTCP.ANT.PASS — пассивное причастие предшествования; PTCP.POST — причастие следования; PTCP.SIM — причастие одновременности; SUP — супин.

Литература

- Груздева Е. (2007) Комплексное представление языковых изменений в условиях языкового сдвига (на материале нивхского языка) // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб., 2007. С. 188–212.
- Hausser J., Strimmer K. (2014) entropy: Estimation of Entropy, Mutual Information and Related Quantities. R package version 1.2.1. <https://CRAN.R-project.org/package=entropy>
- R Core Team (2017) R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. URL <https://www.R-project.org/>.
- Simpson J. (2014) Language attrition and language change // Bowerman C., Evans B. (Eds.) The Routledge Handbook of Historical Linguistics. P. 537–554. London: Routledge, 2015.
- Stoll S., Mazara J., Bickel B. (2017) The acquisition of polysynthetic verb forms in Chintang // Fortescue M., Mithun M., Evans N. (Eds.) The Oxford Handbook of Polysynthesis. Oxford: Oxford University Press. P. 495–514.

Semantics of evidential particles in Northern Selkup

Svetlana Viktorovna Orlova
Hamburg University
sveta.v.orlova@gmail.com

The category of evidentiality is being recently intensively investigated (see the overview of fundamental works in (Plungian, 2011)) on the material of different languages, as well as in Uralic languages (Khrakovskij, 2007: 415-468; Urmanchieva, 2014, 2015; Burkova, 2017 et al.). Besides grammatical evidentiality, the lexical marking is also of a great interest (see also some works in (Khrakovskij, 2007; Wagner-Nagy, Szeverényi, 2017 et al).

This work is devoted to modal particles with evidential semantics in Northern Selkup. In the article we classify the evidential meanings of three Selkup particles *monti*, *mompa*, *mita*, analyse their possible translation equivalents in English and Russian and compare their distribution with the one of grammatical evidential markers described in (Urmanchieva, 2014; 2015). The analysis is based on the data of the Northern Selkup corpus being created at Hamburg University in Germany on the material of the archive of A.I. Kuz'mina (collected in 1961-1977s)¹.

In our research of lexical means of evidentiality in Northern Selkup we base upon the classification of evidentials presented in (Plungian, 2011: 473), which is an expanded version of the fundamental classification of (Aikhenvald, 2004). Here is the list of main kinds of evidentials according to the type of speaker's access to the information:

- direct / personal (= attested, witnessed, firsthand, confirmative)
 - participant (← personal participation) / endophoric (← mental, emotional, physiological experience);
 - visual (← visual experience);
 - non-visual (← sensory experience);
- indirect / personal
 - inferential (inferred upon the observed results);
 - assumed (inferred upon general knowledge);

¹ The corpus is part of INEL project (“Grammatical Descriptions, Corpora and Language Technology for Indigenous Northern Eurasian Languages”) of Hamburg University coordinated by the Union of the German Academies of Sciences and Humanities.

- indirect / non-personal (= secondhand)
 - reportative:
 - hearsay (the author of the reported information is not specified: rumour, legends etc);
 - quotative (the speaker of the reported utterance is specified).

In Northern Selkup the lexical evidentiality is distributed between several modal particles among which *monti*, *mompa*, *mita* are widely used in the texts of our corpus. In few idiolects they occur in combinations like *monti mita*, *mompa mita*. Some examples of the Russian loan particle *mol* can be also found in the corpus. Further we will give an overview of evidential meanings of each particle on the base of the classification given above. While describing the kinds of evidentials we will propose some English and Russian translation equivalents to the analysed Selkup particles though it is not always possible to separate evidential and epistemic meaning components in particles' semantics. In conclusion we will compare the distribution of evidential particles and grammatical markers of evidentiality in Northern Selkup.

1. Particle *monti*

1.1. Visual evidentiality (87%)

Most usages of the Selkup particle *monti* in the corpus refer to the visual experience of the situation by the main character of the text. Etymologically *monti* derives from the verb *mantiqo* 'give a look' thus it determines its main semantic function.

Rus.: *видим, видно что...*

Eng.: *apparently* (+ epistemic modality), *see that, it is seen that...*

- (1) *Puška-nit* *passä-tä-kki-t*, *wač'i-č'i-kkə:-tit* *na* ***mantī***
 rifle-OBL.1PL explode-HAB-DUR-3SG.O lift-HAB-DUR-3PL here apparently

koč'i *ši:pa-l'* *käre-t*, *su.ru-č'-č'il'* *qup* *ukkur*
 much duck-ADJZ flock-PL wild.animal-VBLZ-PTCP.PRS human.being one

uti-nti-sä *ora-kki-ti* *üko-m-ti*,
 hand-OBL.3SG-INSTR catch-DUR-3SG.O cap-ACC-3SG

ni.ni *kəti-kki-t:* *Fu:u:u!*
 then say-DUR-3SG.O whew

'When a rifle shot, duck flocks flew up, so that the hunter grabbed his hat and said: "Whew!"' (MK_1965_Lgov_transl.011)

Sometimes the usage of *monti* brings a complementary epistemic component of mirativity encoding the unpreparedness of the protagonist to the observed situation.

Rus.: *глядь, оказывается / оказалось...*

Eng.: *it turn(s/ed) out that...*

(2) *Manni-mpa-ti:* *lo:si qos qaj-i-p wəč'č'i-mpi-lä*
 give.a.look-PST.NAR-3SG.O devil DEF what-EP-ACC lift-HAB-CVB

qäli-mpa. D:tä-m-ti n'ennä kə:ri-ŋi-ti.
 go-PST.NAR.(3SG.S) reindeer-ACC-3SG forward urge-PRS-3SG.O

Təč'č'akti tii-ŋa, qo-ŋi-ti, monti
 near.there come-PRS.(3SG.S) sight-PRS-3SG.O apparently

wəč'č'i-mpa-ti nātä-p.
 lift-PST.NAR-3SG.O girl-ACC

'(Icha) looks: the devil goes and carries something. (Icha) rushed forward his reindeers. He came nearer, saw that (it turned out that) the devil was carrying a girl.' (Kuznecova et al. 1993: 14 / text 4: 53)

1.2. Inferential evidentiality (13%)

A possible, but a rather rare function of *monti* is to indicate an inference of the protagonist on the base of some observed conditions. This evidential meaning goes in many languages inherently with the epistemic estimation of the probability of the described situation. The Northern Selkup seems to be no exception in this point but it needs the more precise verification from native speakers.

Rus.: *видать, видимо* (+ epistemic modality).

Eng.: *apparently* (+ epistemic modality).

(3) *İnnä č'ap qatit-ə:l-ka,*
 up hardly climb-MOM-DUR.(3SG.S)

aj illa qənn-ε:-ja.
 again down go.away-PFV-PRS.(3SG.S)

Aj illa qənn-ε:-ja.
 again down go.away-PFV-PRS.(3SG.S)

Nač'ä č'ap qən-na monti
 there only leave-PRS.(3SG.S) apparently

qup, üt-ti pat-qil-pa, n'empon-ti.
 human.being water-ILL get.into-MULO-PST.NAR.(3SG.S) ice.hole-ILL

'He hardly climbs up and then goes down again. He goes down again. Apparently a human walked there and fell into the ice-hole.' (KAI_1965_OldManWithLittleMind_flk.012-014)

2. Particle *mīta*

2.1. Reportative evidentiality: quotative (87%)

The particle *mīta* mostly performs the reportative function introducing some third person's utterance. Possibly it can deal with an epistemic modality shifting the responsibility for the veracity of the utterance to its author.

Rus.: *мол, быдмо* (+ epistemic modality), *говорум / сказал что...*

Eng.: *says / said that...*

- (4) *Təptil'* *qari-t* *nij* *esa*
 next morning-ADV.LOC such-ADVZ say.(3SG.S)

tıntena *ima-nti-nik:*
 that wife-OBL.3SG-ALL

Mat *mīta* *n'änna* *qum-i:-qäk* *qo:ni-l'ä-k.* *Qaj*
 I.NOM as.if upstream human.being-PL-1SG.ILL go.to-OPT-1SG.S either.or

mīta *mɔ:t-i-n-pɔ:-tit* *qaj* *qa:tɔ:-tit.*
 as.if tent-EP-VBLZ-PST.NAR-3PL either.or where.to.go-3PL

'Next morning he says to his wife: "I will go upstream to my people. Either they put a tent or they went away".'
 (NEP_1965_OrphanBoyAndPan OldMan_flk.074-075)

2.2. Visual evidentiality (13%)

Some contexts with *mīta* indicate the visual perception of the protagonist of an occurrence and probably bring the subjectivity of the described situation into focus.

Rus.: *видум, видно что ...*, *быдмо* (+ epistemic modality).

Eng.: *see that ...*, *it is seen that ...*, *apparently* (+ epistemic modality).

- (5) *Qil'-a-t* *šün'a-nti* *toki-mɔ:t-pa.*
 hole-EP-GEN inside-ILL get.stuck-DECAUS-PST.NAR.(3SG.S)

Ukkur *č'onta-qit* *nil'č'i-k* *ε:-sa.*
 one middle-LOC such-ADVZ be-PST.(3SG.S)

Mitü *təti* *atä-nti* *mora-t* *qaniq-qit.*
 as.if earth be.visible-INFER.(3SG.S) sea-GEN bank-LOC

'He got stuck into the hole. Once it was so. (He saw) the earth was appearing on the shore of the sea.'
 (NEP_1965_NenetsAndWhiteBear_flk. 037-039)

In the corpus there are numerous usages of the particle combination *monti mīta* which belong only to one idiolect, a «favorite» usage of one speaker of the Middle Taz dialect (Ton'kin Viktor Petrovich) whose fairy tales are part of the corpus. As both particles can express the visual evidentiality, their combination mostly refer to visual source of information, but the speaker widely used it also to express other evidential meanings: sensory, participant (see (6), inferential, quotative).

- (6) *Ukkur* *tət* *č'onto:-qit*
 one whole middle-LOC
- i.ja* *inna* *č'ap* *qə-ŋa:* *monti*
 guy up hardly leave-PRS.(3SG.S) apparently
- míta* *qup* *šip* *qətti-ntij* *n'o:-ti-š.*
 as.if human.being I.ACC hit-PTCP.PRS catch.up-TR-US.(3SG.S)
- ‘At one moment the guy woke up: “A beating man is catching me up.”’
 (TVP_1965_ThreeBrothersLapta_flk.109)

3. Particle *mompa*

3.1. Reportative evidentiality

The particle *mompa* in Northern Selkup serves to indicate any kind of reported information, whether the author is specified in the previous context or not. Its etymology goes to the *mpi*-form of an old verb of talking introducing the content of someone’s speech.

3.2. Quotative (62%)

Rus.: *говорит / сказал что ... , мол, бьдто* (+ epistemic modality).

Eng.: *says / said that...*

- (7) *Man* *aj* *qu-ptä:-l'* *moqo:-qak,*
 I.NOM also die-ACTN-ADJZ after-1SG.LOC
- qu-ptä:-l'* *moqo:-qäŋ*
 die-ACTN-ADJZ after-1SG.LOC
- aj* *wärqi* *i.ja* *mompa* *mašip* *aj* *na* *tenä-pt-enta.*
 also elder son it.is.said I.ACC and this think-CAUS-FUT.(3SG.S)
- ‘And after I die, after my death, my elder son will remember me and this (he says).’ (SAI_1965_WhenIDie_song.012)

3.3. Hearsay (38%)

Rus.: *говорят что ...*

Eng.: *they say that..., it is reported that..., it is said that...*

- (8) *Pič'e-l'* *Mač'o:-qit* *nimti* *il'e-si-mit.*
 pike-ADJZ forest-LOC there live-PST-1PL
- Il'-tä-t* *č'onto:-qit*
 live-ACTN-GEN in.the.middle-ADV.LOC
- ukkur* *č'onto-t* *mompa* *sovetskij* *vlast'* *nač'al'nik.*
 one middle-ADV.LOC it.is.said Soviet authority head
- ‘We lived there, in a pike forest. One day (they started saying that) the Soviet power (had come).’ (KAI_1965_InPikeForest_nar.01-02)

Similar functions of *mompa* and *mita* let these particles go together in combination (*mompa mita*). Another frequently used lexical means for reportative meaning in the corpus is the particle *mol* borrowed from Russian.

The Table 1 below gives a general overview of evidential meanings expressed by the particles *monti*, *mita* and *mompa* and contains some statistics of their usages in the Northern Selkup corpus.

Table 1

		monti	mita	mompa
direct / personal	<i>participant</i>			
	<i>visual</i>	34/39 (87%)	4/31 (13%)	
	<i>sensory</i>			
	<i>endophoric</i>			
indirect / personal	<i>inferential</i>	5/39 (13%)		
indirect / non-personal	<i>reportative: quotative</i>		27/31 (87%)	10/16 (62%)
	<i>reportative: hearsay</i>			6/16 (38%)

4. Distribution of grammatical and lexical means of evidentiality in Northern Selkup

Grammatical markers of evidentiality in Northern Selkup have been described in the works of A. Urmanchieva (2014, 2015). Here we will compare the results of this grammatical research with our corpus analyse of evidential particles in Northern Selkup. The Table 2 contains the data on the evidential usages of grammatical verbal forms according to (Urmanchieva, 2014, 2015) (see symbols + and -) and of modal particles *monti*, *mita*, *mompa* and their combinations *monti mita*, *mompa mita* (see indication of concrete particles) on the data of our corpus. As we see, the verbal forms of inferential mood go well together with modal particles. When using evidential particles speakers widely use also indicative mood of verbs, so that the evidentiality is then marked not grammatically, but by lexical means. The usage of verbal *mpi*-forms in our corpus seems to be not so consequent in evidential domain so that they can be found together with modal particles in a wide range of evidential contexts: visual, reportative, inferential.

Table 2

		indicative mood	inferential mood (-nti)	(-mpi)	auditive (kunä)	irreal moods
direct / personal	<i>participant</i>	+ monti mita	-	-	-	-
	<i>visual</i>	+ monti mita	+ monti mita monti mita	+ monti mita mompa mita	-	-
	<i>sensory</i>	- monti mita	+ monti mita	-	+	-
	<i>endophoric</i>	+	+	-	-	-
indirect / personal	<i>inferential</i>	- monti mita monti mita	+ monti mita	+ monti mita	-	-
indirect / non-personal	<i>reportative</i>	- mompa mita	+ mompa mita	- mompa mita monti mita	-	- mompa mita

In this paper we made an overview of evidential semantics of the particles *monti*, *mita*, *mompa* in Northern Selkup. According to the Northern Selkup corpus data, the visual evidentiality is mostly expressed by the modal particle *monti*, sometimes *mita* occurs also in this meaning. The admiring semantics can be added as complementary in the contexts with *monti*. The reportative meaning exists of two kinds: the quotative one is indicated by *mita*, *mompa*, *mol*, and the hearsay one — by *mompa*. The inferential evidentiality is rarely introduced by modal particles and in this case the particle *monti* (in one idiolect — the combination *monti mita*) is occasionally used.

Abbreviations

ACC — accusative case; ACTN — action nominal; ADJZ — adjectivizer; ADV — adverbial case; ADVZ — adverbializer; ALL — allative case; CAUS — causative derivation; CVB — converb; DECAUS — decausative derivation; DEF — definite; DUR — durative derivation; EP — epenthesis; FUT — future tense; GEN — genitive case; HAB — habitative derivation; ILL — illative case; INFER — inferential mood; INSTR — instrumental case; LOC — locative case; MOM — single action derivation; MULO — multiobjective derivation; NOM — nominative case; O — objective conjugation; OBL — oblique case; OPT — optative mood; PFV — intensive perfective; PL — plural number; PRS — present tense; PST — past tense; PST.NAR — past narrative tense; PTCP — participle; S — subjective conjugation; SG — singular number; TR — transitive derivation; US — usitative derivation; VBLZ — verbalizer.

References

- Burkova S. I. (2017) Эвиденциальность в самодийских языках // Комплексное изучение языков и культур аборигенных народов Сибири. Сборник тезисов Межд. науч. конф. XXVIII-е Дульзонские чтения. Томск: ТГПУ. С. 5-6.
- Kuznesova A. I. et al. (1993) Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. М.: Изд-во Московского ун-та.
- Plungian V. A. (2011) Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. С. 449-489.
- Urmanchieva A. Yu. (2014) Эвиденциальные показатели селькупского языка: соотношение семантики и прагматики в описании глагольных граммем // Вопросы языкознания. № 4. С. 66-86.
- Urmanchieva A. Yu. (2015) Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей // Вопросы языкознания. № 6. С. 52-75.
- Khrakovskij V. S. (2007) Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб.: Наука.
- Aikhenvald A. Y. (2004) Evidentiality. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Wagner-Nagy B. & Szeverényi S. (2017) Evidentiality in Nganasan: A Corpus Based Study // Комплексное изучение языков и культур аборигенных народов Сибири. Сборник тезисов Межд. науч. конф. XXVIII-е Дульзонские чтения. Томск: ТГПУ. С. 10-11.

Сложные предикаты с элементом *-дыща-* в абазинском языке: между морфологией и синтаксисом*

Анастасия Борисовна Панова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
anastasia.b.panova@gmail.com

1. Введение

При образовании сложных предикатов из конструкций с подчинением, как правило, происходит редукция клауз: она выражается в том, что один из предикатов теряет свою синтаксическую самостоятельность [Noonan, 2007: 84]. Часто редукция клауз наблюдается в каузативных конструкциях, ср. в (1) глагол *laisser* ‘позволять’ делит один и тот же набор аргументов с зависимым от него предикатом.

(1) французский (индоевропейские > романские)

Roger laissera manger les pommes à Marie.

‘Роже позволит Мари съесть яблоки.’ [Noonan, 2007: 84]

Сложные предикаты с элементом *зəš’a* ‘полагать, казаться’ в абазинском языке¹ — это пример интеграции главной и подчинённой клауз, при которой объединение произошло не на синтаксическом, а на морфологическом уровне. Так, в примере (2) одна словоформа содержит два предиката: матричный глагол *зəš’a* ‘думать, казаться’ и его сентенциальный актант.

(2) абазинский (абхазо-адыгские > абхазо-абазинские)

[*awəj d-ʕa-j-wa-š]-zə-w-š'-əj-ʔ*

[DIST 3SG.N.ABS-DIR-идти-IPF-FUT]-LOC-2SG.M.IO-казаться-PRS-DCL

‘Тебе кажется, что он придёт сюда.’

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект №18-05-0014) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Я благодарна П. М. Аркадьеву за помощь в процессе подготовки статьи.

¹ Материал абазинского языка был собран в июле 2017 г. в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун Абазинского района Республики Карачаево-Черкесия. Все примеры в настоящей работе, у которых не указан источник, получены методом элицитации. Я признательна всем работавшим со мной носителям абазинского языка, особенно З. М. Чуковой.

² Глагол *зəš’a* ‘думать, казаться’ имеет преверб *з(ə)-*, и показатель непрямого объекта ставится после преверба.

В настоящей работе будут рассмотрены аргументы в пользу того, чтобы считать абазинскую конструкцию с *зэс'а* морфологически связанной (раздел 2), затем — в пользу того, чтобы считать её биклаузальной (раздел 3). Раздел 4 посвящён типологическим параллелям конструкции с *зэс'а*, последний раздел — заключение.

2. Почему это не два слова

От обычных конструкций с сентенциальными актантами словоформы с *зэс'а* отличаются отсутствием аффиксов, маркирующих сентенциальные актанты. Чаще всего это либо адвербиалис *-ta* (3), либо префикс подчинения *š-* (4).

- (3) *sara* [*d-ša-j-ta*] *qa-s-ç-əj-t*
 я [3SG.H.ABS-DIR-идти-ADV] LOC-1SG.ERG-верить-PRS-DCL
 ‘Я верю, что он пришёл.’

- (4) *sara* [*d-š-gʷəbzəw-əw*] *qa-s-ç-əj-t*
 я [3SG.H.ABS-REL.MNR-умный-PRS.NFIN] LOC-1SG.ERG-верить-PRS-DCL
 ‘Я верю, что он умный.’

Если же аффиксы *-ta* (5) или *š-* (6) добавить в сентенциальный актант при *зэс'а*, предложение становится неграмматичным.

- (5) *[*awəj d-ša-j-ta*] *ç-s-š'-əj-t*
 [DIST 3SG.H.ABS-DIR-идти-ADV] LOC-1SG.IO-казаться-PRS-DCL
 Ожидаемое значение: ‘Я думаю, что он пришёл.’

- (6) *[*awəj d-š-ša-j*] *ç-s-š'-əj-t*
 [DIST 3SG.H.ABS-REL.MNR-DIR-идти] LOC-1SG.IO-казаться-PRS-DCL
 Ожидаемое значение: ‘Я думаю, что он пришёл.’

Таблица 1. Финитные и нефинитные показатели основных временных форм

		финитные	нефинитные	нефинитные внутри конструкции с <i>зэс'а</i>
статические глаголы	настоящее	<i>-p / -b</i>	<i>-əw</i>	∅
	прошедшее	<i>-n</i>	<i>-z</i>	
динамические глаголы	настоящее	<i>-əj-t / -əj-d</i>	<i>-wa</i>	<i>-wa</i>
	имперфект	<i>-wa-n</i>	<i>-wa-z</i>	∅
	аорист	<i>-t / -d</i>	∅	
	будущее	<i>-wa-š-t / -wa-š-d</i>	<i>-wa-š</i>	<i>-wa-š</i>

Ещё одним аргументом в пользу слитности предикатов является неполная парадигма временных показателей у сентенциального актанта. В конструкциях с сентенциальными актантами зависимый предикат

присоединяет нефинитные показатели времени, и в приведённой выше таблице видно, что у сентенциального актанта в конструкции с *зэс'а* маркируется только настоящее и будущее время у динамических глаголов.

Морфологическую слитность предикатов подтверждают также те морфосинтаксические операции, которые требуют изменений как в префиксальной, так и в суффиксальной части словоформы. Здесь будут рассмотрены две из них: отрицание и обстоятельственная релятивизация.

Отрицание финитной глагольной формы в абазинском языке выражается с помощью префикса *g'(ə)*- и суффикса *-m* и замены финитных показателей времени на соответствующие нефинитные, ср. (7a)-(7b).

(7) a. *sara* [d-ʃa-j-ta] *qa-s-ç-əj-t*
я [3SG.N.ABS-DIR-идти-ADV] LOC-1SG.ERG-верить-PRS-DCL
'Я верю, что он пришёл.'

b. *sara* [d-ʃa-j-ta] *g'-qa-s-ç-wə-m*
я [3SG.N.ABS-DIR-идти-ADV] NEG.EMP-LOC-1SG.ERG-верить-IPF-NEG
'Я не верю, что он пришёл.'

При отрицании главной клаузы в конструкции с *зэс'а* между аффиксами *g'*- и *-m* оказываются оба предиката, ср. (8a) и (8b), то есть вся конструкция переосмысливается как одно слово.

(8) a. [č'aj jə-ž-wa]-zə-s-š'-əj-t
[чай 3SG.M.ERG-пить-IPF]-LOC-1SG.IO-казаться-PRS-DCL
'Я думаю, что он пьёт чай.'

b. [č'aj g'ə-j-ž-wa]-zə-s-š'-wə-m
[чай NEG.EMP-3SG.M.ERG-пить-IPF]-LOC-1SG.IO-казаться-IPF-NEG
'Я не думаю, что он пьёт чай.'

Обстоятельственные клаузы в абазинском языке строятся на основе релятивных форм. Глагол принимает нефинитную форму и присоединяет специальный релятивный префикс, в случае темпоральной релятивизации — префикс *an-* (9).

(9) *a-pχ'arta* *s-an-ʃa-lga*
DEF-школа 1SG.ABS-REL.TEMP-DIR-закончить

a-institut *s-ca-t*
DEF-институт 1SG.ABS-идти-DCL

'Когда я закончила школу, пошла в институт.' (пример из текста)

При темпоральной релятивизации матричной клаузы в конструкции с *зэс'а* релятивный префикс присоединяется не к матричному глаголу, а к сентенциальному актанту.

- (10) a. [awəj də-ps]-zə-l-š'a-t
 [DIST 3SG.N.ABS-умирать]-LOC-3SG.F.IO-казаться-DCL
 'Ей показалось, что он умер.'
- b. [awəj d-an-psə]-zə-l-š'a
 [DIST 3SG.N.ABS-REL.TEMP-умирать]-LOC-3SG.F.IO-казаться
- d-ĉəwa* *d-a-la-ga-t*
 3SG.N.ABS-плакать.IPF 3SG.N.ABS-3SG.N.IO-LOC-начинать-DCL
 'Когда ей показалось, что он умер, она заплакала.'

Таким образом, конструкция с *zəš'a* устроена иначе, чем конструкции с сентенциальными актантами, и как минимум в двух случаях очевидно ведёт себя как одно слово. При отрицании в главной клаузе префикс *g'*- присоединяется к началу всей словоформы, хотя относится лишь ко второму её компоненту; также и при темпоральной релятивизации префикс *an-* появляется на вложенном предикате (первом компоненте конструкции) при том, что относится к матричной клаузе.

3. Почему это две клаузы

Главный признак биклаузальности конструкции с *zəš'a* заключается в том, что каждый из предикатов имеет свою аргументную структуру. Глагол *zəš'a* может иметь только один актанта, выраженный за пределами словоформы, — не прямой объект, обозначающий экспериенцера. Число же актантов вложенного предиката ограничено только свойствами самого предиката, ср. актанта глагола 'давать' в (11).

- (11) *sara* [apx'aga fatima
 я [DEF.книга Фатима
- j-lə-w-t-wa-š]-z-s-š'-wə-n*
 3SG.N.ABS-3SG.F.IO-2SG.M.ERG-давать-IPF-FUT]-LOC-1SG.IO-казаться-IPF-PST
 'Я думал, что ты отдашь книгу Фатиме.'

Также каждый из предикатов в конструкции с *zəš'a* может самостоятельно модифицироваться обстоятельстами (12) и деривационными суффиксами (ср. суффиксы рефактива *-χ* и хабитуалиса *-l(a)* в (13)).

- (12) *sara pasata* [wara šabəžta
 я раньше [ты быстро
- wə-ŋ^w-wa]-z-s-š'-wə-n*
 2SG.M.ABS-бежать-IPF]-LOC-1SG.IO-казаться-IPF-PST
 'Я раньше думал, что ты быстро бегаешь.'

- (13) [fatima wara a-h^wrapšza
 Фатима ты DEF-цветок

{a-wə-l-t-χ]-zə-s-š'a-l-wə-n

DIR-2SG.M.IO-3SG.F.ERG-давать-RE]-LOC-1SG.IO-казаться-НАВ-IPF-PST

‘Мне часто казалось, что Фатима возвращала тебе цветы.’

Из представленных примеров следует, что в абазинской конструкции с *zəš'a* морфологическая интеграция компонентов сочетается с их синтаксической автономностью.

4. Типологические параллели

Полипредикативные конструкции, в которых объединение клауз произошло не на синтаксическом, а на морфологическом уровне, являются редким явлением, однако абазинский пример всё же не уникален.

Во-первых, такая стратегия полипредикации может быть продуктивным способом образования конструкций с сентенциальными актантами, тем самым класс глаголов, присоединяющих таким образом к себе вложенную клаузу, в этом случае будет открытым. В качестве примеров здесь можно привести некоторые из типов полипредикации в нивхском языке [Nedialkov, Otaina, 2013: 203-232] или в юто-ацтекском языке яки [Guettero, 2008].

Во-вторых, указанными свойствами могут обладать всего один-два матричных предиката. К этому типу относятся абазинские словоформы с *zəš'a*, другим примером является так называемый верификатив в агульском и арчинском языках [Даниэль, Майсак, 2014], [Maisak, 2016]. В примере (14) показатель *čuk'* ‘проверять’ присоединяется к зависимой от него клаузе и составляет одно слово с её вершиной.

- (14) агульский (нахско-дагестанские > лезгинские)

gada.ji [ruš quš.u-naj]-čuk'.u-ne

парень(ERG) [девушка возвращаться.PF-PRF]-VERIF.PF-AOR

‘Парень выяснил, вернулась ли девушка.’

[Даниэль, Майсак, 2014: 379]

Ещё один пример — репортатив в арчинском языке. Он выражается с помощью суффикса *-(e)r*, который присоединяется к глаголу после показателей времени, и может вводить собственные аргументы (15). Показатель репортатива также может принимать аналитическую форму, и вспомогательный глагол в этом случае остаётся отдельным словом (16).

- (15) арчинский (нахско-дагестанские > лезгинские)

to-t laha

этот-CL ребёнок.ERG

[že-n dija χ'ere-ši uq'a]-r.

[сам.CL-GEN отец.ABS Хере-ALLAT CL.идти.AOR]-REP

‘Ребёнок говорит, что его отец в Хере ушёл.’

[Arkadiev, Maisak, 2018: 139]

- (16) *to-w zarši*
 этот-CL 1SG.ALLAT
- [*inž zawodl-a w-irχ:win]-er-ši eχwdi.*
 [сам.ABS завод-IN.ESS CL-работать.PRS]-REP-CNV <CL>быть.PST
 ‘Он мне говорил, что он на заводе работает.’
 [Arkadiev, Maisak, 2018: 139]

Конструкции с верификативом и репортативом являются для этих языков необычными примерами полипредикации и, так же, как словоформы с *zəš'a* в абазинском, выделяются на фоне стандартных подчинительных конструкций.

5. Заключение

С диахронической точки зрения стандартный путь эволюции конструкций с синтенициальными актантами, как правило, состоит из двух этапов. Сначала наступает синтаксическое объединение клауз, то есть набор синтаксических свойств для матричного и вложенного предикатов становится единым, затем происходит морфологическое объединение, которое чаще всего выражается в том, что матричный предикат становится суффиксом.

Сложные предикаты с элементом *zəš'a* в абазинском языке — это примеры конструкций с синтенициальными актантами, которые, по крайней мере на современном этапе развития, демонстрируют лишь морфологическое слияние, при этом явных признаков синтаксического слияния у них (ещё) нет.

В связи с представленными данными наиболее интересным кажется вопрос о том, что заставляет морфологию опережать синтаксис в процессе объединения клауз и можно ли найти в языке этому какие-либо предпосылки.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ADV — адвербиалис; ALLAT — аллатив; AOR — аорист; CL — показатель именного класса; CNV — конверб; DEF — определённый; DIR — директивный преверб; DCL — декларатив; ESS — эссив; GEN — генитив; EMP — эмфаза; ERG — эргатив; F — женский род; FIN — финитность; FUT — будущее время; Н — личный род; HAB — хабиуталис; IN — локализация «внутри»; IO — не прямой объект; IPF — имперфектив; LOC — локативный преверб; M — мужской род; MNR — способ; N — неличный род; NEG — отрицание; NFIN — нефинитность; NPST — не прошедшее время; PF — перфектив; PL — множественное число; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RE — рефактив; REL — релятивизация; REP — репортатив; SG — единственное число; TEMP — время; VERIF — верификатив.

Литература

- Даниэль, М. А., Майсак, Т. А. (2014) Грамматикализация верификатива: об одной агульско-арчинской параллели // *Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика*. СПб.: Алетейя. С. 377–406.
- Arkadiev, P. M., Maisak, T. A. (2018) Grammaticalization in the North Caucasian languages // Narrog H. & Heine B. (eds.) *Grammaticalization from a Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press. P. 116–145.
- Guerrero, L. (2008) Yaqui complementation, an example of a syntax-semantic mismatch // Edwards R. J. et al. (eds.) *Proceedings from the Panels of the 41 Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society. P. 175–188.
- Maisak, T. A. (2016) Morphological fusion without syntactic fusion: The case of the “verificative” in Agul // *Linguistics*. № 54(4). P. 815–870.
- Nedjalkov, V. P., Otaina, G. A. (2013) *A Syntax of the Nivkh Language: The Amur Dialect* (Studies in Language Companion Series, Vol. 139). John Benjamins Publishing.
- Noonan, M. (2007) Complementation // Shopen T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description* (2nd ed.), vol. II, Complex Constructions. Cambridge: Cambridge University Press. P. 52–150.

Структура именной и послеложной групп в горномарийском языке*

Полина Сергеевна Плешак
МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН
polinapleshak@yandex.ru

Татьяна Игоревна Давидюк
МГУ имени М. В. Ломоносова
rachekit@yandex.ru

1. Введение

В данной статье рассматривается структура именной группы (ИГ) в сопоставлении со структурой послеложной группы (ПГ) в горномарийском языке. Послеложная стратегия выражения локативных отношений (1) характерна для финно-угорских языков в целом (Майтинская, 1982).

(1) *mǎn' kn'igä-m stöl vǎ-kǎ pišt-em*
я книга-ACC стол на-ILL2 класть-NPST.1SG
'Я кладу книгу на стол.'

Как и существительные, некоторые послелогои, традиционно называемые серийными (Майтинская, 1982, 26), могут принимать показатели локативных падежей (1). Эта особенность послелогов, а также различные синтаксические свойства различных локативных единиц позволяют говорить о шкале «послелог < реляционное имя < существительное» (Бирюк, 2005).

Другой интересной особенностью ряда финно-угорских языков, включая горномарийский, является различный порядок аффиксов в именной словоформе в зависимости от падежа (Luutonen, 1997). Если в прямых падежах порядок соответствует теоретическим представлениям о структуре ИГ, то порядок в локативных падежах требует дополнительных объяснений (McFadden, 2001; Guseva, Weisser, 2018).

В работе (Симоненко, Леонтьев, 2012) о нескольких финно-угорских идиомах структуры с реляционными именами, ПГ и ИГ в локативных

* Работа П. С. Плешак над данной статьей поддержана грантом РФФИ № 16-24-17003. Работа Т. И. Давидюк поддержана грантом РФФИ № 16-06-00536. Данные собраны в 2017 г. в экспедиции МГУ в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и в нескольких окрестных деревнях (см. подробнее <http://hillmari-exp.tilda.ws>).

падежах рассматриваются параллельно, но в работе отсутствует подробное сравнение их синтаксических свойств.

Мы проанализируем структуру ПГ, групп с реляционными именами и ИГ.

2. Типы локативных групп и их анализ

В нашем анализе мы будем исходить из представлений об иерархической структуре ИГ, сформулированных в теории генеративной грамматики. ИГ представлена как группа лексического существительного, вложенного последовательно в ряд функциональных проекций, отвечающих за её числовые и референциальные характеристики (см. (Alexiadou et al., 2007) и приведенные там ссылки). На внутреннюю структуру ИГ проливают свет как синтаксические процессы, в которые она может вступать, так и поверхностный порядок зависимых и морфологических показателей. Чем большее количество маркеров содержит некоторая ИГ, тем большее количество именной структуры в ней содержится. Именная группа наименьшей структуры — NP — может не получать падеж. Группа наибольшей структуры — DP — полная ИГ, обязательно получающая падеж. Далее будут рассмотрены следующие морфосинтаксические критерии, разграничивающие ИГ и ПГ: маркирование числом вершины и зависимого, посессивное маркирование вершины и зависимого, падежное маркирование зависимого и наличие посессивного согласования с вершиной.

2.1. Локативные ИГ (ObIP)

В соответствии с принятым анализом, вершиной локативной ИГ признается вершина локативного падежа, а само существительное является её комплементом (зависимым).

Как видно из (2), показатель числа не может следовать за показателем падежа, что при настоящем анализе соответствует ситуации **невозможности маркирования вершины числом**, но **возможности маркирования числом зависимого**.

- (2) *edem-vlä xala-vlü-štö* / **xala-štö-vlü äl-ät*
 человек-PL город-PL-IN город-IN-PL жить-NPST.3PL
 ‘Люди живут в городах.’

Посессивный маркер демонстрирует противоположное поведение: он встречается только в постпозиции к маркеру падежа (3). Таким образом, вершина локативной ИГ маркируется посессивностью, а комплемент — нет.

- (3) *män'-än kădež-äšt-em* / **kădež-em-äštö stöl šänz-ä*
 я-GEN комната-IN-POSS.1SG комната-POSS.1SG-IN стол сидеть-NPST.3SG
 ‘В моей комнате стоит стол.’

Согласно нашему анализу, структура ИГ из (3) выглядит следующим образом:

(I) [_{POSSP} [_{DP} mən'-ən] [_{ОБП} [_{DP} mən'-ən] [_{NP} kədəž] -əštə¹] -em]

Комплементом локативной вершины Obl является группа NP, которая не нуждается в падеже. Изначальное место порождения посессора, представляющего собой полную DP, остаётся за рамками данного исследования, однако на некотором этапе он оказывается в спецификаторе вершины Obl, передвигаясь туда за падежом.

2.2. Послеложные группы (PP) и группы с реляционными именами (RelP)

Рассмотрим послеложную группу с серийным послелогом, присоединяющим «старые» локативные показатели². Вершины послеложных групп ведут себя так же, как вершины локативных ИГ: они **не принимают показатель числа** (4), но **маркируются посессивностью** (5). Зависимое может маркироваться не только числом (6), но и посессивностью (7).

(4) *pöken* *väl-nä* /**väl-nä-vlä* *kot'i-vlä* *amal-at*
 стул на-IN2 на-IN2-PL кот-PL спать-NPST.3PL
 'На стульях спят коты.'

(5) (*mən'-ən*) *pöken* *väl-n-em* *kot'i-vlä* *amal-at*
 я-GEN стул на-IN2-POSS.1SG кот-PL спать-NPST.3PL
 'На моем стуле спят коты.'

(6) *pöken-vlä* *väl-nä* *kot'i-vlä* *amal-at*
 стул-PL на-IN2 кот-PL спать-NPST.3PL
 'На стульях спят коты.'

(7) (*mən'-ən*) *pöken-em* *väl-nä* *kot'i-vlä* *amal-at*
 я-GEN стул-POSS.1SG на-IN2 кот-PL спать-NPST.3PL
 'На моем стуле спят коты.'

Реляционные имена ведут себя так же, как послелогои, за тем исключением, что они могут присоединять маркер множественного числа.

¹ Здесь и ниже в структурах приводятся основные алломорфы без учёта морфологических процессов.

² Для различения «старых» и «новых» локативных падежных показателей в предлагаемых структурах, вершина «старых» показателей обозначается как Obl₂, а новых – как Obl₁.

- (8) *pört vel-vlä jažo âl-ât*
 дом сторона-PL красивый быть-NPST.3PL
 ‘Стороны дома красивые.’

В общем случае зависимое реляционного имени маркируется номинативом, как видно из примеров выше, однако зависимое местоимение может иметь форму генитива.

- (9) *män' / män'-än anzâl-n-em pet'a šalg-a*
 я я-GEN перед-IN2-POSS.1SG Петя стоять-NPST.3SG
 ‘Передо мной стоит Петя.’

В общем случае посессивное согласование отсутствует, тогда как зависимое местоимение вызывает согласование на вершине (обязательное в случае личных местоимений 1-2 лица).

- (10) *pört-vlä anzâl-nâ / *anzâl-nâ-štâ*
 дом-PL перед-IN2 перед-IN2-POSS.3PL
t'et'ä-vlä šalg-at
 ребенок-PL стоять-NPST.3PL
 ‘Перед домами стоят дети.’

Учитывая эффект переезда посессива (Arkhangelskiy, Usacheva, 2015) (ср. (5) и (7)), мы постулируем для горномарийских послеложных групп две различные структуры (II) и (III). Структура для конструкций с реляционными именами представлена в (IV).

- (II) [PossP [DP män'-än] [Obl₂P [DP män'-än] [PP [N pöken] vâl] -nâ] -em]
 (III) [Obl₂P [PP [DP män'-än pöken-em] vâl] -nâ]
 (IV) [DP [RelP [DP pört-em] vel] -ø]

Структура (II) практически полностью повторяет структуру (I) для косвенных падежей, однако в ней вместо единой косвенной вершины Obl представлено последовательно две локативные вершины: P и Obl₂. Obl₂ так же, как и Obl из структуры (I), приписывает генитив своему спецификатору — посессору; P приписывает номинатив своему компоненту, который как раз необходим полной ИГ (DP) во второй структуре (N в первой структуре в падеже не нуждается). В (IV) Вершина Rel, как и Obl, приписывает номинатив своему DP-комplementу. Далее Rel может сама расширяться до DP и встречаться в аргументной позиции, принимая показатели грамматических падежей.

2.3. Конструкция с соположением (N+N)

Зависимое в конструкциях с соположением не может присоединять ни показатели числа (11), ни показатели посессивности (12), а также не имеет падежа и не вызывает согласования на вершине.

- (11) *mən' ädärümäš / *ädärümäš-vlä plat'ə-m už-am*
 я женщина женщина-PL платье-ACC видеть-NPST.1SG
 'Я вижу женское платье.'
- (12) **mən' pi-em lapa-vlä-m už-ən-am*
 я собака-POSS.1SG лапа-PL-ACC видеть-PRET-1SG
 Ожидаемое значение: 'Я увидел лапы моей собаки.'

Мы предполагаем, что именная вершина не приписывает падеж своему комплементу, а ИГ зависимого как раз является NP и не требует падежа. Поскольку зависимое является комплементом, а не спецификатором, согласование на вершине не вызывается.

2.4. Генитивная ИГ (Gen+N)

В генитивной группе и зависимое, и вершина, могут присоединять показатели как числа, так и посессивности. Зависимое по определению получает генитив. Согласование на вершине в общем случае факультативно (Плешак, 2017).

- (13) *äkä-m-vlä-n plat'jä-vlä-štä-m*
 старшая.сестра-POSS.1SG-PL-GEN платье-PL-POSS.3PL-ACC
jažo-n opt-en pišt-en-äm
 хороший-ADV складывать-CVB класть-PRET-1SG
 'Платья моих старших сестёр я аккуратно сложила.'
- (14) *ädär-äš-än / *ädär-äš äzä-žž tädä-län*
 девушка-DIM-GEN девушка-DIM старший.брат-POSS.3SG тот-DAT
palš-alt-en kuz-aš taškaltäš mäch
 помогать-DETR-PRET залезть-INF лестница PROL
 'Брат девочки помог ей забраться по лестнице.'

Структура для ИГ *pi-n pač-əžž* (собака-GEN хвост-POSS.3SG) представлена в (V).

- (V) [DP_[DP pi-n]] [_{POSSP} [DP pi] [NP [DP pi] pač] -əžž] -ø]

Поскольку именная вершина не может приписать падеж своему комплементу, посессор двигается в спецификатор DP, где получает генитив. Передвижение в спецификатор PossP осуществляется в целях согласования.

3. Заключение

Мы рассмотрели ИГ в локативных падежах, ПГ, конструкции с реляционными именами, конструкции с немаркированными зависимыми, генитивные ИГ. Их свойства суммированы в таблице 1.

Таблица 1. Свойства рассматриваемых структур

Свойство	ObIP	PP	RelP	N+N	Gen+N
Маркирование числом вершины	*	*	+	+	+
Маркирование числом «зависимого»	+	+	+	*	+
Посессивное маркирование вершины	+	+	+	+	+
Посессивное маркирование «зависимого»	*	+	+	*	+
Падежное маркирование «зависимого»		NOM/GEN ³	NOM/GEN ³	NOM	GEN
Наличие посессивного согласования с вершиной		*/+ ³	*/+ ³	*	+

Имена в косвенных падежах и послеложные группы противопоставляет конструкциям с реляционными именами и генитивным группам невозможность маркирования вершины числом (что в случае падежных словоформ выражается как обязательное предшествование маркера числа маркеру падежа). В структурном плане это говорит о специфике локативной вершины, не способной расширяться до DP и занимать аргументную позицию. Особенность косвенных падежей, отличающая их от ПГ, заключается в ограничении на комплемент локативной вершины: он не может получать падеж, иметь зависимых посессоров и тесно связан с локативной вершиной. Реляционные имена, за исключением возможности расширения до DP, во всём сходны с ПГ, приписывая комплементу номинатив, а спецификатору генитив. В свою очередь ИГ отличаются от них тем, что именная вершина не приписывает падеж комплементу. В комплементе должна быть или группа малой структуры, не требующая падежа, или же зависимое DP должно передвигаться за генитивом в спецификатор вершины D. Вариативное падежное маркирование в ПГ и конструкциях с реляционными именами в случае местоименного зависимого связано с его возможностью занимать как позицию комплемента, так и позицию спецификатора. В последнем случае местоименное зависимое получает генитив от соответствующей вершины.

Таким образом, единый анализ с выделением локативных вершин, имеющих свою специфику, помогает объяснить как разницу морфосинтаксических свойств рассматриваемых структур, так и разницу в порядке аффиксов в прямых и косвенных падежах.

³ Второй вариант возможен в случае, когда зависимым является местоимение.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; CVB — конверб; DAT — датив; DETR — детранзитив; DIM — диминутив; GEN — генитив; ILL2 — «старый» иллатив; IN — инессив; IN2 — «старый» инессив; INF — инфинитив; NOM — номинатив; NPST — непростое время; PL — множественное число; POSS — поссесивность; PRET — претерит; PROL — пролатив; SG — единственное число; 1,2,3 — лицо.

Литература

- Бирюк О.Л. (2005) Морфосинтаксические критерии выделения послелогов в уральских языках. Дипломная работа. Рукопись. М.: МГУ.
- Майтинская К. Е. (1982) Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука.
- Плешак П. С. (2017) Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. Дипломная работа. Рукопись. М.: МГУ.
- Симоненко А. П., Леонтьев А. П. (2012) Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма // А. И. Кузнецова и др. (ред). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М: Рукописные памятники древней Руси. С. 262–339.
- Alexiadou A. (2007) Noun phrase in the generative perspective // A. Alexiadou, L. Haegeman, and M. Stavrou (eds.). Berlin — New York: Mouton de Gruyter.
- Arkhangelskiy T., Usacheva M. Syntactic and Morphosyntactic Properties of Postpositional Phrases in Beserman Udmurt as Part-of-Speech Criteria //SKY Journal of Linguistics, 2015. T. 28. С. 103-137.
- Guseva E., Weisser P. (2018) Postsyntactic reordering in the Mari nominal domain // Natural Language & Linguistic Theory. P. 1-39.
- Luutonen J. (1997) The variation of morpheme order in Mari declension. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia [Публикации Финно-угорского общества].
- McFadden T. (2001) The morpho-syntax of case and adpositions: a research program. Ms diss. Philadelphia.
- Pereltsvaig A. (2006). Small nominals //Natural Language & Linguistic Theory. T. 24. №. 2. P. 433.

Множественное падежное маркирование при эллипсисе существительного: словоизменение vs. словообразование*

Мария Юрьевна Привизенцева
МГУ имени М. В. Ломоносова
mprivizentseva@gmail.com

1. Введение

Грамматические описания мокшанского языка (< финно-угорские < уральские) отмечают возможность множественного падежного маркирования — присоединения к одной именной основе нескольких падежных показателей, как показано в примере (1). Также множественное падежное маркирование допускается в бурятском языке (< монгольские < алтайские), ср. (2).

(1) мокшанский

kud-sə-t'i

дом-IN-DEF.SG.DAT

‘в доме пребывающему, домашнему — тому’

(Колядёнков, Заводова (ред.), 1962, 165)

(2) бурятский

Тэрэ үнэ-гээ тугал-тай-е-нь гэр-т-ээ орхи-бо

тот корова.ST-REFL теленок-COM-ACC-POSS.3 дом-DAT-REFL брось-PRT2

‘Ту корову вместе с ее теленком оставили дома.’ (Санжеев, 1962, 91)

Исследователи обоих языков объясняют допустимость множественного падежного маркирования словообразовательной природой первого падежного показателя (Колядёнков, Заводова (ред.), 1962, 165; Трофимова, Цэвэл, 2009). К примеру, в грамматике мордовских языков утверждается, что «падежная форма, подвергаясь изменению по вторичному склонению, теряет значение присущей ей падежности и приобретает новое значение, близкое к словообразовательному» (Колядёнков, Заводова (ред.), 1962, 165). В данной работе мы рассмотрим свойства таких двух-падежных конфигураций и покажем, что множественное падежное маркирование в рассматриваемых языках возникает при эллипсисе существ-

* Исследование поддержано грантом РНФ №16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства», который выполняется в МГУ имени М. В. Ломоносова.

вительного и присоединении соответствующих ему показателей к сохраненному зависимому. Это явление не связано со словообразовательным или словоизменительным статусом первого падежного показателя. Мы обсудим возможные аргументы в пользу словообразовательности первого падежа и покажем, что они не состоятельны и часть из них на самом деле указывает на то, что множественное падежное маркирование возникает при эллипсисе существительного.

2. Против словообразовательного статуса первого падежного показателя

2.1 Эллипсис

Одно из центральных утверждений данной работы состоит в том, что множественное падежное маркирование возникает при эллипсисе существительного и присоединении к его зависимому, оформленному собственным падежом, показателей отсутствующей вершины. Рассмотрим, как в мохшанском и бурятском языках устроен эллипсис существительного в более простом случае, а именно, когда оставшимся зависимым является прилагательное. Примеры (3а) и (4а) показывают, что в обоих языках при эллипсисе существительного прилагательное принимает показатели, соответствующие отсутствующей вершине. Такое маркирование именных зависимых в присутствии существительного не допускается, ср. (3b) и (4b).

(3) мохшанский

a. *kodamə katə-t'* *ton and-it'*?
какой кошка-DEF.SG.GEN ты кормить-PST.3.O.2SG.S

mon and-in'ə *akšə-t'*
я кормить-PST.3.O.1SG.S белый-DEF.SG.GEN

‘Какую кошку ты покормил? Я покормил белую.’

b. *akšə katə-t'* / **akšə-t' katə-t'* / **akšə-t' katə*
белый кошка-DEF.SG.GEN
‘белой кошке’

(4) бурятский

a. *Үмар үнеэн-үүд-тэ* *Бадма* *эдеэ* *үг-өө-б?*
какой корова-PL-DAT Бадма еда.ST дать-PRT1-Q

Тэрэ *ехэ-нүүд-тэ* *үг-өө*
он большая-PL-DAT дать-PRT1

‘Какой корове / каким коровам Бадма дал еду? Он дал моим большим.’

b. *ехэ* *үнеэн-үүд-тэ* / **ехэ-үүд-тэ үнеэн-үүд-тэ* / **ехэ-үүд-тэ үнеэн*
большой корова-PL-DAT
‘большой корове’

Контексты возникновения множественного падежного маркирования в мокшанском и бурятском соответствуют контекстам, в которых существительное может эллидироваться: формы с несколькими падежами используются, только если отсутствующее существительное упоминалось ранее и его антецедент восстановим из контекста.

2.2 Диминутив

Существует несколько критериев, призванных разграничивать словоизменение и словообразование, ср. среди прочих (Stump, 1998). Словоизменительные показатели не могут в отличие от словообразовательных менять часть речи; они продуктивны и регулярны. В словоформе деривационные показатели следуют за основной и только после них присоединяются словоизменительные. В (Haspelmath, Sims 2010, 89–98) выделяется 11 характеристик словоизменения. Первые и наиболее значимые — релевантность для синтаксиса, обязательность выражения и отсутствие ограничений на применение категории. Большинство этих критериев не дает каких-либо результатов: продуктивность, регулярность, релевантность для синтаксиса и обязательность выражения внутренних падежей при множественном падежном маркировании не отличается от форм соответствующих падежей в атрибутивной позиции. Единственный тест, применение которого в данном случае представляется осмысленным, — возможность расположения словообразовательных показателей после внутреннего падежа.

В мокшанском один из падежей, к которым может присоединяться второй падежный показатель, — каритив. Этот падеж отличается от остальных тем, что показатель диминутива может присоединяться как до падежа, так и после (5), что свидетельствует о большей деривационности этого показателя (Nagai, 2014). Присоединение второго падежного показателя не влияет на допустимость каритива в различных позициях (6).

(5) мокшанский

<i>jomla</i>	<i>kud-n'a-ftəm</i>	/	<i>kud-ftəm-n'ε</i>
маленький	дом-DIM-CAR		дом-CAR-DIM
‘без маленького домика’			

(6) мокшанский

<i>mon</i>	<i>soda-sa</i>	<i>jomla</i>	<i>kud-(n'ε)-ftəm-(n'ε)-t'</i>
я	знать-NPST.SG.O.1SG.S	маленький	дом-DIM-CAR-DIM-DEF.SG.GEN
‘Я знаю человечка, у которого нет дома.’			

Таковыми свойствами обладают не все падежные показатели, к которым в мокшанском присоединяются другие падежи. К примеру, диминутив в обычном случае не может стоять после элатива — другого падежа, допускающего множественное падежное маркирование:

(7) мокшанский

<i>jomla</i>	<i>kud-n'a-stə</i>	/	<i>*kuctə-n'ε</i>
маленький	дом-DIM-EL		дом.EL-DIM
‘из маленького дома’			

Однако, при множественном падежном маркировании диминутив может стоять после элатива, как в (8b), но при этом показатель относится к эллидированному существительному. Пара примеров (8a-b) показывает, что позиция диминутива в словоформе определяет его интерпретацию. В первом случае показатель находится сразу после корня и модифицирует его, а во втором — после первого падежа, и тогда показатель относится к эллидированной вершине.

(8) мокшанский

a.	<i>mon</i>	<i>soda-sa</i>		<i>jomla</i>	<i>kud-n'a-stə-t'</i>
	я	знать-NPST.SG.O.1SG.S		маленький	дом-DIM-EL-DEF.SG.GEN
	‘Я знаю того, кто живет в маленьком домике.’				

b.	<i>mon</i>	<i>maks-ən'</i>	<i>pan'čf-t</i>	<i>jakstər'</i>	<i>kuctə-n'ε-t'i</i>
	я	дать-NPST.1SG	цветок-PL	красный	дом.EL-DIM-DEF.SG.GEN
	‘Я дала цветы маленькой девочке из красного дома.’				

Таким образом, допустимость множественного падежного маркирования не определяется деривационностью первого падежа и возникает как с более словообразовательными показателями типа каритива, так и с элативом, который не демонстрирует соответствующих свойств. Также сохранение дистрибуции диминутива с элативом показывает, что присоединение второго падежного показателя не требует изменения свойств первого падежа

2.3 Присоединение зависимых и анафорическая отсылка

Другой критерий разграничения словообразования и словоизменения — доступность для синтаксиса. Предполагается, что часть словоформы, которая предшествует словообразовательным показателям, оказывается невидима для анафорической отсылки, ср. пример (9). *There* не может относиться к *Russia* в слове *Russian* и это указывает на словообразовательность суффикса *-n*. Также не допускается модификация корня слова прилагательным, ср. **multicultural Russian*.

(9) *I speak Russian though I've never been there. (пример из (Stump, 1998))

В мокшанском и бурятском языках часть слова, предшествующая первому падежу может быть модифицирована прилагательным, как показывают примеры (10) и (11). Это указывает на словоизменяющий статус падежного показателя.

(10) мокшанский

тон макс' jařcambel'
я дать.NPST.3 еда

sen'əm kuctə loman'-t'i / sen'əm kuctə-t'i
синий дом.EL человек-DEF.SG.DAT синий дом.EL-DEF.SG.DAT
'{Кому ты дал еду?} Я дал еду проживающему в синем доме.'

(11) бурятский

хүхэ үүдэ-тэй гэр-һээ / хүхэ үүдэ-тэй-һээ
синий дверь-COM дом-ABL синий дверь-COM-ABL

'{Из какого дома Бадма вышел?} Из того, что с синей дверью.'

Теперь рассмотрим допустимость анафорической отсылки. Пример (12) показывает, что местоимение в следующем предложении не может быть коиндексировано с частью словоформы, предшествующей первому падежу. Оно может относиться только к референту всей словоформы.

(12) бурятский

ямар басаган-да хонход-оо-б-ши? ехэ сүүмхэ-тэй-дэ
какой девочка-DAT звонить-PRT1-Q-2SG большой сумка-COM-DAT
'Какой девочке ты звонил? Той, что с большой сумкой.'

- a. *тэрэ хонходо-хо ёһо-той* b. **тэрэ хахар-аа*
тот звонить-POF обычай-COM тот рваться-PRT1
'Она перезвонит.' Ожид.: 'Она порвалась.'

Неспособность комитативного зависимого контролировать анафору не является особенностью форм с двумя падежами. В примере (13) вершина не эллидирована, однако зависимое также не может быть антецедентом местоимения.

(13) бурятский

ямар басаган-да хонход-оо-б-ши?
какой девочка-DAT звонить-PRT1-Q-2SG

ехэ сүүмхэ-тэй басаган-да
большой сумка-COM девочка-DAT

- *тэрэ хахар-аа*
тот рваться-PRT1
'Какой девочке ты звонил? Девочке с большой сумкой.'
Ожид.: 'Она порвалась.'

Таким образом, как в случае каритива в мокшанском, деривационные свойства присущи показателю во всех его употреблениях и не связаны со множественным падежным маркированием. Также невозможность служить антецедентом для местоимения не является необходимым усло-

вием для присоединения второго падежа. В (14) датив присоединяется к атрибутивизатору *хи*, следующему на генитивом. В этом случае указательное местоимение может быть коиндексировано как с зависимым, так и с эллидированным существительным:

(14) бурятский

ямар гэр-тэ түймэр бол-оо-б? *Бадм-ы-н-хи-да*
какой дом-DAT пожар случиться-PRТ1-Q Бадма-OBL2-GEN-ATR-DAT
'В каком доме был пожар? В доме Бадмы.'

- a. *тэрэ уйдхар-май ор-оо* b. *тэрэ дүр-өө*
от печаль-COM войти-PRТ1 тот гореть-PRТ1
'Он расстроился.' 'Он сгорел.'

В мокшанском коиндексация личного местоимения и корня существительного с несколькими падежами не допускается:

(15) мокшанский

mandə-n'a-stə-t'i *er'av-i* *lezks*
палка-DIM-EL-DEF.SG.DAT нужно-NPST.3 помощь
'Тому, кто ходит с палкой, нужна помощь.'

- a. *son pra-s'* *i af* *st'a-v-i*
он упасть-PST.3 и NEG встать-PASS-NPST.3
'Он упал и не может встать.'

- b. **son s'in'd'-əv-s'*
он сломать-PASS-PST.3
Ожид.: 'Она сломалась.'

Мы считаем, что недоступность анафоры в мокшанском не указывает на деривационность первого падежа и связана с тем, что мокшанский более рестриктивен в том, чему личные местоимения могут быть кореференты. В частности, в (15) местоимение может относиться только к линейно ближайшему антецеденту — эллидированной вершине. Эта гипотеза частично подтверждается тем, что интерпретация зависимых чувствительна к их расположению относительно существительного с двумя падежами. В (16a) послеложная группа находится слева, а в (16b) — справа. В первом случае она относится к зависимому, во втором — к нулевой вершине. Другая интерпретация грамматична лишь для части носителей, и ни для кого не является предпочтительной.

(16) мокшанский

- a. *Pet'ε maks-s'* *kn'iga-t'* *pan'čf maṛtə panar-stə-t'i*
Петя дать-PST.3 книга-DEF.SG.GEN цветок с платье-EL-DEF.SG.DAT
'Петя дал книгу тому, кто в платье с цветами.'

- b. *Pet'ε maks' kn'iga-t'*
Петя дать-PST.3 книга-DEF.SG.GEN
- panar-stə-t'i pan'čf martə*
платье-EL-DEF.SG.DAT цветок с
- ‘Петя дал книгу [человеку] с цветком в платье.’

3. Заключение

Множественное падежное маркирование возникает при эллипсисе существительного, когда показатели отсутствующего имени присоединяются к оставшемуся зависимому. Это явление не связано со словоизменительным или словообразовательным статусом первого падежа.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ATR — атрибутивизатор; CAR — каритив; COM — комитатив; DAT — датив; DEF — определенность; DIM — диминутив; EL — элатив; GEN — генитив; IN — инессив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — объект; OBL — косвенный показатель; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивность; POT — потенциалис; PRT — претерит; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; S — субъект; SG — единственное число; ST — сокращенная основа; Q — вопросительный маркер.

Литература

- Коляденков М. Н., Заводова Р. А. (1962) Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков // Часть I. Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство.
- Поппе Н. Н. (1938) Грамматика бурят-монгольского языка. Издательство АН СССР.
- Санжеев Г. Д. (ред.) (1962) Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. Москва: Изд-во Восточной лит-ры.
- С. М. Трофимова, Ш. Цэвэл. (2009) О так называемом двойном склонении в калмыцком и ойратском языках // Вестник БГУ №8 С.182-185.
- Hamari A. (2014) Inflection vs. derivation: The function and meaning of the Mordvin abessive // Rainer F., Gardani F., Luschützky H. C., Dressler W. U. (Eds.) Morphology and Meaning: Selected papers from the 15th International Morphology Meeting, Vienna, February 2012. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, P. 163-176
- Haspelmath M., Sims A. (2010) Understanding Morphology. Oxford University Press.
- Poppe N. N. (1960) Buriat grammar. // Indiana University publications: Uralic and Altaic series, Vol. 2. Bloomington: Indiana University.
- Stump G. T. (1998) Inflection. // Spencer A., Zwicky A. M. (Eds.) The handbook of morphology. Blackwell Publishing. P. 13-43.

Маркирование прямого дополнения и его линейная позиция в коми-зырянском языке (печорский диалект)*

Наталья Вадимовна Сердобольская
Институт языкознания РАН,
Московский педагогический государственный университет
serdobolskaya@gmail.com

Светлана Юрьевна Толдова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
toldova@yandex.ru

1. Введение

Изучение особенностей маркирования прямого дополнения (далее: ПД) в коми-зырянском языке показало, что в данном идиоме наиболее существенную роль играют факторы одушевленности ПД, его референциальный статус и роль в информационной структуре предложения (см. подробнее [Бубрих 1949; Лыткин, Тимушев 1961; Прокушева 1984; Klumpp 2008, 2011, 2014; Сердобольская, Толдова 2012, Толдова, Сердобольская 2017]). Как известно, данные факторы непосредственным образом влияют на порядок слов в предложении. Мы показываем, что существует статистическая значимость между выбором оформления и порядком слов.

Работа базируется на данных печорского диалекта коми-зырянского языка, полученных в ходе полевых исследований под руководством А. И. Кузнецовой, С. Ю. Толдовой и Е. Ю. Калининой в д. Еремеево Троицко-Печорского района. Рассматривались как данные, полученные с помощью элицитации, так и данные корпуса текстов, собранных во время экспедиций (корпус текстов с глоссами доступен по адресу <http://webcorpora.net/KomiTexts/>).

2. Основные правила оформления ПД в печорском диалекте коми-зырянского языка

В коми-зырянском языке существует три типа оформления прямого дополнения: аккузатив с показателем *-əs/es* (далее: АКК), отсутствие оформления (далее: 0) и кумулятивные показатели аккузатива и посессивности (далее: посессивный аккузатив или ПОСС-АКК; см. парадигму показателей в таблице 1 ниже):

* Исследование поддержано грантом РНФ №16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства», который выполняется в МГУ имени М. В. Ломоносова.

- (1) *seš 'š'a madyš' me ondatra-əs*
 потом в.следующий.раз я ондатра-ACC
ki-ən o-g kut-al
 рука-INSTR NEG.NPST-1 держать-DISTR
 В следующий раз я не буду ловить ондатру вручную (без ружья).'
 (Корпус)

- (2) *a gožəm-na-s vəl-i č'eri kuj-ə-ny*
 и лето-P.INSTR-P.3(SG) быть-PRT.3 рыба ловить-PRS.3-PL
 '(Зимой мои родственники охотились.) А летом ловили рыбу.'
 (Корпус)

- (3) *č'eri-sə vəl-i kran 'it-yll-ə mijan tatč 'ə,*
 рыба-ACC.P3(SG) быть-PRT.3 хранить-ITER-PRS.3SG мы.OBL здесь
taj kl'uč '-ys
 этот источник-P.3(SG)
 '(Рыбаки уходили на рыбалку каждый год.) Они хранили рыбу у нас,
 здесь, где источник.' (Корпус)

Таблица 1. Маркеры посессивности в печорском диалекте коми-зырянского языка

Лицо	Именные группы в косвенных падежах и при послелогах	Подлежащее	ПД
1	-(y)m	-əj	-əs
2		-(y)d	-tə
3		-(y)s	-sə

Как и в других диалектах коми-зырянского языка (Klumpp 2008: 145; Klumpp 2014), в печорском представлено расщепленное кодирование по одушевленности ПД: аккузатив используется только для одушевленных ПД, отсутствие маркирования возможно только для неодушевленных и одушевленных неличных ПД (с одушевленными личными ПД отсутствие маркирования не допускается, за исключением существительного *kaga* 'ребенок').

Таблица 2. Расщепление кодирования по одушевленности ПД

	Одушевленные личные ПД	Одушевленные неличные ПД	Неодушевленные ПД
ПОСС-АКК	+	+	+
АКК	+	+	-
0	-	+	+

Таким образом, обозначения людей (личные ПД) всегда получают кодирование аккузативом или посессивным аккузативом. Для неоду-

шевленных ПД противопоставлены посессивный аккузатив и отсутствие маркирования. В оформлении ПД, обозначающих животных, наблюдаются колебания.

Итак, для обозначений людей и предметов в ПД конкурируют две стратегии, ПОСС-АКК и АКК/0 (в настоящей работе мы оставляем в стороне распределение типов маркирования для неличных одушевленных ПД). Если говорить о контекстах, где не усматриваются посессивные отношения¹, то выбор между двумя стратегиями объясняется в [Сердобольская, Толдова 2012, Толдова, Сердобольская 2017] прагматическими факторами, а именно референциальным статусом и информационной структурой предложения. Основные правила формулируются следующим образом:

- А. ПД, представляющее собой топик предложения, маркируется ПОСС-АКК.
- Б. ПД в узком фокусе (наиболее последовательно это соблюдается в случае контрастного фокуса) маркируется по модели 0/АКК.
- В. Определенное ПД чаще всего маркируется ПОСС-АКК.
- Г. Неопределенное ПД чаще всего маркируется по модели 0/АКК.

Как можно видеть, распределение двух стратегий подчиняется двумя основным факторам. Это статус ПД в информационной структуре предложения и его референциальный статус. Данные факторы, безусловно, коррелируют друг с другом, однако они могут действовать и независимо. Так, в (2) и (3) ПД имеет генерический референциальный статус. В (2) оно не оформляется, а в (3) получает ПОСС-АКК. Мы объясняем это различием в информационной структуре предложения: в (3) ПД является топиком (речь в текущем абзаце идет о рыбе и о ловле рыбы), а в (2) входит в широкий фокус (ср. контекст). Напротив, в (4) и (5) ПД в составе фокуса получает различное оформление. Это, по-видимому, объясняется различием в референциальном статусе: в (4) ПД неопределенное, и оно не получает оформления. В (5) ПД определенное в силу предположительности (см. контекст), и оно оформляется ПОСС-АКК.

- (4) *Voš't-a* *sumka-sə*, *až'ž'-a* *portman'et*, *pasport*.
открывать-NPST(1SG) сумка-ACC.P.3 видеть-NPST(1SG) кошелек паспорт
'(Я вчера нашел на улице сумку.) Открываю сумку, вижу: кошелек, паспорт.' (Полевые записи)

¹ О непосессивных значениях посессивных показателей см. [Лыткин 1955; Schlachter 1960; Прокушева 1984]. В настоящей работе мы не рассматриваем употребления, которые могут быть описаны в терминах посессивных отношений. Кроме того, мы не затрагиваем посессивный аккузатив 2-го лица, т.к. он имеет особые дискурсивные функции, отличные от посессивного аккузатива 3-го лица.

(5) *Vaj men-ym st'ekla-š'i-s č'aška-sə!*

нести я.OBL-DAT стекло-EL-3 чашка-ACC.3

‘(Принеси мне чашку! — Которую из тех, что на столе?) — Принеси мне стеклянную чашку!’ (Полевые записи)

Таким образом, оба фактора являются релевантными для выбора стратегии оформления ПД. Кроме того, отмечается следующая тенденция: ПД чаще маркируется ПОСС-АКК в препозиции к глаголу, в постпозиции же чаще всего выбирается стратегия 0/АКК.

Одним из способов кодирования информационной структуры является порядок слов. Также, как показывают исследования по референциальному выбору, в безартиклевых языках позиция именной группы в предложении может влиять на интерпретацию данной именной группы как определенной или неопределенной.

Во многих языках базовая позиция ПД коррелирует с фокусной позицией. Довольно часто это позиция непосредственно до или после глагола в зависимости от базового порядка слов. Так, в языках с базовым порядком слов SVO фокусная позиция после глагола, а в языках SOV фокусная позиция непосредственно перед глаголом [Dezso 1977; Kim 1988; van der Wal 2012]. Если же ПД является топиальным, оно ставится после глагола (позиция антитопика, ср. определение в [Lambrecht 1981]) либо перед подлежащим (позиция топика). Соответственно, базовая модель предложения может быть представлена следующей схемой:

[ТОПИК [НЕ ТОПИК [V] ФОКУС] АНТИТОПИК]

Схема 1.

Базовая модель предложения в печорском диалекте коми-зырянского языка

Таким образом, с точки зрения линейной позиции ПД наиболее релевантны два признака: положение слева/справа от глагола и непосредственное примыкание к глаголу.

В печорском диалекте базовый порядок слов колеблется между SOV/SVO (приблизительно 35% случаев OV; одинаковые результаты для данных корпуса и элицитации). По нашим наблюдениям, определенное ПД занимает позицию перед глаголом, а неопределенное — после глагола. Генерические и др. референциальные типы ПД могут занимать обе позиции.

Признак «непосредственное примыкание к глаголу» противопоставляет топиальные (топик и антитопик) и не топиальные ПД. Топикальные ПД обычно получают оформление ПОСС-АКК, а нетопикальные ПД маркируются по модели 0/АКК. Иными словами, наша гипотеза состоит в том, что для выбора оформления ПД с точки зрения порядка слов релевантным оказывается комбинация двух признаков: позиция до/после глагола и непосредственное примыкание к нему.

Мы проверили данную гипотезу на материале двух корпусов: корпус элицитированных примеров (всего 1240 предикаций с ПД) и корпус текстов, собранных в ходе полевых исследований (54 текста, 2600 предикаций, см. <http://web-corpora.net/KomiTexts/>). В корпусе были проаннотированы переходные предикации. Для этого все предложения были разбиты на предикации, полуавтоматически были выделены предикации с переходными глаголами. Всего оказалось 619 переходных предикаций. Из них в работе рассматриваются только финитные предикации с ПД, выраженными полными ИГ. Данным критериям удовлетворяют 182 предикаций.

В корпусе примеров, полученных элицитацией, в исследовании также учитываются только финитные предикации с ПД, выраженными полными ПД. Среди носителей языка, опрошенных в ходе элицитации, были информанты, которые везде использовали только модель VO (в основном, более молодые информанты). В целях сопоставимости материала мы исключаем такие данные (уточним, что тексты записывались от носителей старшего поколения, которые допускают в равной пропорции и VO, и OV). Таким образом, для данного корпуса выборка составляет 536 примера.

3. Проверка гипотезы о влиянии на выбор оформления ПД комбинации признаков порядок ПД относительно глагола + примыкание к глаголу на корпусе элицитации

Рассмотрим данные по элицитированным примерам. Комбинация двух признаков «порядок относительно глагола» и «примыкание» в общей сложности дают четыре возможных значения. Далее будет этот признак называть «Позиция ПД относительно глагола». Распределение оформления ПД для четырех значений этого признака приведено в таблице 3.

Таблица 3. Связь примыкания и оформления ПД (данные элицитации)
 $X\text{-squared} = 17.606$, $df = 3$, $p\text{-value} = 0.0005302$

	OV	OV	VO	VO
	примыкание	нет примыкания	примыкание	нет примыкания
0/ACC	86	15	195	16
POSS	74	30	115	5

Критерий согласия хи-квадрат Пирсона показывает, что существует связь между позицией ПД (с учетом примыкания) и выбором его оформления. На мозаичных диаграммах (схема 2 и схема 3) представлены стандартизованные остатки (отражающие разницу между ожидаемыми и фактическими частотами). На первой диаграмме (схема 2) представлены остатки для признака ПД до глагола / после глагола. На второй диаграмме (схема 3) представлены остатки для связи оформления ПД с признаком порядка ПД с четырьмя значениями. Только на второй

диаграмме появляются закрашенные участки. Они показывают, что комбинация признаков дает более значимое отклонение от ожидаемого. То есть, более значимое отклонение от ожидаемого имеет частота оформления ПД посессивом в случае порядка OV, когда ПД не примыкает к глаголу (правая закрашенная зона диаграммы на схеме 3.).

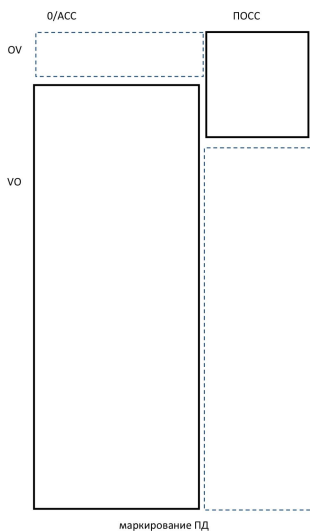

Схема 2.

Связь порядка VO/OV и оформления ПД (данные элицитации)

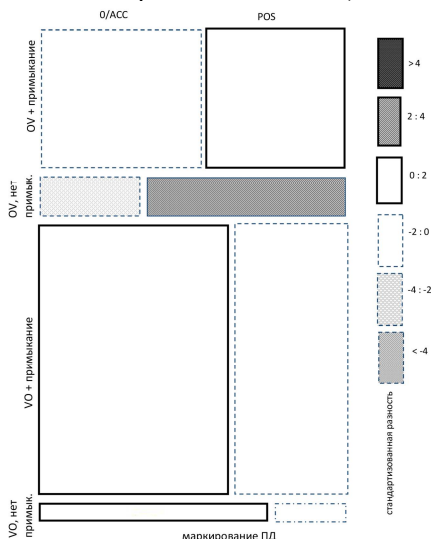

Схема 3.

Связь примыкания, порядка VO/OV и выбора оформления ПД

4. Проверка гипотезы на корпусе текстов

Обратимся к данным корпуса. Количественные данные по корпусным примерам приведены в таблице 4.

Таблица 4. Связь примыкания и оформления ПД (корпусные данные)
Fisher's Exact Test for Count Data², p-value = 0.00181, alternative hypothesis: two.sided

	OV + примыкание	OV – примыкание	VO + примыкание	VO – примыкание
0/АКК	58 (50%)	6 (5%)	47 (41%)	4 (3%)
ПОСС-АКК	40 (60%)	6 (9%)	12 (18%)	9 (13%)
Итого	98	12	59	13

² Точный тест Фишера используется в связи с присутствием низких частот в некоторых клетках.

К данным таблицы 4 был применен точный тест Фишера (критерий согласия Пирсона не применим из-за малого значения теоретических частот). На основе критерия можно сделать вывод, что существует статистически значимая связь между выбором оформления ПД и факторами порядка слов (позиция ПД слева/справа от глагола + примыкание к глаголу). (p -value = 0.002)

Выводы

Итак, мы показали, что выбор оформления и порядок слов в печорском диалекте непосредственным образом связаны друг с другом:

1. Определенные топиальные ПД маркируются ПОСС-АКК и находятся либо слева, либо справа от глагола (не примыкая к нему).
2. Определенные ПД вне топика маркируются по модели 0/АКК и находятся слева от глагола, непосредственно примыкая к нему.
3. Неопределенные ПД в фокусе маркируются по модели 0/АКК и находятся справа от глагола, непосредственно примыкая к нему.

Данные правила отражены на базовой схеме предложения:

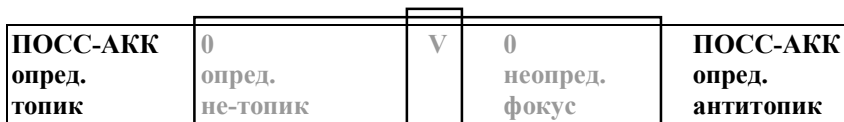

Схема 4.

Правило выбора линейной позиции и оформления для неодушевленных ПД

Список условных сокращений

АКК — показатель аккузатива, ПД — прямое дополнение, ПОСС — показатель possessивного аккузатива, ACC — аккузатив, DAT — датив, DISTR — дистрибутив, DP — determiner phrase (полная ИГ с детерминатором), EL — элатив, INSTR — инструмент, ITER — итератив, NEG — отрицание, NPST — настоящее/будущее время, O — субъект, OBL — наращение именной основы, P.1/2/3SG/PL — possessивные показатели, PL — множественное число, POSS — кумулятивный показатель аккузатива и possessива 3SG, PRS — настоящее, PRT — претерит, S — объект, SG — единственное число, V — глагол.

Литература

- Бубрих Д. В. 1949. Грамматика литературного коми языка. Ленинград: ЛГУ, 1949.
- Лыткин В. И., Тимушев Д. А. 1961. Краткий очерк грамматики коми языка // Лыткин В. И. (ред.). Коми-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. С. 839—923.
- Прокушева Т. И. Категория определенности / неопределенности в коми языке // Тираспольский Г. И. (отв. ред.) Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984.

- Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Кузнецова А.И. (отв. ред.) Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 59–142.
- Толдова С.Ю., Сердобольская Н.В. Оформление прямого дополнения в финно-угорских языках: между предикацией и дискурсом // Урало-алтайские исследования. 2017. № 4(27). С. 91–112.
- Dezső L. 1977. Towards a typology of theme and rheme // Akten des 12-Linguistischen Kolloquiums Pavia Band 1, 3-11. Tübingen, Max Niemeyer Verlag.
- Kim A.H. 1988. Preverbal Focusing and Type XXIII Languages // Studies in Syntactic Typology. Ed. by M. Hammond, E. Moravcsik, J. Wirth. Amsterdam: John Benjamins, pp. 147–169.
- Klumpp, Gerson. 2008. Differentielle Objektmarkierung & Informationsstruktur in Dialekten des Komi. München.
- Klumpp, Gerson. 2014. Identifiability, givenness and zero-marked referential objects in Komi. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. Issue 2, pp. 415–444.
- Lambrecht, Knud. 1981. Topic, Antitopic and Verb Agreement in Non-Standard French.
- Schlachter, Wolfgang. 1960. Studien zum Possessivsuffix des Syrjänischen. Berlin: Akademie Verlag.
- van der Wal J. Why does focus want to be adjacent to the verb // Workshop ‘Parametric variation in discourse configurationality’, the meeting of the Societas Linguistica Europaea, Stockholm. 28–29 August 2012.

Система глагольной деривации в ульчском языке: зона глагольной множественности*

Наталья Марковна Стойнова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
stoynova@yandex.ru

1. Введение

В работе рассматривается пара близких по семантике продуктивных показателей глагольной множественности в ульчском языке: дупликатива *-pəčI* и аттенуатива *-nəʂI*.

1.1. Ульчский язык: общая информация

Ульчский язык относится к южной (нанийской) подгруппе тунгусо-маньчжурских языков. Язык находится под угрозой исчезновения. На нем (в той или иной мере) говорит не более полутора сотен жителей Хабаровского края (Ульчский район): 154 носителя по переписи 2010 г.; по-видимому, все компетентные носители — не моложе 55-60 лет, в быту используется мало, ср. (Сумбатова, Гусев 2016). Относится к числу наименее описанных тунгусо-маньчжурских языков.

1.2. Глагольная деривация в ульчском языке. Зона глагольной множественности

Как и другие тунгусо-маньчжурские языки, ульчский располагает достаточно богатым инвентарем деривационных глагольных суффиксов разной степени продуктивности. Они служат для выражения: актантных преобразований, модальных и аспектуальных значений, более широкого круга значений интенсивности, количественной модификации ситуации и некоторых других. В кратких очерках (Петрова, 1936); (Суник, 1985) и (Kazama, 2010) (основные и единственные имеющиеся описания ульчской грамматики) упоминается не менее 13 показателей.

Ниже подробно разбираются данные по двум семантически близким показателям зоны глагольной множественности и интенсивности: 1) *-pəčI* (*-pačĭ~-pačĭ*), называемый далее условно дупликативом, и 2) *-nəʂI* (*-naʂĭ~-naʂĭ*), называемый далее условно аттенуативом. Ср. примеры из текстов:

* Исследование выполнено при поддержке гранта президента РФ МК-3158.2017.6.

(1) *tawasī xā-p* *kewa-sal tēs dəgdə-pəč-i-ti*
 туда причаливать-CVB.COND.SG чайка-PL полно лететь-DUPL-PRS-3PL
 ‘Если туда пристать, множество чаек летает (туда-сюда).’ (тексты 2017)

(2) *tarā taj mū-ki xup-i-t*
 потом тот вода-PROL играть-PRS-3PL

těj mū-ki xaj puču-nəs-i purin-di
 тот вода-PROL это прыгать-ATTEN-PRS нырять-PRS
 ‘Потом в этой воде играют, в этой воде прыгают (букв. попрыгивают), ныряют.’ (тексты 2017)

Используемая здесь и ниже терминология и классификация значений зоны глагольной множественности взята из типологических работ (Dressler, 1969); (Шлуинский, 2005) и в особенности (Храковский, 1989).

В существующих очерках данные суффиксы упоминаются как «показатели многообъектности или раздробленности действия» (наряду с еще двумя показателями *-ktə* и *-məčI*) (Суник, 1985: 48) и показатель «раздробленности и повторности действия» (*-pəčI*) и «раздробленности, многократной повторности действия» (*-nəsI*) (Петрова, 1936: 72, 73).

В значительно более подробной грамматике близкородственного ульчскому нанайского языка *-nəsI* характеризуется как непродуктивный показатель «раздробленности и неполной интенсивности»; а суффикс *-pəčI* упоминается только как фонетический вариант реципрокального *-məčI* (Аврорин, 1961: 50; 43).

1.3. Методика исследования

В работе обсуждаются данные элицитации: оценка возможности присоединения аффикса и интерпретация соответствующего деривата носителем. Сочетаемость проверена на выборке из ок. 90 глаголов. Для большинства глаголов выборки известен акциональный класс их когнатов в нанайском языке, см. (Оскольская, 2017), и вчерне установлены основные акциональные характеристики в ульчском. Данные собраны в с. Булава Ульчского р-на в 2017 г. От наиболее компетентных и самых пожилых носителей сбор такого рода материала был невозможен. От более молодых и при этом менее компетентных — нецелесообразен.

Ниже последовательно описываются наиболее полные и, как кажется, достаточно достоверные данные, полученные от информанта nvk (1946 г.р.), более фрагментарные данные, полученные от еще двух информантов (nak 1956 г.р., vvd 1958 г.р.), привлекаются в качестве вспомогательного материала.

1.4. Задачи исследования

Задачей работы было описать и сопоставить два на первый взгляд семантически очень близких деривационных показателя: по кругу более частных значений и по лексическому охвату. В более широкой перспективе рассмотренный материал дает возможность оценить, насколько адекватную картину можно построить по данным элицитации такого рода в целом и для вымирающего языка в частности. Еще одна более общая цель работы: привлечение нового материала к типологии показателей глагольной множественности и интенсивности, в особенности не самых изученных в широкой типологической перспективе деривационных показателей.

2. Дубликатив -рӘсі

У показателя -рӘсі выявлен следующий набор значений (приводятся в порядке уменьшения частотности, для тех глаголов, для которых удалось их выявить, даются лексические и аспектуальные ограничения).

а) дубликативное: 1) 'то V то не-V' (для предельных ситуаций с естественной «реверсивной» парой), 2) 'то V, то анти-V' (для непредельных ситуаций: временных, прагматически актуален контекст прекращения и возобновления); 24% (20) глаголов;

б) дисконтинуативное: 'V время от времени, с перерывами'; 24% (20) глаголов;

в) аттенуативное: 'V с пониженной интенсивностью' (для состояний и непредельных процессов); 6% (5) глаголов;

г) альтернативное: 'V туда-сюда, взад-вперед' (для глаголов движения); 4% (3) глаголов (*бежать, лететь, гулять*);

д) ретардативное: 'V постепенно, потихоньку' (для предельных, возможно инкрементальных глаголов); 4% (3) глаголов (*таять, вечереть, наливать*);

е) дисперсивное: 'V в разных местах' (для ситуаций, прагматически предрасположенные к реализации «в разных местах»: *трескаться, прятать*); 2% (2) глаголов;

ж) реципрокальное: 'пере-V-ся' (для глаголов «речи»: *говорить, лаять*); 2% (2) глаголов.

з) квалитативное: 'профессионально заниматься V' (для ситуаций, представимых в т.ч. как профессиональная и под. деятельность); 1% (1) глаголов (*строить*).

и) пердуративное: 'V от начала и до конца'; 1% (1) глаголов (*цвести*).

к) для двух глаголов признавалась синонимия с исходным глаголом;

л) для части глаголов дериват запрещался (в основном состояния, непредельные процессы, из предельных: глаголы с необратимым результатом); 39% (32) глаголов.

Остановимся подробнее на одном из центральных и типологически интересных значений *-pəʃi* — дупликативном. Оно реализуется в ульчском языке в двух разновидностях: а) ‘то V, то anti-V’ (*то завязывал, то развязывал*) и б) ‘то V, то не V’ (*дождь то шел, то прекращался*): значения распределены в зависимости от предельности глагола. Для первой разновидности дупликатива имеются разные логические возможности, в зависимости от того, как соотносятся участники ситуаций V и anti-V. В случае одноместного глагола: ситуация anti-V реализуется субъектом vs. каузатором (*то разгорался, то гас vs. рвался, зашивали, снова рвался*); в случае двухместной: агенсом vs. пациенсом (*завязал, развязал, завязал vs. завязал, развязалось, завязал*). Для ульчского языка доступны, судя по нашим данным, обе интерпретации. Еще один вопрос, возникающий в связи со значением дупликатива, — вопрос о том, относится ли оно к области внешней vs. внутренней множественности в терминах (Храковский, 1989) (т.е. реферирует ли показатель к единой многоактной ситуации или к набору отдельных повторяющихся). В самой классификации (Храковский, 1989) дупликатив рассматривается среди значений внутренней множественности. Ульчский *-pəʃi* при этом на первый взгляд, как кажется, может обозначать оба типа множественности (ср. *tugdərəsɨxəni* ‘дождь накрапывал: то шел, то прекращался’, ‘дождь в некоторые дни шел, а в некоторые нет’). Последний вопрос касается соотношения дупликативных дериватов в антонимичных парах. Такого рода дериваты должны быть синонимичны или квазисинонимичны (*открывать-закрывать-открывать... ≈ закрывать-открывать-закрывать...*), вопрос состоит в том, образуются ли дериваты от обоих членов пары или выбирается какой-то один и какой. Тенденция, которую можно (на небольшом объеме данных не очень уверенно) обнаружить для ульчского языка, состоит в том, что выбирается скорее «негативный» член пары для асимметричных пар и оба — для симметричных: ^{OK}закрывать — ^{OK}открывать; ^{OK}гаснуть — ^{OK/?}гореть, загораться; ^{OK}терять — [?]находить; ^{OK}рваться; *рвать — *зашивать.

3. Атенуатив *-nəʃi*

Показатель *-nəʃi* дает от глаголов выборки следующие значения:

- а) итеративное: ‘V время от времени’; 38% (31) глаголов;
- б) аттенуативное: ‘V с пониженной интенсивностью’ (исключительно или преимущественно с неконтролируемыми глаголами, без ограничений на предельность, ср. с *-pəʃi*); 10% (8) глаголов;
- в) ретардативное: ‘V постепенно, потихоньку’ (предельные инкрементальные (?) глаголы, с отчетливым результатом); 4% (3) глаголов (*есть, лить, сохнуть, таять*);
- г) дупликативное: ‘то V, то не-V’ (непредельные процессы); 4% (3) глаголов (*кипеть, течь*);

д) дисперсивное: ‘V в разных местах’ (ситуации, прагматически предрасположенные к реализации «в разных местах»); 4% (3) глаголов (*рвать, рваться, трескаться*);

е) дистрибутивное: ‘V с разными участниками’; 2% (2) глаголов (*падать, открывать*);

ж) амбулативное: ‘V по X в разных направлениях’ (глаголы движения); 2% (2) глаголов (*лететь, гулять*);

з) пробабилитивное: ‘может быть, V’ (1 случай: *рождаться*);

и) дериват, синонимичный исходному глаголу 2% (2) глаголов;

к) не сочетается с данным глаголом; 32% (26) глаголов.

4. Конкуренция *-pəčI* и *-nəsI*

В этом разделе полученные данные используются для выявления зоны конкуренции и оценки степени конкуренции между показателями.

4.1. Сопоставление по лексическому охвату

Показатели сопоставимы как по общему количеству значений, так и по широте лексического охвата: процент глаголов выборки, не сочетающихся с ними, оказывается примерно равным: 39% для *-pəčI* и 32% для *-nəsI*.

4.2. Семантические зоны конкуренции

Синонимия или квазисинонимия *-pəčI* и *-nəsI* наблюдается в следующих зонах.

а) Итеративная (‘время от времени V’). *-pəčI* дает скорее значение ‘с промежутками’ (дисконтинуатив), *-nəsI* — ‘редко и/или с пониженной интенсивностью’. Первое значение ближе к дупликативному, второе к аттенуативному (т.е. к центральному или одним из центральных значений соответствующих показателей). *-NəsI*, в отличие от *-pəčI*, выступает и как нейтральный итератив (ср. *tətu-* ‘надевать’ > *tətunəsi-* ‘носить’). Значения итеративной зоны *-nəsI* обнаруживает для большего количества лексем, чем *-pəčI*.

б) Альтернативная (‘V туда-сюда’). *-pəčI* и *-nəsI* дают разные оттенки значения: *-pəčI* — ‘взад-вперед’ (ср. с центральным значением дупликativa), *-nəsI* — ‘разнонаправленное хаотичное движение по X’ (амбулатив).

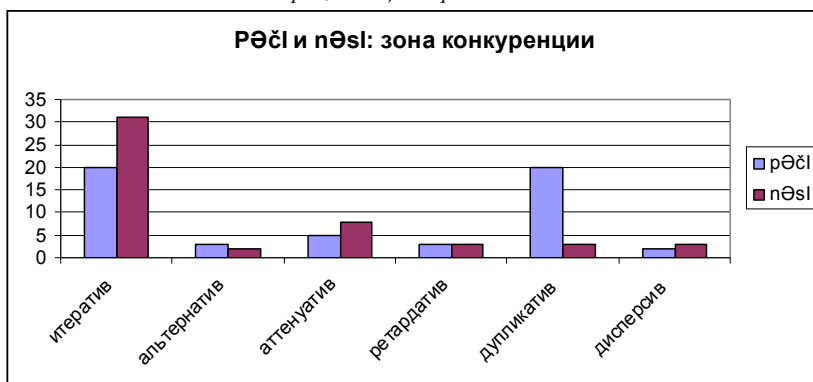
в) Аттенуативная. В собственно аттенуативном значении (‘с пониженной интенсивностью’) *-pəčI* обнаруживает ограничение на предельность, *-nəsI* систематических ограничений не обнаруживает. При этом *-pəčI* дает не меньше, а почти столько же дериватов с аттенуативным значением, сколько и «аттенуатив» *-nəsI*. Оба показателя также могут иметь ретардативное значение (‘потихоньку, постепенно V’): это редкие дериваты, от одних и тех же глаголов для обоих показателей.

г) Дупликативная. Центральная интерпретация для $-p\theta\check{c}I$, очень редкая, но возможная — для $-n\theta sI$.

д) Дистрибутивная. Для $-p\theta\check{c}I$ зафиксирована дисперсивная интерпретация ('в разных местах'); для $-n\theta sI$ дисперсивная и собственно дистрибутивная (объектный дистрибутив). Во всех случаях в подобных употреблениях имеет место также конкуренция с неограниченно продуктивным специализированным дистрибутивом $-kt\theta$.

График 1 показывает лексический охват каждого из показателей в зонах конкуренции. Разница наблюдается, как было сказано выше, для итеративной зоны (частотнее $-n\theta sI$), дупликативной (частотнее $-p\theta\check{c}I$); неожиданно, что разницы практически нет в аттенуативной зоне.

График 1. Зона конкуренции $-n\theta sI$ и $-p\theta\check{c}I$:
доля лексем выборки, дающих дериват с данным значением

4.3. Область лексического пересечения

При значительном семантическом пересечении, область лексического пересечения у $-n\theta sI$ и $-p\theta\check{c}I$ не особенно велика: одно и то же значение показатели дают для примерно 24% лексем выборки.

5. Обобщения

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие обобщения.

а) Дупликатив $-p\theta\check{c}I$ имеет (в качестве одного из основных значений) типологически интересное значение дупликатива ('то V, то anti-V' и под.) Причем ульский язык дает материал для более общей классификации и параметров варьирования подобных показателей.

б) «Аттенуатив» $-n\theta sI$ оказывается при ближайшем рассмотрении показателем, который нельзя однозначно атрибуировать ни как аттенуативный, ни как мультипликативный (чего можно было бы ожидать исходя из семантики его когната в нанайском языке и предварительных наблюдений над ульским).

в) Конкуренция «аттенуатива» -nƏsI и «дупликатива» -pƏčI. Показатели сопоставимы по продуктивности. У них достаточно большая область семантического пересечения (одни и те же значения). Тем не менее а) область их лексического пересечения (одни и те же значения при одних и тех же лексемах) невелика, б) показатели имеют разные и достаточно отчетливые семантические доминанты и полной синонимии в зонах конкуренции не обнаруживают.

г) Материал, полученный методом простой элициации всего от одного носителя, безусловно, нуждается в дополнительной проверке, прежде всего по текстам, насколько это окажется возможным. Тем не менее он дает, как минимум достаточно последовательную и ясную картину.

Список условных сокращений

ATTEN — аттенуатив; COND — кондиционал; CVB — деепричастие; DUPL — дупликатив; PL — множественное число; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; SG — единственное число.

Литература

- Аврорин В.А. (1961) Грамматика нанайского языка. Т. II. М. — Л.: Наука.
Оскольская С.А. (2017) Аспект в нанайском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.
Петрова Т.И. (1936) Ульчский диалект нанайского языка. М.: Учпедгиз.
Сумбатова Н.Р., Гусев В.Ю. (2016) Ульчский язык // Михальченко В.Ю. (Гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник.
Суник О.П. (1985) Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука.
Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. // Типология итеративных конструкций. Л.: Наука.
Шлуинский А.Б. (2005) Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. М.: МГУ.
Dressler W. (1968) Studien zur verbalen Pluralität. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.
Kazama Sh. (2010) Ulcha oral literature 5. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies.

Рутульский и цахурский атрибутивизаторы: гипотеза о встречном развитии показателей*

Алексей Игоревич Федоренко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
fedorenksei@gmail.com

1. Введение

Статья посвящена гипотезе о происхождении достаточно схожих по своим функциям показателей в двух родственных языках лезгинской ветви нахско-дагестанской языковой семьи — рутульском и цахурском.

В работе использованы данные из литературы, а также полевые данные экспедиции Школы лингвистики НИУ ВШЭ в с. Кина Рутульского района 2016 г.

В разделе 2 приведены необходимые синхронные данные о показателях. В разделе 3 изложена существующая точка зрения на происхождение показателей. В разделе 4 сформулирована непосредственно гипотеза о влиянии языкового контакта на развитие показателей.

2. Синхронные данные

И в рутульском, и в цахурском языке есть показатели, маркирующие различные приименные зависимые. В рамках этой статьи мы рассматриваем их как единые показатели. Ниже, в разделах 2.1-2.5 рассматриваются типы атрибутивных форм по способу образования с морфологической точки зрения. В разделе 2.6 сообщается о способности атрибутивных форм присоединять показатели числа и падежа. В разделе 2.7 приводятся известные нам морфонологические характеристики показателей.

2.1. Отыменные атрибутивы

Атрибутивизаторы присоединяются к косвенным именным основам, к которым присоединяются показатели всех падежей, кроме немаркируемого номинатива.

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Автор хотел бы выразить благодарности участникам конференции «Малые языки в большой лингвистике», а также М. А. Даниэлю, М. Н. Копчевой-Тамм, Ю. А. Ландеру, Т. А. Майсаку, Г. А. Морозу и Д. М. Рахману за ценные обсуждения.

Имя в атрибутивной форме может быть связано с определяемым именем множеством разных семантических отношений (Калинина, Толдова 1999: 376-379).

- (1) а. рутульский *wɪyil-now-di* *q'uwa*
 мужчина-OBL.SG-ATR сила
 ‘мужская сила’
- б. цахурский *jičō-j-na* *diχ*
 сестра-OBL-AA сын.I
 ‘сын сестры’ (Калинина, Толдова, 1999: 378)

2.2. Отглагольные атрибутивы

Атрибутивизаторы присоединяются к перфективным и имперфективным основам (2) и к инфинитиву (в цахурском — потенцилису) (3). Инфинитив и потенцилис морфологически самостоятельны. (Им)перфективные основы в рутульском морфологически несамостоятельны и должны присоединять либо показатель конверба, либо атрибутивизатор (Алексеев, 1985: 230-231). В цахурском они являются самостоятельными синтетическими формами (Татевосов, 1999: 86) (4).

Такие формы возглавляют релятивные клаузы.

- (2) а. рутульский *za-s hac'a-r-a* *suq'u-d* *edemi*
 я-DAT I.знать-CVB-AUX1 I.сестр-PFV-ATR человек
 ‘Я знаю человека, который сидит.’
- б. цахурский *t'uflɪ-b-iši-l-qa* *ma-na* *ja'q̄-i-l'* *ha<j>ʔ-īni*
 [туфли-PL-OBL-PL-SUP-ALL этот-II-AA дорога-OBL-SUP <II>делать-PF]-AOWL
- waχt-a-l'* *ma-na* *sumk'a*
 время-OBL-SUP этот-AA сумка-III
- gi<w>x-u* *w-uxa-na* *ʒu-ni* *k'ane*
 <III>клясть-PF III-стать-PF-AA сам.I.OBL-AOWL рядом
 ‘В то время, когда она отправилась [= ее на дорогу сделали] за туфлями, та сумка лежала рядом с ним.’ (Калинина, Толдова, 1999: 388).
- (3) а. рутульский *sat-as-di*
 leave-INF-ATR
 ‘who will leave / be left’ (Alekseev, 1994: 235) (гlossы мои — А.Ф.)
- б. цахурский *a'qana* *haʔ-as-da* *gade*
 смех I.делать-POT-AA мальчик
 ‘мальчик, который будет смеяться’ (Калинина, Толдова, 1999: 382) (гlossы мои — А.Ф.)

- (4) цахурский
ma'hammad qik'-u / gek'-a
 Магомед.І І.умирать-РF І.умирать-IPF
 'Магомед умер / умирает.' (Татевосов, 1999: 86)

2.3. Атрибутивные формы прилагательных

Прилагательные, используясь в качестве определения к имени, в обоих языках оформляются атрибутивизаторами (5). В цахурском, используясь в качестве сказуемого, прилагательные могут выступать либо в форме без суффиксов, совпадающей с основой, требуя одного из ползузнаменательных глаголов (Сосенская, 1999с: 96-97) (6), либо в адвербиальной форме (со связкой или самостоятельно) (Сосенская, 1999с: 99-101) (7), либо в атрибутивной форме, требуя связки (Калинина, Толдова, 1999: 400) (8). В рутульском прилагательные, используясь в качестве сказуемого, выступают в форме с атрибутивизатором при выражении постоянного качества и в форме со специальным сингармонирующим гласным, выражая временный признак (9) (Махмудова, 2002: 214-125) (Ибрагимов 2004: 75).

- (5) а. рутульский
za-d li-ʔ-i-r-a-j ir-di eč
 я-ERG кушать-IV-PFV-CVB-AUX1-PST красный-ATR яблоко
 'Я съел красное яблоко.'
- б. цахурский
a-b-na jug-na balkan
 идти-III-AA хороший-AA лошадь.III
 'Пришла хорошая лошадь.' (Сосенская, 1999с: 99)
- (6) цахурский
gade našwal-i-n č'ara qixa
 мальчик(I) стыд-OBL-ERG красный І.статья.PF
 'Мальчик от стыда покраснел.' (Сосенская, 1999с: 95)
- (7) цахурский
 а. *haʃde n'aʒas d-aʃχ-a, texnik'a-d χe-d*
 теперь почему NEG-IV.мочь-IPF техника.IV-CON.IV большой-IV
qixa-jn nimā-xe-d miʃʔkam-da
 IV.статья.PF-A сколько-INDEF1-IV крепкий-ADV.IV
 '<...> теперь почему не могут, (ведь) и техники больше стало, и (она) очень надежная [= сколько угодно крепкая]' (Сосенская, 1999с: 100)
- б. *rasul aχti-rawo-r*
 Расул.I высокий-ADV.I.быть-I
 'Расул высокий.' (Сосенская, 1999с: 95)

- (8) цахурский
zi lap dïoles-na wo-r
 я.1 очень близкий-АА быть-1
 ‘Я очень близкий.’ (Калинина, Толдова, 1999: 400)
- (9) ругульский
 a. *jiwan jiχ-di w-i?i*
 лошадь хороший-АТР III-быть
 ‘Лошадь хорошая есть.’ (постоянное качество)
 (Ибрагимов, 2004: 75)
- b. *jiwan jiχ-a w-i?i*
 лошадь хороший-AUX III-быть
 ‘Лошадь хороша.’ (в данный момент) (Ибрагимов, 2004: 75)

2.4. Атрибутивизация падежных форм

Атрибутивизаторы могут присоединяться непосредственно к падежным показателям, маркируя подчинение к вершинному имени всей именной группы (Калинина, Толдова, 1999: 385). Атрибутивизации поддаются датив, комитатив и пространственные формы.

- (10) a. ругульский
za-d li-ʔ-i-r gad-ije-s-di xiw
 я-ERG кушать-IV-PFV-CVB юноша-OBL-DAT-АТР хлеб
 ‘Я съел хлеб, который был для юноши.’
- b. цахурский
zer-a-ni n'ak-u-k^{va}-na jiq'
 корова-OBL-AOBL молоко-OBL-COM-AA суп(III)
 ‘суп с коровьим молоком’ (Калинина, Толдова, 1990: 387)

2.5. Атрибутивизация наречий

Атрибутивизаторы могут присоединяться к наречиям (Калинина, Толдова, 1999: 382).

- (11) a. ругульский
k'ibdi-d
 рано-АТР
 ‘ранний, быстрый, древний’ (Махмудова, 2002: 99)
- b. цахурский
saniχi-na
 вчера-АА
 ‘вчерашний’ (Калинина, Толдова, 1999: 382) (гlossы мои — А.Ф.)

2.6. Номинализация атрибутивных форм

Все формы, образованные атрибутивизаторами, присоединяют именные показатели в употреблениях без вершинного имени (Сосенская, 1999а: 199). Перед присоединением показателей числа и падежа к атрибутивизаторам присоединяются суффиксы косвенных основ¹.

(12) а. рутульский

<i>musa j-irq'-i-r</i>	<i>žag^war-di</i>	<i>xejwan-a-k^wan</i>
Муса I-прибыть-PFV-CVB	белый-ATR	лошадь-OBL-COM

<i>ali j-irq'-i-r</i>	<i>liχ^č-dī-k^wan</i>
Али I-прибыть-PFV-CVB	черный-ATR-COM

‘Муса приехал на белой лошади, а Али на черной.’
(С. К. Михайлов, полевые данные)

б. цахурский

<i>či^čwa-n gurt</i>	<i>jug-da</i>	<i>wo-d lagar-in-čī-l-e</i>
зелёный-A платье-IV	хороший-ADV-IV	быть-IV синий-A-OBL.N-SUP-EL

‘Зелёное платье лучше синего.’ (Сосенская, 1999а: 199)

2.7. Некоторые морфонологические характеристики

Цахурский атрибутивизатор, в отличие от рутульского, согласуется с определяемым именем по числу, классу и косвенности (номинатив vs. другие падежи и атрибутивная форма). Три алломорфа показателя распределены следующим образом: *-na* при вершинах в номинативе ед. ч. I-III классов, *-n* при других вершинах в номинативе, *-ni* при вершинах в других падежах; при этом только при присоединении алломорфа *-n* к согласному перед алломорфом вставляется гласный (Сосенская, 1999а: 193-194).

В рутульском похожим образом вставляется гласный только перед алломорфом *-d*, но не перед *-dī* (см., например, Alekseev, 1994: 224).

3. Данные реконструкции

Согласно реконструкции пралезгинской морфологии М.Е. Алексева, рефлекс пралезгинского генитива **-n* присутствует во всех языках лезгинской группы (в том числе цахурский атрибутивизатор), кроме рутульского (Алексеев, 1985: 44). При этом рутульский атрибутивизатор считается рефлексом другого показателя — адъектива **-t:V*. В большинстве лезгинских языков (лезгинский, табасаранский, агульский, крызский,

¹ По большей части выбор суффикса для образования косвенной основы является лексической информацией (см. подробнее (Кибрик, Кодзасов, 1990: 292-294). Мы точно не знаем, по каким правилам выбирается суффикс при номинализации атрибутивов.

будухский, удинский) рефлексy этого показателя участвуют в процессе номинализации прилагательных (Алексеев, 1985: 63-64)². Однако в рутульском и арчинском языках рефлексy этого суффикса оформляют прилагательные в приименных употребленииx.

М.Е. Алексеев также рассматривает показатели, оформляющие поессоры и релятивные клаузы как один показатель: «Кроме того, рутульский *-d(ы)* приобрел также функции генитива» (Алексеев, 1985: 64).

«Всё это указывает на процесс контаминации генитива с формами адъектива. Этот процесс имел место уже в период рутуло-цахурского единства, однако привел к различным результатам. Если в цахурском сохранилась форма генитива, которая приобрела некоторые признаки атрибутива, то в рутульском в качестве форманта генитива ныне употребляется исконный показатель адъектива ...» (Алексеев, 1985: 44).

4. Заключение и открытый вопрос

В разделе 2 были рассмотрены различия в морфологических характеристиках двух показателей: рутульского и цахурского атрибутивизаторов. Оба показателя образуют приименные зависимые, присоединяясь к именным косвенным основам, глагольным перфективным и имперфективным основам, к формам инфинитива, к основам прилагательных, к формам многих падежей, к наречиям. Основное отличие между показателями заключается в том, что цахурский атрибутивизатор частично выражает категории числа, рода и падежа вершины (в отличие от рутульского).

М.Е. Алексеев возводит эти два показателя к разным пралезгинским показателям: цахурский атрибутивизатор к пралезгинскому падежному показателю генитива, а рутульский атрибутивизатор — к пралезгинскому суффиксу прилагательных. Предполагается некоторое смешение генитива и адъектива на рутуло-цахурском уровне, вследствие которого в цахурском генитив приобрел функции адъектива, а в рутульском — наоборот.

Таким образом, в цахурском и в рутульском языках есть показатели, имеющие практически одинаковые типологически редкие наборы свойств, при этом однако происходящие из двух разных реконструируемых показателей праязыка. Опираясь на это, хочется предположить, что этот процесс был обусловлен языковым контактом. Например, можно представить сценарий, при котором сначала в рутульском суффикс прилагательного вытеснил генитив из именной парадигмы, а затем в цахурском генитив, переняв дистрибуцию рутульского атрибутивизатора,

² Однако в разных языках они имеют разные ограничения на употребление (например, в лезгинском только в единственном числе).

начал присоединяться к прилагательным. Однако это предположение не объясняет совпадение других характеристик атрибутивизаторов: использование при оформлении релятивных клауз (присоединение к перфективным и имперфективным глагольным основам и инфинитивам) и атрибутивизацию падежных форм. Возможно, эти совпадения тоже можно объяснять языковым контактом.

Список условных сокращений

I — 1-й именной класс (мужчины); II — 2-й именной класс (женщины); III — 3-й именной класс; IV — 4-й именной класс; ATR — атрибутивизатор; AUX1 — вспомогательный глагол; CVB — конверб; DAT — датив; ERG — эргатив; INF — инфинитив; NOM — номинатив; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Алексеев М.Е. (1985) Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. Москва, «Наука».
- Ибрагимов Г.Х. (2004) Рутульский язык: Синхрония и диахрония. Махачкала, «Народы Дагестана».
- Калинина А.Е., Толдова С.Ю. (1999) Атрибутивизация. // Кибрик А.Е. (редактор-составитель), Тестелец Я.Г. (соредактор). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. Москва, «Наследие». С. 377-419.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. (1990) Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. Москва, Изд-во МГУ.
- Махмудова С. М. (2002) Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка. Махачкала.
- Сосенская Т.Б. (1999а) Атрибутивная репрезентация. // Кибрик А.Е. (редактор-составитель), Тестелец Я.Г. (соредактор). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. Москва, «Наследие». 193-201.
- Сосенская Т.Б. (1999b) Местоимения. // Кибрик А.Е. (редактор-составитель), Тестелец Я.Г. (соредактор). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. Москва, «Наследие». 129-151.
- Сосенская Т.Б. (1999c) Предикатив. // Кибрик А.Е. (редактор-составитель), Тестелец Я.Г. (соредактор). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. Москва, «Наследие». 92-113.
- Татовосов С.Г. (1999) Состав и организация глагольной парадигмы. // Кибрик А.Е. (редактор-составитель), Тестелец Я.Г. (соредактор). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. Москва, «Наследие». 86-91.
- Alekseev M.E. (1994) Rutul. // Smeets R. (Ed.). The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 4. The North East Caucasian languages. Part 2. Delmar: Caravan. P. 213-258.

Частица =at в горномарийском языке: синтаксис и семантика*

Ирина Андреевна Хомченкова
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
irina.khomchenkova@yandex.ru

1. Введение

Предметом исследования является синтаксический статус частицы =at (=ät после передних гласных) в восточных горномарийских говорах, которая в традиционных грамматиках рассматривается как «выделительно-усилительная» частица (Саваткова, 2002, 269). Материал собран в экспедиции ОТиПЛ МГУ 2017 г. в с. Кузнецово Горномарийского района Респ. Марий Эл и в близлежащих деревнях (Тюманово, Апшак-Пеляк). Учтены также данные корпуса (около 34000 словоупотреблений), собранного коллективом экспедиции.

2. Основные функции частицы =at

Рассмотрим функции частицы =at, которые свойственны многим аддитивным частицам, см., например, типологический обзор (Forker, 2016). Во-первых, =at добавляет аддитивную пресуппозицию (предикация верна как минимум для одной альтернативы референта, маркированного частицей), а в некоторых случаях и скалярную пресуппозицию (предикация наиболее / наименее вероятна для других альтернатив) в терминах (Krifka, 1998).

Например, в (1) ассерция — ‘купи молоко’, а в (2) — ‘пришел Петя’. В обоих примерах =at добавляет аддитивные пресуппозиции (‘просьба о покупке ранее касалась чего-л. еще’ и ‘кроме Пети пришел кто-то еще’). В (2) также добавляется скалярная пресуппозиция — ‘на шкале альтернатив (приходов людей из релевантного множества) приход Пети являлся наименее вероятным’.

(1) šäšer-äm= ät	näl	(2) pet'a= at	tol-än
молоко-ACC=ADD	брат.IMP	Петя=ADD	прийти-PRET
‘Молоко тоже купи!’		‘Даже Петя пришел!’	

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

Также =at привносит исчерпывающую интерпретацию при собира-
тельных числительных:

- (3) *nänö* *vəz-ət-ən=ät* *tol-ən-ət*
3PL 5-FULL-COLL=ADD прийти-PRET-3PL
'Они пришли все пятером.'

Данная частица служит маркером сочинительной связи, маркируя
оба конъюнкта. Она может соединять ИГ (4), группы прилагательных,
послелогов, глаголов (5).

- (4) *ät 'ä-m-län=ät* *ävä-m-län=ät*
папа-POSS.1SG-DAT=ADD мама-POSS.1SG-DAT=ADD

rovotaj-əšəš-lək *əl-ət*
работать-OPT-DEST быть-NPST.3PL
'И маме, и папе нужно работать.'

- (5) *každəj* *kečə-n* *pet 'a kušt-a=at* *mər-a=at*
каждый день-GEN Петя танцевать-NPST.3SG=ADD петь-NPST.3SG=ADD
'Каждый день Петя и танцует, и поет.'

Эта конструкция не является нейтральным способом сочинить ИГ,
данный случай относится к эмфатическому, или контрастивному сочи-
нению (Haspelmath, 2007, 15), в котором каждый из конъюнктов рас-
сматривается по отдельности. Поэтому (6) может значить только то, что
и Петя, и Вася дерутся с кем-то еще.

- (6) *pet 'a-ž=at* *vas 'a-ž=at* *šidäl-ət*
Петя-POSS.3SG=ADD Вася-POSS.3SG=ADD драться-NPST.3PL
'И Петя, и Вася дерутся (с кем-то).'
- *'Петя и Вася дерутся друг с другом.'

3. Частица =at как средство соединения клауз

Частица =at также используется в ряде полипредикативных конст-
рукций. Во-первых, она соединяет клаузы в составе уступительного
союза *gən '=ät* (если=ADD) 'хотя':

- (7) *mən '-ən* *əškal-em* *ulə* *kəzət=ät*,
я-GEN корова-POSS.1SG EX сейчас=ADD

šket-em=ok *əl-am* *gən '=ät*
REFL-POSS.1SG=EMPH быть-NPST.1SG если=ADD
'Я до сих пор держу корову, хоть и одна.'

Также *gən 'at* употребляется и в скалярных условно-уступительных
конструкциях:

- (8) *pü a-k karštâ gñn'=üt*
зуб NEG.NPST-3 болеть если=ADD

šâpš-am âlân man-eš maxorkâ-m
тянуть-NPST.1SG RETR2 говорить-NPST.3SG махорка-ACC
'Даже если зуб не болел, я уже курила, говорит, махорку.'

Модель "если"+ADD распространена типологически: переход от 'даже если' к 'хотя' возможен благодаря конвенциональной имплицатуре несочетаемости антецедента и последствия (König, 2002, 82). Например, в (8) условное отношение 'если p, то q' предполагается для наименее вероятного события: обычно женщина курила махорку только тогда, когда у нее болел зуб. Однако курение махорки произошло и в то время, когда зуб не болел, хотя это не ожидалось. Аналогично предложение 'Хотя p, q' значит 'Если p, то обычно не q', т.е. пример (7) предполагает имплицатуру, что обычно люди не держат коров, будучи в одиночестве.

Частица =at может соединять клаузы и при единичном использовании со значением причины. Она может присоединяться к финитным формам (9), а также к неизменяемым формам типа маркера экзистенциального отрицания *uke* (10).

- (9) *šarâk-vlä kafsta-m kačk-ân kolt-en-ät,*
овца-PL капуста-ACC есть-CVB слать-PRET-3PL

pičâ-š pâr-en-ät=üt
огород-ILL зайти-PRET-3PL=ADD
'Когда овцы зашли в огород, они съели капусту.'

- (10) *mardež uke=üt, älštâš-vlä a-k tärvân-ep*
ветер NEG.EX=ADD лист-PL NEG.NPST-3 шевелиться-3PL
'Ветра нет, и листья не шелестят.'

Употребление =at в качестве союза отмечалось в (Васикова, 1983; Иванова, 1984), и такие предложения трактовались как сложносочиненные, хотя и отмечалась некоторая несимметричность данных конструкций из-за значения времени/причины.

Применив ряд тестов на разграничение сочинения и подчинения, мы выяснили, что частица =at является маркером подчинительной связи. Обсудим эти тесты далее.

3.1 Линейный порядок

Данный критерий был предложен в (Haspelmath, 1995). В сочинительных конструкциях, выражающих последовательность событий, порядок клауз отражает порядок следования ситуаций. Так, в (11) при перестановке клауз смысл изменяется, поскольку *dä* является сочинительным союзом.

- (11) a. *mән' pi-m uʒ-ән-am dū ölicä-š läkt-ән-äm*
я собака-ACC увидеть-PRET-1SG и улица-ILL выйти-PRET-1SG
'Я увидел собаку и вышел на улицу.'
- b. *mән' ölicä-š läkt-ән-äm dū pi-m uʒ-ән-am*
я улица-ILL выйти-PRET-1SG и собака-ACC увидеть-PRET-1SG
'Я вышел на улицу и увидел собаку.'

В (12) с подчинительным союзом *kānam* от перестановки клауз смысл не меняется.

- (12) a. *kānam mән' tol-ән-am, pet'a kârgâž-ән*
когда я прийти-PRET-1SG Петя убежать-PRET
- b. *pet'a kârgâž-ән, kānam mән' tol-ән-am*
Петя убежать-PRET когда я прийти-PRET-1SG
'Когда я пришла, Петя убежал.' {a=b}

По данному критерию частица =at является подчинительным элементом: перестановка клауз не ведет к изменению смысла всего предложения:

- (13) a. *mән' [pi-m uʒ-ән-am=at]*
я собака-ACC видеть-PRET-1SG=ADD
ölicä-š läkt-ән-äm
улица-ILL выйти-PRET-1SG
- b. *mән' ölicä-š läkt-ән-äm*
я улица-ILL выйти-PRET-1SG
[pi-m uʒ-ән-am=at]
собака-ACC видеть-PRET-1SG=ADD
'Я вышла на улицу, увидев собаку.' {a=b}

3.2 Гнездование

Данный критерий упоминался в (Зализняк, Падучева, 1975; Haspelmath, 1995). Подчиненная клауза может быть линейно вложена внутрь главной; ни одна из сочиненных клауз не может быть линейно вложена внутрь другой.

В (14) вложить одну клаузу в другую невозможно, что подтверждает сочинительный характер *dä*. В (15) вложение клаузы, содержащей *kānam*, грамматично, из чего мы делаем вывод о его подчинительном характере.

- (14) **maša, dū pet'a tol-ән, läkt-ән*
Маша и Петя прийти-PRET уйти-PRET
Ожид. значение: 'Когда Петя пришел, Маша ушла.'

- (15) *pet'a [k̄nam m̄n' t̄d̄-m uʒ-̄n-am], k̄rḡž-̄n*
 Петя когда я тот-ACC видеть-PRET-1SG убежать-PRET
 'Петя, когда я его увидела, убежал.'

Частица =*at* по данному критерию также имеет подчинительный характер, поскольку вложение клаузы, маркированной данной частицей, является грамматичным:

- (16) *miša [keč̄ anž-a=at] susu ḡl-eš*
 Миша солнце смотреть-NPST.3SG=ADD радостный быть-NPST.3SG
 'Из-за того что светит солнце, Миша радостный.'

3.3 Воздействие матричного глагола

Данный тест был использован в (Зализняк, Падучева, 1975) для разграничения сочинения / подчинения в сложном предложении как один из вариантов критерия морфосинтаксического локуса. Если матричный глагол приписывает какой-либо признак зависимой клаузе, то такой признак распространяется на все конъюнкты.

Рассмотрим пример (17). Предикат *päläš* 'знать' приписывает своему сентенциальному актанту форму номинализации, а субъект употребляется в форме генитива:

- (17) *ät'ä-m päl-ä*
 отец-POSS.1SG знать-NPST.3SG
- [šar̄k-vl̄-n pič̄-š p̄r-̄m̄-št̄-m]*
 овца-PL-GEN огород-ILL зайти-NMLZ-POSS.3PL-ACC
 'Папа знает, что **овцы зашли** в огород.'

В (18) при использовании союза *d̄ä* предикаты обеих клауз имеют форму номинализации, что говорит о его сочинительной природе. В (19) же оформление клауз различно: клауза с подчинительным союзом *k̄nam* остается в финитной форме, поскольку зависит не от матричного предиката.

- (18) *ät'ä-m päl-ä*
 папа-POSS.1SG знать-NPST.3SG
- šar̄k-vl̄-n pič̄-š p̄r-̄m̄-(št̄-m) d̄ü*
 овца-PL-GEN сад-ILL зайти-NMLZ-POSS.3PL-ACC и
- kaf̄šta-m kač̄k-̄n kolt-̄m̄-št̄-m*
 капуста-ACC есть-CVB слать-NMLZ-POSS.3PL-ACC
 'Папа знает, что овцы зашли в сад и съели капусту.'

- (19) *ät'ä-m* *päl-ä*
папа-POSS.1SG знать-NPST.3SG
- šarə̄k-vlä-n* [*kə̄nam* *nənə* *pičə̄-š* *pər-en-ə̄t*],
овца-PL-GEN когда они сад-ILL зайти-PRET-3PL
- kafšta-m* *kačk-ən* *kolt-əmə̄-štə̄-m*
капуста-ACC есть-CVB слать-NMLZ-POSS.3PL-ACC
- ‘Папа знает, что овцы съели капусту, когда зашли в сад.’

В (20) =at ведет себя аналогично союзу *kə̄nam*: предикат, маркированный частицей, не приобретает форму номинализации, что говорит о подчинительном характере конструкции с частицей.

- (20) *ät'ä-m* *päl-ä*
папа-POSS.1SG знать-NPST.3SG
- šarə̄k-vlä-n* [*pičə̄-š* *pər-en-ət=ät* / **pər-əm=at*]
овца-PL-GEN огород-ILL зайти-PRET-3PL=ADD зайти-NMLZ=ADD
- kafšta-m* *kačk-ən* *kolt-əmə̄-štə̄-m*
капуста-ACC есть-CVB слать-NMLZ-POSS.3PL-ACC
- ‘Папа знает, что овцы зашли в огород и съели капусту.’

Итак, обобщим полученные данные в таблице:

Таблица 1.

Результаты применения тестов на разграничения сочинения и подчинения

Критерий	<i>dä</i> ‘и’	<i>kə̄nam</i> ‘когда’	=at ‘=ADD’
Линейный порядок	сочинение	подчинение	подчинение
Гнездование	сочинение	подчинение	подчинение
Матричный глагол	сочинение	подчинение	подчинение

Видно, что по формальным критериям =at является маркером подчинительной связи, хотя типологически распространено использование аддитивных частиц в качестве сочинительных союзов (Mithun 1988; König 2002).

4. Выводы

Горномарийская частица =at — аддитивная частица, которая может соединять клаузы. В предшествующих описаниях предложения, содержащие глагол с частицей =at, трактовались как сложносочиненные, хотя и отмечалась несимметричность таких конструкций и наличие у них причинного значения.

Использование аддитивных частиц в качестве сочинительных союзов довольно распространено (Forker, 2016, 82). Однако, согласно нашим данным, частица =at является маркером не сочинительной, а подчинительной связи. Важно, что частица =at присоединяется к финитным

формам, т.е. именно она вводит подчинительное отношение. Это отличает такие конструкции от некоторых других известных конструкций, например, адвербиальных клауз времени в ингушском (Nichols, 2011, 301), поскольку в этом языке, в отличие от горномарийского, аддитив присоединяется к нефинитной — уже подчинительной — форме глагола.

Употребление аддитивных частиц в подчинительной функции с финитной формой не является типологически распространенной моделью. Мы предполагаем, что подчинительная конструкция с частицей =*at* развилась из конструкции со значением ‘и поэтому’, ср. аналогичные сценарии развития из сочинения в подчинение (Hopper, Traugott, 2003).

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; COLL — собирательность; CVB — конверб; DAT — датив; DEST — дестинатив; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NPST — непрошедшее время; OPT — оптатив; PL — множественное число; PRET — претерит; EMPH — эмфатическая частица; POSS — посессивный показатель; REFL — рефлексив; RETR2 — показатель ретроспективного сдвига; SG — единственное число.

Литература

- Васикова Л.П. (1983) Структурно-семантические особенности сложносочиненных предложений с союзной частицей -ат в марийском языке // СФУ. №1. С. 31-40.
- Зализняк А.А., Падучева Е.В. (1975) К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика №6. С. 59-107.
- Иванова Э.К. (1984) Частицы между однородными членами предложения в марийском языке // Труды по финно-угроведению. Тарту. №11. С. 37-42.
- Саваткова А.А. (2002) Горное наречие марийского языка. Bibliotheca ceremissica. Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola.
- Foley W.A, Van Valin Jr, R.D. (1984) Functional syntax and universal grammar. Cambridge: Cambridge University Press.
- Forker D. (2016) Toward a typology for additive markers // *Lingua* (180). P. 69-100.
- Haspelmath M. (1995) The converb as a cross-linguistically valid category // Haspelmath M., König E. (eds.). *Converbs in Crosslinguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 1-55.
- Hopper P., Traugott E.C. (2003) *Grammaticalization*. Cambridge University Press.
- Langacker R. (1969) On pronominalization and the chain of command // D. Reibel and S. Schane (eds.). *Modern studies in English*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall.
- König E. (2002) The meaning of focus particles: A comparative perspective. Routledge.
- Krifka M. (1998) Additive particles under stress. // Strolovitch D., Lawson A. (eds) *Proceedings from Semantics and Linguistic Theory 8*. Ithaca NY, CLC Publications, pp. 111-128.
- Mithun, M. (1988) The grammaticization of coordination // J. Haiman, S. Thompson (eds.), *Clause combining in grammar and discourse*, Amsterdam, Philadelphia: Benjamins. pp. 331-60.
- Nichols J. (2011) *Ingush grammar*. Berkeley: University of California Press.
- Reinhart T. (1983) *Anaphora and semantic interpretation*. Chicago: The Univ. of Chicago Press.
- Ross J. (1967) Constraints on variables in syntax. Ph. D. diss. MIT.